

*«Я совершенно признаю,
что продолжать совместную работу
нам будет трудно»:
В. А. Маклаков*

Публикация, вступительная статья и примечания
О. В. Будницкого¹

¹ О. В. Будницкий – профессор Высшей школы экономики (Москва).

Василию Алексеевичу Маклакову довелось участвовать в решающих событиях российской истории начала XX столетия. И — что случай не столь частый для политиков его поколения — было суждено жить долго (Маклаков скончался на 89-м году жизни). Времени, чтобы осмыслить происшедшее на его глазах и при его участии, оказалось более чем достаточно: Маклаков провел в эмиграции почти половину жизни — 40 лет. Использовал он отведенное судьбой для размышлений и анализа время с толком — написал несколько книг и немало статей о том, что предшествовало русской революции и что ее вызвало. О том, что видел, в чем участвовал и в чем был виноват. Книги Маклакова относятся к числу важнейших источников по истории «русской смуты» начала XX века. И к числу наиболее ярких и влиятельных мемуарных текстов, созданных русскими эмигрантами. Как ни удивительно, его главная книга была опубликована впервые на страницах СЗ. Удивительно — потому что идеи, которые развивал Маклаков в своих мемуарах (являвшихся в такой же степени воспоминаниями, как и размышлениями), были более чем противоположны «исповеданию веры» редакторов журнала.

Однако — по порядку. О Маклакове написано довольно много, в том числе и автором этих строк². Напомним, тем не менее, основные вехи его биографии. Василий Алексеевич Маклаков родился 10 мая 1869 г. в Москве в семье потомственных дворян; его отец был известным врачом-окулистом, профессором (1890); мать происходила из богатой помещичьей семьи. После ранней смерти матери отец женился вторым браком на дочери директора Петровско-Разумовской академии Л. Ф. Ламовской (в девичестве — Королевой), в прошлом гражданской жене В. А. Слепцова, близкой к демократическим кругам. Мачеха была известной писательницей, публиковавшей свои произведения под псевдонимом Л. Нелидова.

После окончания в 1887 г. с серебряной медалью 5-й Московской гимназии Маклаков поступил на естественный факультет Московского университета, однако затем перешел на историко-филологический, который окончил в 1894 г. Принимал активное участие в студенческом движении, был одним из создателей московского землячества. Большое впечатление на него произвела поездка во Францию в 1889 г.; там он познакомился с

² См.: *Адамович Г. В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // НЖ. 1960. № 60. С. 265–280; *Будницкий О. В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *Он же.* Маклаков и Милоков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же.* В. А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; *Он же.* Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П. Н. Милоков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *Он же.* Послы несуществующей страны // Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 16–114; *Он же.* Попытка примирения // Диаспора. Париж: СПб., 2001. [Вып.] 1. С. 179–240; *Он же.* 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311; *Он же.* В. А. Маклаков и В. В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг./Сост., вступит. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2012. С. 5–42; *Он же.* После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // Родина. 2012. № 7. С. 17–22; *Дедков Н. И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005 и др.

французскими студентами и пытался воспроизвести некоторые формы самоорганизации студенчества в России; несмотря на то что деятельность Маклакова носила неполитический характер, он дважды исключался из университета (восстанавливался с большим трудом, благодаря связям отца); в 1890 г. во время студенческих волнений в связи с закрытием Петровской академии был арестован и пять суток провел в Бутырской тюрьме. Осенью 1890 г. был отправлен семьей — от греха подальше — за границу в сопровождении мачехи; два месяца провел в Швейцарии, где Нелидова познакомила его с известным географом и анархистом Э. Реклю; тогда же Маклаков познакомился с работами Л. И. Мечникова и увлекся его идеями. На историко-филологическом факультете наибольшее влияние на Маклакова оказал знаменитый медиевист П. Г. Виноградов, намеревавшийся оставить его при университете для приготовления к профессорскому званию; работа Маклакова «Избрание жребием в Афинском государстве» была опубликована в вышедшем под редакцией Виноградова сборнике «Исследования по греческой истории» (М., 1894); однако оставлению Маклакова при университете воспротивился попечитель Московского учебного округа Н. П. Боголепов.

Смерть отца, заставившая Маклакова думать о заработках для содержания семьи, в которой он остался старшим, а также общественный темперамент привели его к решению стать адвокатом; в 1896 г. он сдал экстерном экзамены за юридический факультет, освоив программу за год, что считал «главным спортивным достижением» своей жизни. С 1896 г. Маклаков — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. Сначала был помощником А. Р. Ледницкого и знаменитого судебного оратора Ф. Н. Плевако, однако удачные выступления в ряде процессов быстро принесли ему известность и самостоятельную практику; решающую роль сыграла его речь на процессе по делу о злоупотреблениях в Северном страховом обществе (1898), высоко оцененная юридической общественностью и опубликованная в журнале «Судебные драмы» (1898. Т. 2).

Маклаков много выступал в провинции в качестве своеобразного «гастролера» по гражданским и уголовным делам. В начале XX в. вместе с Н. К. Муравьевым, П. Н. Малянтовичем, Н. В. Тесленко и др. он создал кружок молодых защитников по политическим делам и принимал участие в политических процессах по всей России; Маклаков становится одним из самых популярных адвокатов России. Среди наиболее известных процессов, в которых выступал Маклаков, — дело М. А. Стаховича против кн. В. П. Мещерского по обвинению в клевете (1904), в котором он защищал интересы истца, дело долбенковских крестьян, разгромивших экономию вел. кн. Сергея Александровича (1905).

В 1891 г. Маклаков познакомился с Л. Н. Толстым; он находился в близких отношениях с Толстым и его семьей до самой смерти писателя, неоднократно гостил в Ясной Поляне. Толстой оказал на Маклакова огромное влияние; быстро преодолев увлечение «толстовством», Маклаков, тем не менее, считал писателя нравственным образцом. Любопытно, что Толстой, при всем его презрительном отношении к адвокатам *en masse*, часто обращался к Маклакову по различным юридическим вопросам. Маклаков опубликовал ряд мемуарных очерков и статей о Толстом («Толстой и суд» (Рус. мысль. 1914. Кн. 3), «Толстой как общественный деятель» (М., 1912), «Большевизм и Толстой» (Париж, 1921) и др.), которые относятся к лучшему, написанному о великом моралисте. Маклаков находился также в дружеских отношениях с А. П. Чеховым.

В начале 1900-х гг. Маклаков принимал участие в земском движении. В 1904 г. стал секретарем кружка либеральных земцев «Беседа». Бывая ежегодно во Франции, доставлял информацию П. Б. Струве для «Освобождения». В 1905 г. стал одним из основателей

партии кадетов, со II съезда партии (январь 1906 г.) — членом ее Московского комитета и ЦК; в партии Маклаков становится видным деятелем ее правого крыла. По кадетскому списку избирался во II–IV Государственные Думы. В период избирательной кампании во II Думу был руководителем кадетской партийной школы ораторов, совместно с А. А. Кизеветтером подготовил руководство для партийных ораторов, получившее название «кизеветтеровского катехизиса».

Речь Маклакова 13 марта 1907 г. во II Думе о военно-полевых судах, в которой он говорил, что их деятельность бьет по идее права и законности и подрывает основы государственности, принесла ему всероссийскую славу, и он, подобно «Байрону после выхода Чайльд-Гарольда, проснулся знаменитым» (Г. В. Адамович). Маклаков составил (совместно с И. Я. Пергаментом) «Наказ Государственной Думы» (СПб., 1907), т. е. ее регламент. Наказ никогда официально принят не был, но фактически Дума следовала ему в своей работе; Маклаков продолжал его дополнять и редактировать. Считал, что Основные законы Российской империи, изданные 23 апреля 1906 г., дают достаточно возможностей для совершенствования социального и политического устройства страны. Пытался искать компромисс с властью; накануне роспуска II Думы вместе с П. Б. Струве, М. В. Челноковым и С. Н. Булгаковым встречался с премьер-министром П. А. Столыпиным, надеясь предотвратить роспуск. Не одобряя Выборгского воззвания, в котором группа депутатов распушенной I Думы призывала, в знак протеста против ее роспуска, среди прочего не платить налоги и отказываться от службы в армии, Маклаков выступил, тем не менее, защитником на процессе по делу о бывших членах Государственной Думы, подписавших воззвание (1908), и произнес одну из самых блистательных своих речей.

Особенность положения Маклакова в партии заключалась в том, что он считал возможным сотрудничество с правительством, с одобрением относился ко многим сторонам деятельности Столыпина; он критиковал аграрную программу партии, предусматривавшую принудительное отчуждение части частновладельческих земель, за излишнюю левизну, скептически оценивал правосознание народных масс и вследствие этого не верил в благие последствия введения «четырёххвостки» (всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права). Характерно, что он не печатался в центральных партийных изданиях — газете «Речь» и журнале «Вестник партии Народной свободы». Нередко полемизируя с лидером партии П. Н. Милоковым, Маклаков в целом все-таки придерживался норм партийной дисциплины (не очень строгой у кадетов).

В III Думе Маклаков выступал с речами по делу Азефа (1909), об отмене черты еврейской оседлости (1911), о бюджете Министерства внутренних дел (1911), о введении земства в Западном крае (1911) и др., неизменно отстаивая в них начала права и законности; в речи о западном земстве Маклаков резко выступил против Столыпина, критикуя его методы проведения законопроектов в порядке применения ст. 87 Основных законов, т. е. путем временного роспуска обеих законодательных палат. Судебные и думские речи Маклакова принесли ему славу одного из лучших русских ораторов, «московского златоуста». Ораторское мастерство Маклакова стало своеобразным оружием партии кадетов.

Начала права и законности Маклаков отстаивал также в своих публичных лекциях и публицистике; он печатался в газете «Русские ведомости», журналах «Русская мысль», «Вестник Европы», «Московский еженедельник». Принципиальное значение имела его статья «Законность в русской жизни» (Вестник Европы. 1909. № 3). Он увлекся идеей славянского единства, подогретой аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.; участвовал в деятельности различных славянских организаций. Его публичная

лекция «Сербия и славянский вопрос» в Обществе славянской культуры 23 октября 1908 г. была прекращена приставом после слов: «Есть то достоинство, которое учит кланяться сильным и затем на слабых вымещать свое унижение. Есть и то извращенное национальное чувство, которое широко открывает двери германскому вмешательству, и это унижение возмещает походом против финляндцев, поляков, евреев, малороссов, и в этом видит удовлетворение национального чувства»³.

Маклаков считал, что в «законное чувство национального возрождения» должно вкладываться достойное содержание, а прогрессивная внешняя политика сочетаться с прогрессивной политикой внутренней.

В 1913 г. Маклаков вместе с Д. Н. Григоровичем-Барским, О. О. Грузенбергом и Н. П. Карабчевским выступил в качестве защитника на процессе по делу М. Бейлиса, обвиненного в совершении ритуального убийства. По мнению современников, именно логичная, изложенная доступным для присяжных языком речь Маклакова сыграла решающую роль в успехе защиты. Речь Маклакова была издана отдельной брошюрой «Убийство А. Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 25 окт. 1913 г.» (СПб., 1914). Делу Бейлиса он посвятил статьи «Значение дела Бейлиса» (Рус. ведомости. 1913. 30 окт. № 250) и «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса» (Рус. мысль. 1913. № 11), в которых писал, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва не опорощенное действиями высших судебных властей. Маклаков, так же как редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был предан суду «за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц» и приговорен к 3 месяцам тюремного заключения. Исполнение приговора было отсрочено, а затем его «отменила» Февральская революция.

В годы Первой мировой войны Маклаков — на патриотических позициях; с 1914 г. принимал активное участие в деятельности Всероссийского земского союза. Однако бездарная политика правительства вызвала ряд его резких выступлений в Думе и в печати. Сенсацией стала статья Маклакова «Трагическое положение» (Рус. ведомости. 1915. 27 сент.). Ее читала «вся Россия». Маклаков предлагал читателям представить ситуацию, когда они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге; за рулем безумный шофер, который ни за что не хочет его отдать более умелым водителям. Вырвать руль у шофера — опасно; но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? Маклаковская аллегория была достаточно прозрачна: в неумелом шофере все, конечно, узнали Николая II, в матери — Россию.

Маклаков вошел в состав Прогрессивного блока; в списках возможного правительства неизменно значился как министр юстиции. 3 ноября 1916 г. произнес в Думе антиправительственную речь, закончив ее словами: «Либо мы, либо они: вместе наша жизнь невозможна». Степень его оппозиционности достигла такого накала, что этот законник выступил в качестве юридического консультанта убийц Г. Е. Распутина и даже снабдил одного из заговорщиков — князя Ф. Ф. Юсупова — кистенем, став, по его собственному признанию, фактически соучастником убийства⁴. Накануне Февральской революции вел бесплодные переговоры с царскими министрами Н. Н. Покровским и А. А. Риттихом о возможных мерах для предотвращения назревающего взрыва.

Деятели Прогрессивного блока были недовольны тем, как власть ведет войну. Им мерещились не только некомпетентность, но и измена. Власть, в самом деле, своей неловкостью и неумением найти общий язык с обществом вызывала всеобщее раздражение.

³ Московский еженедельник. 1908. 1 нояб. № 43. С. 13.

⁴ См.: Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. № 34. С. 271–272.

И претензии, предъявляемые к ней думской оппозицией, были во многом (кроме «измены») обоснованны. Однако, атакуя власть, думские ораторы как будто не сознавали, что вызывают духов революции, по сравнению с которой все предшествующие проблемы покажутся детскими игрушками.

Маклаков был одним из немногих деятелей оппозиционных партий, понимавшим, что в случае революции события пойдут совсем не по тому сценарию, на который рассчитывают политики; он не верил в способность общественности, не имевшей практического опыта, управлять страной; не верил он и в успешность осуществления реформ во время войны. Неудивительно, что он встретил Февральскую революцию без восторга. Ему как бы причитался пост министра юстиции; во всяком случае, он фигурировал и в министерском списке, составленном 13 августа 1915 г. при образовании Прогрессивного блока, на случай его прихода к власти, и в списке, составленном 6 апреля 1916 г. для кадетского съезда. Министром юстиции во Временном правительстве в итоге стал А. Ф. Керенский⁵.

Маклаков говорил, что портфеля ему никто не предлагал; М. А. Алданов предположил, и, возможно, не без оснований, что бесспорный кандидат на этот пост его особенно не добивался; надо было проявить некоторую настойчивость, а Маклаков не стал этого делать. Во всяком случае, выглядело довольно странным, что Маклаков, назначенный комиссаром в Министерство юстиции 28 февраля, не сменил эту должность на министерский пост. Затем он был избран председателем Юридического совещания при Временном правительстве, но отказался в пользу Ф. Ф. Кокошкина, которому ранее этот пост был «обещан»; в итоге Маклаков довольствовался ролью члена комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. Возможно, кроме пассивности самого Маклакова, в том, что он не сделал министерскую карьеру, сказались интриги председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова. Во всяком случае, Маклаков в частной переписке отзывался о нем и о его стремлении продвигать «своих» людей с нескрываемым сарказмом и плохо скрытой обидой⁶.

Если определить одним словом господствующее настроение Маклакова в 1917 г., то этим словом, несомненно, будет «скептицизм». Симптоматично, что в период между Февралем и Октябрем он произнес, кажется, только одну публичную речь. Это было выступление на Московском государственном совещании в августе. Маклаков обратился к участникам совещания с призывом к единению: «Ведь если возможно, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, каким-то чудом какая-то сила спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти...»⁷

Это был глас вопиющего в пустыне. Маклаков не верил ни в возможность соглашения, ни в возможность установления твердой власти, которая ассоциировалась с военной диктатурой и конкретно с личностью генерала Л. Г. Корнилова. Он говорил одному из руководителей Офицерского союза Л. Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»⁸ Говоря «мы», Маклаков имел в виду «общественных деятелей», устроивших Корнилову на Московском совещании восторженный прием.

⁵ См.: Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 234.

⁶ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 10 декабря 1921 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 111–112).

⁷ Цит. по: Мельгунов С. П. О В. А. Маклакове // Возрождение. 1951. № 15. С. 154.

⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 31.

Еще меньше надежд, при его ироничном отношении к «четырёххвостке», вызывало у Маклакова Учредительное собрание. «Для народа, — говорил он в декабре 1917 г., — большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом»⁹. М. В. Вишняк, будущий секретарь Учредительного собрания, писал о позиции Маклакова, когда они «в течение двух месяцев встречались почти ежедневно в Мариинском дворце в Особом совещании по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. В Совещании были и гораздо более умеренные участники, чем Маклаков, но их голосов не было слышно. От правого крыла, неизменно отстаивавшего ограничения в избирательных правах, главным и, как всегда, блестящим оратором был Маклаков. Он не скрывал своей неприязни к «четырёххвостке»¹⁰...

Кстати, сам Маклаков, уже будучи во Франции, по кадетскому списку был избран 24 ноября 1917 г. в это некогда вожденное для русских либералов Собрание. Однако 28 ноября кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», а некоторые товарищи Маклакова по партии арестованы. Просуществовало Учредительное собрание в России, как известно, менее суток; 5 января 1918 г. стало первым и последним днем его работы.

«В дни революции, в дни почти всеобщего общественного психоза, нарушения законности и права твердые голоса, отстаивающие настоящую свободу, приобретают исключительное значение», писал о Маклакове С. П. Мельгунов¹¹. В 1917 г. в России прислушивались к голосам других людей.

Неудивительно, что Маклаков охотно принял назначение послом в Париж.

Маклаков верительных грамот так и не вручил, но был *de facto* признан французским правительством послом. Представлял интересы Белого движения в Париже. Во время Гражданской войны Маклаков дважды ездил в Россию — осенью 1919 г. на Дон, к Деникину, ранней осенью 1920 г. — в Крым, к Врангелю. После поражения Белого движения посол стал *de facto* представителем российских изгнанников. В 1924 г., когда Франция признала Советский Союз, ушел в отставку с посольского поста и возглавил Эмигрантский комитет и Офис по делам русских беженцев при французском МИДе, став, по остроумному замечанию П. Н. Милокова, парижским губернатором, а точнее — ходатаем по делам своих соотечественников¹².

В годы Второй мировой войны Маклаков занял патриотическую позицию — и по отношению к России (которая теперь называлась Советским Союзом), и по отношению к ставшей второй родиной Франции. Он возглавил группу, занимавшуюся антинацистской пропагандой и посильной помощью более активным борцам с нацизмом (все члены «группы Маклакова» были отнюдь не юношами, а ему уже перевалило за 70). В 1942 г. Маклаков был арестован, но после двух с половиной месяцев заключения освобожден; это была мера воздействия на «упрямца», не желавшего сдать свои полномочия нацистским ставленникам среди русских эмигрантов. Он был вынужден уехать на некоторое время из Парижа. Маклаков пытался найти пути примирения с советской властью, ошибочно считая, что она «переродилась» в годы войны, стала «национальной». По приглашению советского посла посетил во главе группы эмигрантов его резиденцию в Париже 12 февраля 1945 г. Визит Маклакова и его группы в советское

⁹ Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 79.

¹⁰ Вишняк 1993. С. 194.

¹¹ *Мельгунов С. П.* О В. А. Маклакове. С. 157.

¹² См. подробнее: *Будницкий О. В.* Послы несуществующей страны // Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 86–92.

посольство был впоследствии признан им ошибкой. Уже в мае 1945 г. он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция» (Рус. новости. 1945. 25 мая), в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, без которого невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. После этого «роман» с обеих сторон кончился.

Маклаков после войны, несмотря на возраст, продолжал служить интересам российских изгнанников, до конца дней ходил в «присутствие». Умер 15 июля 1957 г. в Бадене близ Цюриха (Швейцария), куда поехал лечиться ваннами.

* * *

Одной из главных тем эмигрантской печати в 1920-е гг. был вопрос о причинах русской революции. Искали виноватых. Редко кто решался посмотреть критически на собственные действия. Либералы видели причину российской катастрофы в неумной политике правительства и эгоизме правых; социалисты — в коварстве большевистских заговорщиков; правые винили либералов, бездумно раскачивавших государство и дискредитировавших своей болтовней «историческую власть», которая одна только и могла сдерживать разрушительные силы, таившиеся в народе.

Идеей фикс Маклакова в годы эмиграции было уяснить — для себя и для истории, как и почему с Россией случилось то, что случилось? Где и когда она свернула на путь, ведущий к катастрофе? И, разумеется, кто виноват в том, что произошло?

Об этом большинство его публикаций эмигрантского периода. Сначала он стал «просвещать» в этом отношении французскую публику, напечатав в 1924 г. серию статей «Россия с 1900 по 1917 г.» в журнале «Revue de Paris»¹³. Однако первый по-настоящему серьезный подход к теме он предпринял 10 лет спустя после революции, в обширном предисловии, на французском языке (которым Маклаков владел блестяще), к публикации извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений деятелей прежнего режима¹⁴. Уже эта публикация вызвала бурную и противоречивую реакцию на страницах эмигрантской печати. Среди критиков слева выделялся голос Марка Вишняка¹⁵.

Два года спустя Вишняку снова пришлось взяться за перо, с тем чтобы атаковать воззрения Маклакова на историю недавнего прошлого. Парадокс, однако, заключался в том, что критическая статья Вишняка о мемуарах Маклакова была напечатана в том же самом номере СЗ, что и начало макаловских мемуаров.

Появление воспоминаний Маклакова на страницах СЗ было отчасти делом случая, отчасти — явлением вполне закономерным.

К этому времени он был уже, можно сказать, постоянным автором СЗ. С одним из редакторов — И. И. Фондаминским Маклаков постоянно общался «по масонской линии»; к тому же они регулярно встречались в доме Эжена (Евгения Юльевича) Пети. Среди других завсегдагаев были М. А. Алданов, А. Ф. Керенский, бывали И. А. Бунин,

¹³ Статьи Маклакова «Vers la Revolution / La Russie de 1900 à 1917» опубликованы в журнале «Revue de Paris» в номерах от 1 октября (Р. 508–534), 15 ноября (Р. 271–291) и 1 декабря (Р. 609–631) 1924 г.

¹⁴ La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la cour impériale russe par la Commission du Gouvernement Provisoire de 1917 / Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927.

¹⁵ См.: Вишняк М. В. Русский либерализм и революция в освещении В. А. Маклакова // Дни. 1927. 10 нояб.; Он же. Революция и законы // Дни. 1927. 9 дек.; Зайцев К. Хрестоматия русского позора // Россия. 1927. 8 окт.; Изгоев А. О виновных // Россия. 1928. 24 марта.

А. И. Гучков и некоторые другие. Фондаминский имел возможность слушать рассказы Маклакова, приводившие в восхищение многих современников.

Неудивительно, что он стремился привлечь много знающего, много видевшего и умевшего отлично изложить материал Маклакова к сотрудничеству в журнале. Фондаминский писал Вишняку и Рудневу 4 мая 1926 г. о Маклакове: «Говорили ли вы с ним? Если нет, поговорите и налягте — это будет очень интересно, о чём бы он ни написал» (Ред., п. 99). «С Маклаковым беседовал и пристаю к нему при каждом свидании», — отозвался 1 июня на призыв Фондаминского Вишняк. Однако он скептически отнесся к способности бывшего посла производить тексты: «Маклаков если и даст, то не скоро: он слишком ленив, чтобы писать» (Ред., п. 106).

Вишняк был прав в том, что Маклаков не писал тексты, предназначенные для печати: он их диктовал. Это объяснялось вовсе не ленью — его почерк был совершенно неразборчив и с годами становился все хуже. Следует иметь в виду, что практически все опубликованные тексты Маклакова — диктовки и позволяют отчасти понять особенности его ораторского мастерства. Однако Вишняк ошибся в другом — публикация маклаковского текста в СЗ появилась достаточно быстро.

Не прошло и двух недель после цитированного выше скептического замечания Вишняка, как он получил от Маклакова «гнусное предложение»: «Вы от меня просили статьи мемуарного характера. Не желаете ли вместо этого другие: я здесь читал доклад по поводу Пушкина, содержания довольно неопределенного, но на темы, к[о]т[орые] всегда интересны. Я пока еще могу его воспроизвести. Хотите? Если Вы на определенно[й] политической стороне, то некот[орые] разногласия, к[о]т[орые] у Вас могут оказаться со мной, этому не помешают, тем более что определенно политического содержания в докладе не было» (п. 3).

Речь шла о лекции Маклакова «Русская культура и Пушкин», прочитанной 6 июня 1926 г. в Сорбонне в День русской культуры. День русской культуры отмечался в день рождения А. С. Пушкина. Содержание доклада было, конечно, вполне определенным — речь шла о свободе, о личности и государстве, о том, что государство может, а что нет. Не могло оно, к примеру, создать Пушкина. Это была не только «историософия» — это была политика, но, конечно, политика в «высоком» смысле этого слова, далекая от эмигрантских споров.

Пушкинская речь стала первой публикацией Маклакова в СЗ. Затем последовали воспоминания об убийстве Распутина и две статьи о Толстом. Заметим, однако, что в каждом случае тексты писались как бы «к случаю». «Некоторые дополнения...» явились реакцией на воспоминания кн. Ф. Юсупова, затрагивавшего, среди прочего, и роль Маклакова в этом мрачном деле. Статьи о Толстом вышли к 100-летию со дня рождения писателя и вскоре были выпущены в издательстве «Современные записки» отдельной брошюрой¹⁶.

Однако же собственные воспоминания Маклакова были публикацией совсем иного порядка — не только (и не столько) по объему, сколько по масштабам затронутых в них проблем и их явным идейным несовпадениям с воззрениями на русское прошлое, которых придерживались редакторы СЗ.

¹⁶ Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова // СЗ. 1928. № 34. С. 260–281; *Он же*. Лев Толстой: (Учение и жизнь) // СЗ. 1928. № 36. С. 220–263; *Он же*. Толстой как мировое явление (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // СЗ. 1929. № 38. С. 224–245; *Он же*. О Льве Толстом: Две речи. Париж: Совр. записки, 1929.

По словам Маклакова, «соблазнил» его «изложить свое понимание нашего (к. д.) партийного прошлого» И. И. Бунаков-Фондаминский. Это было действительно так. Фондаминский писал Вишняку 11 августа 1928 г. (Ред., п. 193): «Сговорились с Маклаковым о “воспоминаниях”. Тема — 1905–1917 год. Обещал писать *sine ira et studio* [без гнева и пристрастия (лат.)]: Столыпина восхвалять не собирается, Керенского и Милюкова ругать не будет. Первая вводная глава будет к 15 окт[ября] (обязательно). Дальше *из книжки в книжку* — на год наверно». Вряд ли кто-нибудь мог предвидеть, что вместо одного года публикация воспоминаний Маклакова растянется почти на восемь лет и станет едва ли не самым объемистым текстом, напечатанным на страницах журнала¹⁷.

Маклаков изначально предполагал, что текст, который он напишет, не вызовет восторга у «заказчиков». Своему другу Б. А. Бахметеву он писал: «Я нахожусь на краю того, чтобы сделать еще более глубокий экскурс в то же наше прошлое — ко мне обратились с просьбой писать периодические и регулярные воспоминания, и я после некоторого колебания согласился; не знаю, дойду ли до конца, но попробую. Писать буду исключительно для русских, по-русски, но зато с полной откровенностью. Эти воспоминания поневоле выйдут тем, что большевики называют “самокритикой”, т. е. обвинительным актом против того течения, к которому я сам себя причисляю, т. е. либерального; многие, конечно, будут недовольны; но что еще хуже, будут довольны те, кого я вовсе радовать не собираюсь, но с этим уже ничего не поделаешь; лгать и подлаживаться в этот момент просто не стоит»¹⁸.

Если Маклаков предполагал — и с полным основанием, — что его воспоминания придутся не по вкусу многим деятелям либерального лагеря, то что же говорить о «вкусе» эсеров! В самом деле, предисловие к воспоминаниям Маклакова привело Вишняка и Руднева если не в ужас, то в некоторую оторопь. Вишняк предложил Маклакову сделать предисловие... послесловием. На что получил жесткий ответ: «Обдумав Ваше предложение, я прихожу к несомненному выводу, что превратить вступление в эпилог совершенно невозможно; мне трудно даже верить, что Вы мне это предложили серьезно; я склонен усмотреть в этом просто замаскированный и вежливый отказ поместить предисловие и просьбу писать мои “Воспоминания” без всякого предисловия. Все это я хорошо понимаю; но начать сейчас писать “Воспоминания” без уверенности, что они будут помещены, с перспективой, что по каким-либо соображениям, которые я не стану оспаривать, такая же судьба может постигнуть и самые “Воспоминания”, я не хочу. Потому лучше и кончим все это предприятие в самом начале» (п. 15).

Однако пойти на это Вишняк не мог. Это означало не только разрыв с Маклаковым, неизбежную огласку и очередной скандал в эмигрантском сообществе — таких последствий Вишняк, при его бойцовском характере, не боялся. Отказ от публикации маклаковских воспоминаний неизбежно вел к разрыву с Фондаминским, уговорившим Маклакова воспоминания написать и считавшим публикацию их в журнале вопросом чести.

В результате историософское введение к воспоминаниям Маклакова в журнале все-таки появилось — но с оговоркой от редакции и в «сопровождении» обширной статьи Вишняка «О русской революции — кануны и свершения». В примечании от редакции говорилось: «Приступая к печатанию воспоминаний В. А. Маклакова, редакция, естественно, не принимает на себя ответственности за те заключения философско-исторического и политического порядка, который автор делает попутно. Эта оговор-

¹⁷ Воспоминания Маклакова уступили по объему лишь «Путиям России» Фондаминского.

¹⁸ Маклаков — Бахметеву, 12 сент. 1928 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 413).

ка особенно относится к печатаемому в настоящей книжке журнала первому, вводному по своему характеру очерку В. А. Маклакова»¹⁹.

Статья Вишняка была напечатана сразу после маклаковского «вступления» и немногим уступала ему по объему — текст Маклакова занимал 39 журнальных страниц, Вишняка — 37. Вишняк подверг тотальной критике положения, сформулированные Маклаковым. Не вдаваясь в подробный анализ статьи Вишняка, приведем его выводы. «Начатые печатанием в настоящей книге воспоминания В. А. Маклакова — автор называет их не “простыми мемуарами” и в то же время не “историческим исследованием” — посвящены едва ли не наиболее волнующему вопросу современности, — истокам русской революции, причинам, предопределившим, по убеждению автора, ее срыв», — писал Вишняк в начале статьи и сразу же заявлял, что редакторы СЗ «весьма далеки от тех выводов и заключений, к которым В. А. Маклаков приходит. Больше того — позволяем себе утверждать, что поставленное себе задание автор отчасти не выполнил, отчасти, как будет видно из дальнейшего, — и не мог выполнить... Позволительно говорить о выводах и заключениях, хотя воспоминания В. А. Маклакова только начинаются печатанием, потому что автор своему описанию “некоторых моментов из прошлого, которые при виде того, что теперь происходит, приходят на память” счел нужным предпослать особое Предисловие с изложением своей общей “точки зрения, с которой он смотрит на наше прошлое”. Вот эта-то общая и исходная точка зрения, которая нам представляется итогом пережитого опыта, среды, симпатии и т. д., и содержит выводы и заключения для нас не только неприемлемые, но и требующие специальных оговорок, возражений и размежевания»²⁰.

Далее следовал скрупулезный разбор воззрений правого кадета с позиций правого эсера. «Наше коренное расхождение с Маклаковым в том, что для него Февраль неприемлем и ненавистен не столько даже за то, что он оказался предтечей Октября, а сам по себе, за то, что он был революцией, за то, что 3 марта порвалось преемство государственной власти. Для нас Февраль благо, потому что, каковы бы ни были его политические последствия, исторически именно тогда свершилось “великое и священное”, как выразился В. Д. Набоков, — народ сбросил вековые цепи самодержавия. Плохо и невыразимо горестно, что порванные цепи уже через 8 месяцев были сменены еще на более мучительные. Это, конечно, омрачает радость воспоминаний, но не устраняет ни права, ни долга чтить светлый день в нашем мрачном прошлом, неотменимый день падения самодержавия»²¹.

Для Маклакова, в отличие от Вишняка и его товарищей, Октябрь был логическим продолжением Февраля, ибо народ был слишком неразвит, чтобы «устоять против демагогии, льстецов и лжецов», как он однажды написал Бахметеву²², а русские либералы, оказавшиеся у власти, были совершенно не готовы управлять страной. «Маклаков не всегда ищет ошибки там, где их надо искать, и потому часто мнимые ошибки выдает за действительные; если, нарушая историческую перспективу, он слишком отвлекается от единственно-данной обстановки 17 года и переносит в нее свой позднейший опыт и настроения, — завершал свою статью Вишняк, — мы склонны и это в значительной мере объяснить тем, что [...] не может быть человек своим собственным историком, историком того времени, в котором он живет, творит и разрушает. Не дано было стать историком своего времени и В. А. Маклакову. Не мог он дать истории современной ему

¹⁹ СЗ. 1929. № 38. С. 276.

²⁰ Вишняк М. О русской революции — кануны и свершения // СЗ. 1929. № 38. С. 315–316.

²¹ Там же. С. 349.

²² Маклаков — Бахметеву, 30 авг. 1921 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 458).

революции в частности и потому, что хочет того сейчас Маклаков или не хочет, но и он вложил в русскую революцию»²³.

Последнее было бесспорно. Однако же других историков революции, кроме ее участников, просто не было. Лидер партии кадетов и один из главных деятелей Февральской революции П. Н. Милюков начал писать «Историю второй русской революции» уже в 1919 г. Собственно, с ним-то прежде всего и полемизировал Маклаков. Если взгляды Маклакова коренным образом расходились с воззрениями бывшего лидера партии русских либералов, то что уж говорить об эсерах!

Появление маклаковских размышлений на страницах эсеровского журнала, подчеркнем еще раз, было явлением удивительным. Ведь надпартийный журнал был все-таки преимущественно по эстетической, нежели по политической части. «Виновником» был, как мы уже знаем, Фондаминский. Ему-то и предъявил претензии Вишняк, с которым был солидарен Руднев.

Приняв как неизбежное публикацию маклаковского «Предисловия» в первой книге журнала за 1929 г., Вишняк был взбешен продолжением философствований Маклакова, так же как и содержанием ряда других статей, планировавшихся к публикации в следующем номере. Он отправил Фондаминскому 17 марта 1929 г. настоящий «обвинительный акт»: «Если “вред” Маклакова хоть частично искупается моей статьей и обещанием Редакции, что этот вред случаен и преходящ — только “Предисловие”; — то следующая книга сплошной вызов и скандал. Все, что ты считаешь “гвоздями” журнала — Флоровский, Федотов, Маклаков и Степун... — все рвет и ранит, как подлинный гвоздь... И тут мирозерцательная метафизика перемешивается с “метафизикой” политической. Ибо не случайно ты так упорно отстаиваешь Маклакова... Если идти в таком направлении, что “С[овременные] з[аписки]” за бесталанностью редакторов должны стать сборищем талантов, независимо от того, *что* они талантливо защищают и проповедают, очевидно, общественно-политический характер журнала испарится окончательно. [...] Почему будет, по-твоему, “придиркой” сказать, [что] мы не можем без конца печатать неприемлемую для нас публицистику [Вашу], а не *воспоминания*, о которых мы с Вами договаривались и которые анонсированы. Мы готовы не быть мелочными и не вызывать конфликта из-за того, что Вы дали не одно Предисловие, а *два*. Но пусть второе будет и последним! [...] Что тут обидного? Наконец, если будет все-таки конфликт — тоже не трагедия. Ведь надо же признать, что Маклаков был прав, когда предупреждал и меня, и тебя — вы покупаете кога в мешке... И кот оказался паршивый и блудливый...» (Ред., п. 205).

Маклаков вполне сознавал, что пишет не воспоминания, точнее, не вполне воспоминания. Он писал Бахметеву 8 марта 1929 г. в связи с началом публикации своего текста в СЗ: «Я знаю, что Вы коренным образом со мной разоидетесь во взглядах по поводу моих “Воспоминаний”. Там будут только больше развиты и специально для русской публики те же основные взгляды, которые Вы имели в моем Предисловии»²⁴. Если можно было бы их выразить в одной формуле, то я бы сказал, что там заключается пересмотр либеральной идеологии и деятельности, сделанный на основании пережитого нами опыта. Менее всего мои очерки заслуживают название “Воспоминаний”, поскольку в этом слове предполагается всегда элемент личный. О своей деятельности и своих позициях я не стану говорить, ибо не хочу ни приносить покаяния, ни себя превозносить; я считаю, что все, что случилось, до такой степени закономерно и неизбежно,

²³ Вишняк М. В. О русской революции. С. 350–351.

²⁴ Имеется в виду предисловие к французскому изданию извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (см. примеч. 13).

так логически вытекает из всей русской истории, что какие бы то ни были осуждения просто нелепы. Но, с другой стороны, я не могу переварить и то, что мы после всего происшедшего занимаемся самовосхвалением и уверяем, что вся беда произошла оттого, что нас не послушались»²⁵.

О том же Маклаков писал В. В. Шульгину 22 марта 1929 г.: «В “Современных записках” начались печататься мои “Воспоминания”, хотя я сам их так не называл, и по содержанию они такому титулу не соответствуют»²⁶.

Фондаминский не прислушался к призывам Вишняка как-то «окоротить» Маклакова: «Очень прошу тебя не поднимать вопроса о Маклакове. Ты хорошо знаешь, что я взял обязательство вторично перед ним — всякие разговоры с ним о статье ставят меня в недостойное положение. Разумеется, если в статье имеются к[акие-]н[ибудь] обидные выражения, их надо выкинуть, но я уверен, что их нет» (письмо от 11 марта 1929 г.; Ред., п. 203). Десять дней спустя Фондаминский был вынужден вновь вернуться к вопросу о Маклакове:

пишу еще раз о Маклакове — хочу верить, что последний. Переговоры с М[аклаковым] вел я, так что я хорошо знаю, какие обязательства взяла на себя редакция. Редакция — в моем лице — взяла на себя обязательство напечатать не одну статью, а целый ряд статей, который может тянуться года два. Статьи эти воспоминательного характера из эпохи 1905–1917, начинаются статьей (при I-х переговорах) или двумя статьями (при втором разговоре) обобщающего характера. В статьях не должно быть личной полемики с Милюковым, нападков на Керенского и восхваления Столыпина — других оговорок не было. Политические воззрения М[аклакова] считались точно известными. Единственно, [что] можно указать — при вторичных разговорах М[аклаков] говорил, что предполагает еще одну статью общего характера, теперь же речь идет о двух. Но указание на это было бы неосновательной придижкой, ибо я нисколько не настаивал, чтобы была только еще одна вводная статья, а на его указание сказал, что ты знаешь об этом (с твоих слов) и не возражаешь. Таким образом, редакция в моем лице взяла на себя обязательство печатать эту и следующие статьи и может снять с себя это обязательство только одним способом: указав, что я действовал не от имени редакции или превысил свои полномочия.

Должна ли поступить так редакция, и действительно ли я превысил свои полномочия, я обсуждать не хочу — сама возможность постановки таких вопросов не нормальна. По *существу* же я думаю, что вопрос не стоит обострения — большого значения не имеет, будет ли еще одна или две статьи «введения» — ведь и сами воспоминания вряд ли будут нас *политически* радовать. Если мы их печатаем, то не из политических, а из *журнальных* соображений (если выкинуть из 38-й кн. статьи М[аклакова], книжка окончательно завянет)²⁷.

Последнее соображение было не лишено оснований. Бахметев из далекой Америки писал 19 апреля 1929 г. Маклакову, интересовавшемуся, получает ли тот СЗ: «“Современные записки” получаю регулярно; читают их больше мои сестры, так

²⁵ Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 426.

²⁶ Hoover Institution. Maklakov papers. Box 13. F. 14.

²⁷ Фондаминский — Вишняку, 21 марта 1921 г. (Ред., п. 206).

как, по-моему, за исключением отдельных статей, среди которых на первом месте, конечно, Ваши, журнал этот чрезвычайно скучен. Я и в России не любил чрезвычайно “Русского богатства”, а парижское продолжение почтенного журнала совсем уже словами Вольтера *genge ennuyeux* [скучный жанр (франц.)]»²⁸.

В этом замечании, даже если делать большую скидку на приятельские отношения Бахметева и Маклакова, так же как в соображениях Фондаминского, было рациональное зерно. Не считая беллетристики, напечатанные в 38-й книге СЗ статьи В. Зеньковского «Система культурного дуализма», П. Бицилли «Нация и государство», Б. Бруцкуса «Народное хозяйство Сов. России, его природа и его судьбы» вряд ли могли вызвать у обычного читателя что-либо, кроме зевоты. Разумеется, речь не идет о специалистах, но ведь таковых среди читателей журнала было не так уж много. На этом фоне «историософия» Маклакова выглядела занимательным чтением, тем более что бывший адвокат умел излагать свои мысли ясным и доступным языком.

Тем не менее Вишняк не оставлял попыток переубедить Фондаминского: «Ты напрасно переводишь в *моральную* плоскость спор чисто юридического порядка. [...] Твое утверждение, что “кот в мешке” был “профессиональным риском”, неубедительно, потому что риск наш заключался в *качестве* того, о чем мы договаривались с М[аклаковым], а не в *подмене* одного товара другим. — Если бы твоему отцу вместо партии “бриллиантов в сыром виде” подсунили бы гвозди или бульжники, да еще как раз того же сорта, о котором у него накануне шли долгие и мучительные препирательства с продавцем, я не сомневаюсь, что он отказался бы от товара и от сделки. [...] я считаю необходимым сказать Маклакову *всю* правду и сказать ее *сейчас*, а не после того, как он напишет и третью статью, и положение еще осложнится: мы снова окажемся перед “фэ аккомпли” [*fait accompli* — осуществившийся факт (франц.)] и твоими доводами от “морали”, что ты не оговорил, человек работал, и мы потому обязаны либо тебя дезавуировать, либо всякую гнусность глотать, — если она не явный “бред”...» (11 апреля 1929 г.; Ред., п. 211).

Любопытно, что сам Маклаков сомневался в том, удастся ли ему «удержаться» в СЗ: «То, что может произойти и вероятно произойдет, это что в известный момент “Современные записки”, которые, несмотря на свою терпимость, все же редактируются четырьмя социалистами-революционерами, откажутся дальше печатать мои “Воспоминания”», — писал он Шульгину 22 марта 1929 г., вскоре после выхода в свет 38-й книги журнала²⁹. Это было несложно предположить: издатель «Возрождения» А. О. Гукасов, еще не видя начала маклаковских воспоминаний, а лишь прочитав объявление об их публикации, предложил ему печататься у него. Когда же Маклаков дал ему корректуру своей первой «статьи» в СЗ, Гукасов «не без некоторого основания» говорил Маклакову, что либо его «Воспоминания» останутся неоконченными, либо нужно искать другого издателя.

Начало публикации мемуаров Маклакова, этого *enfant terrible* партии кадетов, вызвало по меньшей мере недоумение среди его бывших товарищей по партии, да и вообще среди либерально-демократической части русской эмиграции. Многолетняя «конфидентка» Маклакова Е. Д. Кускова увидела в его первой статье цикла «Из прошлого» в СЗ «подарок правым»³⁰. Объясняя мотивы этой публикации, за которую, как предрекал Маклакову «один тонкий читатель», ему было суждено шельмование левых, а может быть, и «правые жирные поцелуи», он признавался:

²⁸ Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 430.

²⁹ Hoover Institution. Maklakov papers. Box 13. F. 14.

³⁰ Кускова — Маклакову, 28 марта 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 10. F. 1).

я это пишу потому, что в отличие от Вас я не верю, что мы вернемся в Россию и будем там действовать; может быть и вернемся, может быть и будем действовать, но на тех второстепенных ролях, которые я не решусь назвать политической деятельностью; наше время уже окончилось и в смысле политическом я себя считаю умершим. Люди перед смертью не только вспоминают старое, но судят о нем с той ясностью, с которой не судят при жизни. [...] Если бы я не чувствовал себя и нас всех политическими покойниками, я мог бы думать о том [...], что я рискую доставить удовольствие правым и огорчаться тем, что меня осудят свои; я мог бы бояться, что своими статьями нанесу вред тем идеям, от которых я отрекаться не думаю. Но эти соображения меня уже не смущают. Зато, когда я читаю воспоминания своих единомышленников о прошлом, Милюковские исторические труды, его передовицы, его утверждения, что виноваты только правые или левые, а что мы ошибок не допускали, когда я думаю, что в моем политическом некрологе, по моей принадлежности к партии, будут изложены эти взгляды и на мою могилу положат такие венки, то мне хочется никого не задирая и не рассуждая, от этих взглядов отмежеваться. Вот и все. [...] Ведь говорить то, что думаешь поистине, — единственное реальное дело, которое у нас остается. Все остальное — иллюзия. А Ваше предостережение, что мне придется определить свой лагерь, для меня звучит таким же анахронизмом, как предложение выбрать ту должность, которую я мог бы в России занять³¹.

В 1929 г., когда началась публикация маклаковских мемуаров, ему исполнилось 60 лет. Действительно, пора было подумать об осмыслении своего политического пути. Говоря о том, что он никого не хотел «задирать», Маклаков вольно или невольно лукавил; его анализ кадетского прошлого задевал слишком многих — и в первую очередь лидера партии П. Н. Милюкова, чьи публикации явно раздражали бывшего посла и стимулировали сформулировать свое, отличное от ортодоксально-кадетского, понимание партийного (и не только партийного) прошлого. Маклаков вполне сознавал неизбежность конфликта со своим бывшим преподавателем по Московскому университету: «Эти “Воспоминания” по существу должны меня рассорить с Милюковым», — писал он Шульгину 22 марта 1929 г. после публикации первой статьи публицистически-мемуарного цикла в СЗ³².

Рассмотрим, вкратце, основные положения концепции Маклакова.

Маклаков декларировал, что «катастрофа России больней всего ударила по *либеральному лагерю*». С его точки зрения противники либералов и справа и слева находились «в настоящий момент [...] в несравненно более выгодном положении». Правые могли злорадствовать, поскольку сбылись все их предсказания — либералы у власти оказались лишь предтечами революции; революционеры же превзошли старую власть в деспотизме и жестокости; они были совсем не похожи на тех идеалистов народовластия, которыми их изображали либералы. Революционеры, в отличие от либералов, добились по крайней мере одной из своих целей — разрушения старой России³³.

Критики Маклакова почему-то утверждали, что он возлагал главную ответственность за случившуюся с Россией катастрофу на либералов; это неверно. Говоря о том,

³¹ Маклаков — Кусковой, 4 апреля 1929 г. (Там же).

³² Hoover Institution. Maklakov papers. Box 13. F. 14.

³³ Маклаков В. А. Из прошлого // СЗ. 1929. № 38. С. 279–281.

что катастрофа более всего *ударила* по либеральному лагерю, он указывал, что суд истории осудит защитников старого режима *более всех остальных*, поскольку «они долгие годы имели в руках власть, никем не оспоренную и ничем не ограниченную»³⁴. Однако Маклаков предпочел не критиковать чужие ошибки, а разобраться в своих; ответственность за происшедшую катастрофу Маклаков возлагал также на левых либералов, т. е. на собственную партию; особенно досталось лидеру партии Милюкову и некоторым другим «доктринерам»; им вменялось в вину стремление использовать в своих целях революционное движение; не снимал он ответственности и с себя. В его изображении, в особенности в книге о П. Думе, П. А. Столыпин нередко выглядел большим конституционалистом и либералом, нежели товарищи Маклакова по партии.

Суть обвинений Маклакова в отношении политики кадетов в 1905–1907 гг. М. М. Карпович в своей известной статье свел к шести основным пунктам:

1. Максимализм программных требований партии, в особенности созыв Учредительного собрания, что не могло быть осуществлено без полной капитуляции царского правительства.

2. Бескомпромиссное отношение партии к Витте и Столыпину, которые – по Маклакову – могли и должны были быть использованы как союзники, а не отброшены как враги.

3. Безоговорочное отрицание лидерами партии самой идеи участия кадетов в правительствах Витте и Столыпина.

4. Тенденция партии использовать Государственную думу не для конструктивной законодательной работы, а как трибуну противоправительственной агитации.

5. Догматические требования немедленного пересмотра Основных Законов, имея в виду всеобщее избирательное право, ограничение компетенции Государственного совета и ответственность министров.

6. Наконец, опубликование Выборгского воззвания было мерюю явно революционного характера, так как и роспуск Государственной Думы и назначение новых выборов не противоречили конституции³⁵.

Статьи и книги Маклакова, в которых тотальной критике подвергся радикализм тактики русских либералов, подверглись столь же тотальной критике со стороны Милюкова, откликнувшегося на маклаковские публикации на страницах ПН и тех же СЗ³⁶. Милюков в свою очередь обвинил Маклакова в доктринерстве; его схема представлялась лидеру кадетов умозрительной и не учитывающей конкретно-исторических обстоятельств. Политика – это искусство возможного; договориться с конкретными царскими министрами не смогли не только кадеты, но и гораздо более умеренные граф П. А. Гейден и Д. Н. Шипов; войти *тогда* в правительство означало политическую смерть. Подробно были разобраны и отвергнуты и другие обвинения Маклакова.

³⁴ Маклаков В. А. Там же. С. 279.

³⁵ Карпович М. М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // НЖ. 1960. № 60. С. 273.

³⁶ См.: [Милюков П. Н.] Кающийся кадет // ПН. 1929. 22 марта; Милюков П. Н. Политика в «Совр. записках» // ПН. 1929. 4 апр.; *Он же*. Политика в «Совр. записках» // ПН. 1930. 8 июля. № 3394; 10 июля. № 3396; *Он же*. Публицистика в «Совр. записках» (т. XLV–XLVI) // ПН. 1931. 16 июля. № 3767; *Он же*. «Совр. записки», кн. 56-я. Отдел политический // ПН. 1934. 22 нояб. № 4991; *Он же*. Русские «либералы» и заем 1906 г. // ПН. 1936. 5 марта; *Он же*. В. А. Маклаков между «общественностью» и властью // ПН. 1937. 28 и 30 мая; *Он же*. В. А. Маклаков о книге проф. Пэrsa // ПН. 1939. 16 июля; *Он же*. Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. № 41. С. 347–371; *Он же*. Либерализм, радикализм и революция // СЗ. 1935. № 57. С. 285–315; см. также воспоминания Милюкова, печатавшиеся под названием «Роковые годы» в РЗ (1938–1939. № 4–20 / 21).

Большинство читателей — и последующих историков — по-видимому, склонялось на сторону Милокова. Как и Вишняк, Милоков обвинял Маклакова в чрезмерно правовом подходе к политике. Милоков считал своего оппонента «адвокатом» и в политике; адвокату свойственно видеть правду и другой стороны; политику это противопоказано — он должен быть убежден или, по крайней мере, убеждать других только в своей правоте. Вишняк подчеркивал, что для Маклакова «оказалось абсолютном не право вообще, а очень ограниченная и узкая его ветвь — писанный закон царского времени»³⁷.

С критиками Маклакова можно во многом согласиться; однако «правота» той или иной стороны зависела в конечном счете от точки зрения на революцию. Для Маклакова она — абсолютное зло; Милоков, конечно, относился к революции отрицательно, но допускал, что ее можно использовать; Вишняк же был хотя и правым, но социалистом-революционером. То же самое относится к праву; изменять правовые нормы необходимо правовым путем, утверждал Маклаков; на этом зиждилось его неприятие Февраля, разорвавшего правовую преемственность с прежней государственностью. Для него, юриста, казалось очевидным, что даже провинциальные судьи, создававшие своими решениями те или иные прецеденты, постепенно изменяли правосознание общества, изменяли правовое поле в рамках существующей государственности.

В личных письмах Маклаков был гораздо откровеннее и раскованнее, иногда — справедливее. В письме к М. М. Винаверу от 5 февраля 1924 г., характеризуя взаимоотношения власти и I Думы, воспетой его корреспондентом и столь жестоко раскритикованной впоследствии им самим, Маклаков писал: «Неразумная линия прогрессивного общества находила свое и объяснение и оправдание в неискренней политике власти. Обе стороны были неправы. Правительство неправо, когда во всем винит доктринерство и неуступчивость кадетов; это неправда, но будут неправы и кадеты, если они всю вину переложат на власть. Винават на самом деле тот ров, который к этому времени уже был между властью и страной, то недоверие друг к другу, отсутствие общего языка, которое мешало совместным действиям»³⁸.

Примечательно, что Маклаков критиковал либералов, но почти не затрагивал революционеров, упоминая о них лишь мимоходом, как о «фоне», на котором происходили события. Думаю, что постоянный зоил Маклакова Вишняк правильно уловил причину этого, когда позднее в письме меньшевику Б. И. Николаевскому от 10 августа 1945 г. писал, что Маклаков «никогда не был внутренне и политически нам близок. Когда он в течение десятилетий сражался с Милоковым и в левых кадетях видел главную беду России, — нас он расценивал как такую накипь и зло, которые “ниже ватерлинии”, о которых и говорить не стоит — или безумцы или преступники». Именно потому, что он так расценивал «революционную демократию», Маклаков, по мнению Вишняка, столь отрицательно отнесся к режиму Временного правительства, который все-таки был единственным периодом «во всей русской истории, когда было некое подобие того, что в *идее* защищает “подлинный” либерал Маклаков»³⁹.

Вишняк был безусловно прав — Маклаков совершенно не верил в возможность реализации либеральной идеи в России 1917 г., ибо Временное правительство пыталось «внедрять» демократию, будто не замечая, что имеет дело не со свободными людьми, сделавшими свободный выбор, а с «взбунтовавшимися рабами». Именно Маклаков подсказал Керенскому высказывание К. С. Аксакова о «взбунтовавшихся рабах» для одной

³⁷ Вишняк 1993. С. 196.

³⁸ Hoover Institution. Maklakov papers. Box 15. F. 2.

³⁹ Hoover Institution. Boris Nicolaevsky collection. Box 506. F. 35.

из его громовых речей 1917 г. «Рабы» были не виноваты в своей темноте; виноваты были те, кто эту темноту не замечал; что же было говорить о других, эту темноту сознательно стремившихся использовать? Особенностью Маклакова как политика было то, что он, если идея вступала в противоречие с жизнью, предпочитал соотносить свои действия с реальностью.

Расхождения Маклакова и Милюкова в оценке конкретных событий определялись в конечном счете различным пониманием сущности либерализма, так же как сущности революции. Для Маклакова суть либерализма не только в программе, но и в тактике, принципиально отвергающей насильственное изменение существующего строя; законность для него действительно была абсолютом. Милюков, в общем, довольно точно воспроизводил концепцию Маклакова, когда в своей «антикритике» писал, что для его оппонента либералы от революционеров отличаются тем, что «считают необходимым идти к своему идеалу не путем насильственных катастроф и скачков, не разрушением старого, а естественным его развитием и улучшением, словом, тем, что носит название “эволюции”». Эта весьма приблизительная характеристика связана [...] с определением революции. Не останавливаясь на содержании либеральных идеалов, она переносит главное ударение с программы на тактику. Эта перестановка делается сознательно»⁴⁰.

В этом Милюков тоже был прав. Маклаков, конечно, сознательно выдвигал тактику «перед программой». Точнее, он не считал возможным отделять одно от другого; тактические уступки революционерам, использование их методов борьбы приводили (и привели!) в конечном счете не только к фактическому отдалению от либеральных идеалов, но и к крушению России. Милюков же и после опыта 1917 г. полагал, что «революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал, как “эволюционистом” может сделаться и социалист». Он указывал Маклакову на ошибочность отождествления закона с правом и на разные источники происхождения права, в том числе на возможность «революционного творчества права». Милюков указывал своему бывшему студенту, что огульное отрицание революционных методов достижения либеральных идеалов характерно «для *старого* либерализма: термин, который в Европе, после достижения первоначальной либеральной программы, осуществленной во всех цивилизованных государствах, давно потерял свой первоначальный смысл. Либерализм там приобрел охранительный характер»⁴¹.

По мере публикации воспоминаний Маклакова степень резкости оценок Милюкова возрастала. Реагируя на еще не завершенные публикацией мемуары, он писал, что «три четверти воспоминаний Маклакова посвящены уничтожению [...] “освободительного движения”»⁴², а рецензируя книгу Маклакова «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936), в основе которой лежали тексты, опубликованные в СЗ, пришел к выводу, что бывший член партии кадетов борется с идеями либерализма и, по-видимому, перешел в стан его идейных противников⁴³.

Это было неверно. В письме своему коллеге по адвокатскому цеху О. О. Грузенбергу от 31 мая 1929 г., критически отзывавшемуся о начале мемуаров Маклакова, тот подчеркивал, что до сих пор считает, «что спасение России было в осуществлении либеральных пожеланий, а не в сохранении правых», но «именно поэтому, — настаивал

⁴⁰ Милюков П. Н. Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. № 41. С. 355–356.

⁴¹ Там же. С. 356.

⁴² Милюков П. Н. Либерализм, радикализм и революция // СЗ. 1935. № 57. С. 291. Отметим еще раз пикантность ситуации, когда разгромная рецензия на воспоминания Маклакова публиковалась в том же журнале, где эти воспоминания печатались! Нечастый случай в журнальной практике. Редакция как будто «отмывалась» от публикации «греховного» маклаковского текста.

⁴³ Милюков П. Н. В. А. Маклаков между общественностью и властью // ПН. 1937. 28 и 30 мая.

Маклаков, — я и ставил вопрос об ошибках этого либерализма». Соглашаясь со своим корреспондентом, что Пуришкевич и К^о, не говоря уже о революционерах, больше виноваты в революции, нежели либералы, Маклаков писал, что «вина одних не исключает вину других. Я определенно говорил в своей статье, что решительно все виноваты, хотя разной виной. Но потому-то все винят только других, а не себя, правые сейчас торжествуют, указывая на то, к чему привела победа либералов. Революционеры винят и сопротивлявшуюся им буржуазию и большевиков. [...] Если виноват один, считает, что все остальные правы. Мы, либералы, все время обвиняли и правых и левых. Пора нам признать и свои ошибки»⁴⁴. Проблему «ошибок» и пытался решить Маклаков в своих книгах и статьях.

Маклаков, по нашему мнению, вполне отдавал себе отчет в теоретичности своих рассуждений; дело было не только в том, что историю не переделаешь; Маклаков, тонкий знаток человеческой психологии, понимал, что, даже если бы многие участники политического действия начала века могли предвидеть будущее, они все равно вели бы себя «не по правилам». Кроме логики, в деятельности политических лидеров огромную роль играют самолюбие, самоуверенность, эмоции. Ведь он сам вел себя нередко совсем не так, как подсказывали ему разум и жизненный опыт. Милюков свидетельствовал, что Маклаков занимал в партии особую позицию, был всегда при особом мнении. Но дальше особого мнения дело не шло; Милюков утверждал впоследствии, что пересмотр Маклаковым кадетского прошлого был вызван едва ли не стремлением взять задним числом реванш за неудовлетворенные амбиции, продемонстрировать собственное интеллектуальное превосходство над тогдашними партийными лидерами. Едва ли это так; Маклаков достаточно строг к себе; если он понимал многие вещи по-иному, чем партийные лидеры, у него не хватило то ли воли, то ли внутренней убежденности, чтобы повести часть партии за собой или просто выйти из нее. В этом, кстати, его впоследствии упрекали некоторые современники, полагавшие, что ему по плечу была роль лидера. Так или иначе, его «суд над кадетским либерализмом» был и судом над самим собой.

Смысл своих воспоминаний-размышлений Маклаков видел не только в том, что «последние живые свидетели» должны оставить материал для историка. «Для воспоминаний есть еще одно оправдание», — писал он позднее во введении к «Первой Государственной думе»: «История не повторяется, но законы жизни не меняются во все. Мы присутствуем при одном общем явлении, которое в громадных масштабах совершается на наших глазах: мы видим, как и почему *победители свою победу проигрывают*. Победители Великой войны проиграли 18-й год. [...] Проиграют ее и возмнившие сейчас тоталитарные государства. В своей книге я вспоминаю эпизод того же порядка; вспоминаю, как победивший в 1906 году русский либерализм *проиграл свое дело*. И мои воспоминания против моей собственной воли не чужды современности»⁴⁵.

Маклаков отдавал себе отчет, что, даже если бы русские либералы вели себя в точном соответствии с его рецептами, это могло весьма слабо или вовсе никак не отразиться на ходе событий. Патологоанатомический анализ может показать, что тактика врачей была правильна, но больной был безнадежен. Если же анализ показывает врачебные ошибки, то их необходимо по меньшей мере признать; это уже не поможет больному, но будет полезным если не для этих неудачливых медиков, то для их коллег. «Я не хочу входить в дебри вопроса, с какого момента можно было остановить революцию и можно ли было вообще ее остановить, — писал Маклаков Грузенбергу 31 мая 1929 г. — Я здесь просто подписываюсь под Вашими [...] словами: нужно было вести

⁴⁴ Hoover Institution. Maklakov papers. Box 8. F. 2.

⁴⁵ Маклаков В. А. Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 16.

себя так, как будто остановить ее было возможно. Как доктор должен думать до последней минуты, что больной может выздороветь, и не бросать его, так и политику нужно вести ту линию, которую он считает правильной. И нужно признаться: если либералы вели себя не так, то именно потому, что они недостаточно отдавали себе отчет в том, чем им грозила революция»⁴⁶.

Маклаков, в отличие от многих его товарищей по партии, отдавал себе отчет в том, к чему может привести революция; он был убежден и в 1904–1905 гг., что «в стране исторического бесправия и невежества всякая революция непременно приведет к коммунизму или пугачевщине». Маклаков не доверял «здравому смыслу народа». «Я всегда считал, — писал он 29 декабря 1926 г. политически находившейся гораздо левее него Кусковой, — что наш народ не только в его низах, но и на гораздо большей степени развития не справится с задачей самоуправления и наделает глупостей и несправедливостей и начнет с того, что будет *мстить* своим прежним *господам*; это недоверие к нашей демократии заставило меня панически бояться преждевременной победы; и для меня очередной задачей должно было быть воспитание демократии к самоуправлению, а вовсе не передача ей власти. Оттого-то я боялся четыреххвостки и, конечно, еще больше революции»⁴⁷.

Той же корреспондентке он писал 15 мая 1923 г.: «Я никогда не мог понять, что-бы можно было без риска, даже без заведомого крушения, предоставить демократии управлять государством, пока она не прошла для этого *очень длинную школу*; школу, которая меряется не годами, а поколениями. [...] Будучи сторонником демократического устройства, я считал бы обязанностью партий готовить народ к демократическому самоуправлению; готовить и учить его этому, под известного рода контролем и в известных пределах; знаменитая насмешка над тем, кто не хочет позволить сыну купаться, покуда он не научится плавать, — в сущности риторика; учить плавать нужно на мелком месте, около берега, там где нельзя утонуть; учить плавать в открытом море было бы убийством. [...] Если большевики вначале из демагогии довели свою глупость до того, что ставили бы в главе фабрик рабочих, а во главе больниц и академий сторожей, то ведь и кадеты были немногим умнее, когда хотели поставить во главе России Учредительное собрание, выбранное по четыреххвостке...»⁴⁸

Маклаков и до революции был самым правым, по его собственным словам, кадетом; в эмиграции он «поправел» еще больше, хотя не настолько, чтобы перестать быть либералом. Эволюция лидера партии Милокова имела прямо противоположную направленность; революция убедила его не в чрезмерной демократичности кадетской программы, а в ее недостаточной демократичности. Он приходит к выводу о необходимости сближения с эсерами; становится лидером Республиканско-демократического объединения. Не удивительно, что публикации Маклакова имели для Милокова не только исторический интерес; фактически они были направлены не только против его прошлой, но и нынешней политической деятельности. Возможно, поэтому его критика воспоминаний Маклакова была далека от академической беспристрастности и постепенно перешла к неллицеприятной оценке личности мемуариста.

Впрочем, в текстах Маклакова также проглядывает плохо скрытое раздражение, когда речь заходит о Милокове. Маклаков был человеком достаточно терпимым; он общался с людьми разных политических убеждений; партийная принадлежность в личном общении имела для него второстепенное значение. Неизменная корректность

⁴⁶ Hoover Institution. Maklakov papers. Box 8. F. 2.

⁴⁷ Ibid. F. 30.

⁴⁸ Ibid. F. 17.

изменяла ему, лишь когда речь заходила о двоих-троих его знакомых; Милокову в его персональном «черном списке» принадлежало первое место. Догматизм и самоуверенность партийного лидера казались ему бесспорными; более всего раздражало, конечно, нежелание признать свою долю ответственности за случившееся с Россией.

В споре двух политиков, считал биограф Маклакова Г. В. Адамович, «доводы Милокова убедительнее, картина, им нарисованная, в целом правдоподобнее и, что особенно важно, трагичнее в своей безысходности. Но в пользу Маклакова говорит то, что у него есть сознание вины и ответственности, сознание ошибки, пусть он не всегда ищет ее там, где надо бы. [...] У Милокова смущает то, что он в сознании своей правоты невозмутим, и требует для своей деятельности оправдательного приговора и от будущего»⁴⁹.

Адамович почему-то считал, что «Милоков в столкновении с Маклаковым мягче, нежели Милоков в отношении Милокова, особенно в позднейших своих писаниях». Неясно, где Адамович усмотрел у Милокова «неожиданное добродушие»⁵⁰. Полемика Милокова не просто достаточно жестка; временами она переходит в прямое оскорбление; некоторые его статьи в значительной своей части представляют не критику текста, а «разбор» личности его автора.

Милоков напоминал, что Маклаков «всегда был в партии при особом мнении [...] и разрешал себе [...] лишь минимум партийной дисциплины. [...] Он как бы остерегался подходить ближе к ежедневной деятельности партии, держа в уме, очевидно, те мысленные оговорки, которые теперь считал возможным сделать, “не вредя партии”. [...] Сейчас [...] В. А. Маклаков высказывает то, что принужден был скрывать тогда. Прибавлю: скрывал *для печати*, потому что, как нам было известно, в своих экстратурах он и тогда критиковал довольно свободно то, что считал если не глупостью, то “условной ложью” своих лидеров: все эти “четырёххвостки”, “учредилки” и т. п. Признаться, я лично, — достаточно резко писал Милоков, — в виду этой альтернативы, предпочел бы быть обвиненным, без всякого снисхождения, в глупости»⁵¹.

Признав цель Маклакова, установить в свете позднейшего опыта ошибки русских либералов («наши» общие ошибки», — иронично заключив слово “наши” в кавычки, писал Милоков) с тем, чтобы не повторять их в будущем, *по видимости*, вполне законной, Милоков тут же выводит его «на чистую воду». Маклаков «выдает себя постоянным подчеркиванием, что он, Маклаков, видел последствия этих ошибок уже тогда, когда они совершались. “Уроки истории” лишь помогают ему взять запоздалый реванш над теми “лидерами”, которые в свое время навязали ему, посредством партийной дисциплины, осуждаемое ныне поведение. Невозможность провести свою точку зрения в жизнь в свое время, очевидно, оставила в его сознании глубокий и горький след, который и сказывается теперь, — когда ни “вреда” для партии от несвоевременных разоблачений ее “условной лжи”, ни опасности партийного обвинения в отступничестве более не существует. Маклаков неосторожно сам указывает на эти исчезнувшие препятствия, налагавшие на него печать вынужденного молчания. Так, личная точка зрения пробивается сквозь видимую объективность юридических построений. Маклаков ведет *свой личный* процесс. Этим объясняется и беспокойный тон его характеристик, и та прорывающаяся неотвязная мысль о партийной обиде, которая, как магнит, кристаллизует около себя всю пеструю кучу событий, давая их толкованию определенное

⁴⁹ Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 104–105.

⁵⁰ Там же. С. 104.

⁵¹ Милоков П. Н. Суд над кадетским «либерализмом». С. 349–350.

направление. [...] К прошлому прикована мысль Маклакова; оттуда пошло и дожило до настоящего времени его оскорбленное чувство»⁵².

Таким образом, Милоков все свел к чисто личным мотивам — неудовлетворенному честолюбию и желанию взять запоздалый реванш у лидеров, стоявших на более высоких ступенях партийной иерархии, прежде всего у признанного кадетского вождя. В последующих откликах на публикации Маклакова Милоков пошел еще дальше, назвав своего оппонента «не столько единомышленником своей фракции [в III Думе. — О. Б.], сколько юридическим консультантом»⁵³. «Его формальная принадлежность к партии никогда нас не вводила в заблуждение; его воспоминания лишь подтверждают наши тогдашние впечатления его отчужденности», — завершал свое отлучение Маклакова от партии кадетов ее лидер⁵⁴.

Заключительные извинения Милокова за возможную резкость суждений о воспоминаниях выглядели вполне формальными. «Эта резкость — невольная, вызванная ответственными утверждениями В. А. Маклакова. Я не желал бы, во всяком случае, чтобы читатель заподозрил в тоне моего разбора что-либо личное. Я слишком хорошо знаю положительные качества В. А. Маклакова, чтобы желать каким бы то ни было образом умалить их в своем анализе. Речь идет здесь исключительно о выбранной им политической позиции. Эту позицию я считаю в корне ошибочной. Но политика вообще не составляет сильной стороны этого выдающегося деятеля, и я уверен, что, как бы мы ни судили о политических взглядах Маклакова, партия останется ему благодарна за ту большую долю успеха, которую он внес своими выступлениями в общий итог ее парламентской деятельности»⁵⁵.

Как уже говорилось выше, в обширной рецензии на «Власть и общественность», опубликованной в двух номерах ПН в мае 1937 г., Милоков не просто нашел эту книгу «вредной», но счел, что ее автор в пересмотре прошлого дошел до ненависти к освободительному движению, борется задним числом с либеральными идеями, вообще, в партии был человеком чуждым и случайным.

Эта рецензия возмутила Маклакова до такой степени, что он, обычно воздержавшийся от полемики по личным мотивам, вознамерился ответить ему на страницах РЗ. Однако редакция поставила условием, что его текст предварительно будет показан Милокову, которому предоставят возможность одновременно Маклакову ответить.

Маклаков написал по этому поводу резкое письмо Фондаминскому: «Милоков писал про меня обидную и злостную неправду, зная, что мне просто негде ему возразить. А когда через несколько месяцев я получил возможность самозащиты, он требует, чтобы ему дали возможность ответить мне одновременно. Ведь своих ошибок он не признает и в своем ответе он взвел бы на меня новые небылицы, как это он в течение нескольких лет делал с интригой против займа. А я опять несколько месяцев должен был бы дожидаться возможности на них возражать. По отношению к нему Ваше условие есть очень большая предупредительность; но почему Вы ее называете справедливостью? Но, конечно, дело не в этом; что мне убудет, если он немедленно мне возразит? Все равно и без Вашей услуги у него есть газета, где он хозяин. И Ваше условие для меня неприемлемо *не поэтому*. У статьи Милокова был особый характер. Она не политический спор, она оскорбительная личная выходка; он старался убедить, что я человек беспринципный, сторонник политики Александра III, ненавистник Освободительного Движения,

⁵² Там же. С. 352, 353.

⁵³ Милоков П. Н. Либерализм, радикализм и революция. С. 299.

⁵⁴ Там же. С. 314.

⁵⁵ Там же. С. 314–315.

который, очевидно, обманом пролез в кадетскую партию, а теперь сводит с ней личные счеты. Что он сам понимал, что это неправда, видно из того, что для таких выводов он цитаты из моей книги передергивал. Курьезно, что, очевидно, “ложью” он это не считает. Эти приемы как раз то, в чем он вообще видит “политику”. Его неправда могла быть мне лично обидна, но, как видите, я секундентов ему не послал. Ведь мы все отлично знаем, что у Милокова нет в политике моральных принципов и что он всегда со всеми был таков. Было [бы] непоследовательно вдруг за одного себя на него обидеться» (п. 115).

Несколько дней спустя Маклаков писал Фондаминскому, что обычно он на критику не возражает и если решил сделать исключение для Милокова, «то именно потому, что он задел меня лично в тоне достаточно неприличном, а по существу заведомо лживом. [...] по моему убеждению манера Милоковских статей очень выпукло ставит те его свойства, которые объясняют неудачу его кадетского лидерства. [...] было бы неискренно, если бы я сказал, какое мне дело до того, что про меня думает Милоков; и когда он публично заподозривает мою политическую честность, то мне трудно не обращать на это никакого внимания. А наконец и самая цель этого утверждения! Ведь он ее изложил откровенно; он не желает мне возражать по существу, ибо уверен, что он меня уже уничтожил в своих прежних статьях; он избрал более удобный путь; показать, какой я мерзавец и этим раз навсегда от моих возражений отделаться. Я не думаю, что я бы унизил себя, если бы на это хотел возразить» (п. 117).

Очевидно, договориться с редакцией РЗ на сей раз Маклакову не удалось, и он смог ответить Милокову лишь два года спустя, во вступлении к «Первой Государственной думе». К этому времени Маклаков несколько поостыл и, хотя по существу ответил Милокову достаточно жестко, на личности все же не перешел. Заявив об отказе от полемики с Милоковым, поскольку «слишком во многом» с ним расходится, Маклаков попытался устранить «недоразумения». Обвинения со стороны кадетского лидера в отходе от идей либерализма он назвал подтасовкой понятий.

Маклаков, напротив, подчеркивал свою приверженность идеям либерализма; России в начале века нужна была «самодеятельность личности, защита *личных* прав человека, ограждение его против *государства* [...] Либерализм в России должен был победить, ибо боролся за то, что было ей нужно, через что ей необходимо было пройти [...]. Но признавать верность идей не значит одобрять все действия тех, кто им хочет служить. Идеи были и правильны, и своевременны, но представители их в то минувшее время им служить не сумели»⁵⁶.

Маклаков совершенно не верил в здравый смысл народа, справедливо полагая, что правосознание вырабатывается, точнее, воспитывается постепенно, десятилетиями. Переход к зрелым формам демократии может быть только постепенным и возможен только при определенном уровне культурного развития народных масс. Предпосылок для немедленной реализации в России кадетской программы он не видел.

Народная воля не была для Маклакова «священной коровой», а демократия — панацеей от всех бед. Доктринерство партийных лидеров, разумеется, прежде всего Милокова, его раздражало. Сначала «воспитание», затем всеобщее избирательное право — так можно было бы сформулировать «правило Маклакова».

И двадцать, и тридцать лет спустя после революции мысли Маклакова все еще казались его бывшим соратникам — не говоря о противниках — еретическими⁵⁷. Его

⁵⁶ Маклаков В. А. Первая Государственная Дума. С. 6.

⁵⁷ На публикацию «Еретических мыслей» Маклакова в НЖ (1948. № 19, 20), в которых бывший парламентарий рассуждал о некоторых парадоксах демократии, откликнулся — разумеется, весьма критически — его «вечный спутник» Вишняк. См.: Вишняк М. В. В. А. Маклаков о демократии // НРС. 1948.

рассуждения представлялись им умозрительными, а «идеальная модель» взаимоотношений либеральной партии с властью не выдерживающей проверку историческими реалиями дореволюционной России. Критики Маклакова были во многом правы; историю нельзя переиграть, а конкретные люди вели себя в свое время совсем не так, как, казалось, должны были себя вести.

Сильная сторона его размышлений, столь необычных для деятеля оппозиции, — как раз понять правду противоположной стороны. Нельзя сказать, что он не замечал ошибок, недобросовестности и прямых преступлений «исторической» власти; в том, что случилось с Россией, виноваты были все; но отвечать каждому надо было за свою собственную вину. Кадеты, по мнению Маклакова, своей вины не понимали. А вина их в конечном счете сводилась к тому, что они пытались осуществить правильные идеалы неправильными методами — и взяли к тому же неверный темп, не сумев понять реальную готовность — точнее, неготовности народа к либеральным преобразованиям. Правда бюрократов, консерваторов заключалась в том, что они лучше знали страну и механизмы управления. Либералы раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением, — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все.

Воспоминания Маклакова стали одним из самых — если не самым — значительных небеллетристических текстов, опубликованных на страницах СЗ. Концепция Маклакова повлияла и на авторов исторических трудов, и на писателей, пытавшихся осмыслить исторический путь России. Назову некогда очень популярную «Историю либерализма в России» В. Леонтовича⁵⁸ и, конечно, «Красное колесо» А. И. Солженицына. Другое дело, насколько эти авторы адекватно восприняли маклаковскую «историософию».

Публикации маклаковского текста в СЗ — редкий случай в истории русской журналистики, когда редакция печатала текст, противоречащий ее взглядам. Дело здесь было, по нашему мнению, не столько в терпимости эсеровской редакции, сколько в совпадении различных обстоятельств, обусловивших начало публикации, а затем сделавших отказ от ее продолжения «неприличным». Редакция, дабы уменьшить «вред» воспоминаний Маклакова, сопровождала его время от времени обширными критическими (временами весьма резкими) статьями, сначала по Маклакову «выстрелил» Вишняк, затем в ход была пущена «тяжелая артиллерия» — Милюков. Таким образом, редакция уподобилась змее, кусающей собственный хвост.

Как бы то ни было, текст был опубликован, добавив «дров» в костер полемики о причинах и смысле русской революции. Poleмики, в которой вряд ли когда-нибудь будет сказано «окончательное слово».

14 нояб.; *Он же*. Демократия по В. А. Маклакову // НРС. 1948. 21 нояб.

⁵⁸ *Leontovitch V. Geschichte des Liberalismus in Rußland. Frankfurt am Main, [1957].* В русском переводе книга впервые вышла в 1980 г. в Париже, во французском там же в 1987 г.

1. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 6 февраля 1924 г.

6 II 1924. Villa «La Brise», Grasse

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич, я всю зиму живу в Грассе и Ваше письмо мне переслано сюда, потому отвечаю с опозданием. Боюсь, что я могу быть Вам полезным очень мало. Про какую литературу эпохи 1895–1905 г. Вы говорите? Вероятно, у меня есть кое-какие книги, вышедшие в эти годы (главным обр[азом] по истории), но вряд ли Вам это надо. Специфически «политической» литературы у меня очень мало. Практически я Вам предлагаю следующее: Или Вы проникните в нашу квартиру, обратившись за этим к *Марку Вениаминовичу Вишняку*¹ и с его помощью осмотрите мою библиотеку. Боюсь, что так Вы мало что найдете, ибо у меня около 5 тысяч книг и расставлены они не в хронологическом порядке. Или, что целесообразнее: Вы мне более точно укажете характер нужных Вам книг (или еще лучше пришлите их список), а я укажу Вишняку, на каких полках стоят те нужные Вам книги, к[о]т[о]р[ые] у меня имеются. Вишняк Вам их тогда доставит. Повторяю, вряд ли много Вы найдете, но кое-что, наверно, есть. Жаль, что меня нет в Париже и я не могу сам Вам услужить. Книги я Вам одолжу с большим удовольствием — знаю, что значит разыскивать книги для работы.

Шлю Вам сердечный привет.

И. Фондаминский

P.S. Адрес М. В. Вишняка: 11, rue Claude Lorrain, Paris XVI.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Подчеркивание здесь и ниже предположительно рукой Маклакова.

2. Маклаков — Вишняку

Б. м. 21 июня 1925 г.

21 Juin

Многоуважаемый Марк Вениаминович! Адрес Тат[ьяны] Льв[овны] Толстой-Сухотиной¹ — 3, square Park-Royal. Я ее вчера не поймал, но передал ей через 3-х лиц, что Вы могли бы принципиально напечатать Толстой “inédit”². Она через 3-е же лицо просила, чтобы кто-либо к ней зашел. Из уважения к ее 60 с лишком возрасту мне не хочет[ся] ей передавать, чтобы она

заходила к Вам, чтобы таким образом не стал ворон как бы пророком... Поэтому вот что я Вам предлагаю: напишите ей словечко, сославшись на меня и переданное мною ее согласие Вам, и ни слова не упоминая о предложении к ней зайти, как будто я его *не* передавал; скажите в письме, где и когда Вас или Руднева можно застать, и спросите, *в кот[ором] часу* можно было бы к ней прислать, если ей *самой* зайти трудно. Вы окажете этим предупредительность, а она наверное *сама* придет; мой посредник по молодости лет перепутал, а если теперь я ей предложу *самой* идти, то это как будто слишком формальное отношение.

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию.

¹ Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), дочь Л. Н. Толстого, художница. С 1914 по 1921 г. жила в Ясной Поляне. В 1917–1923 гг. являлась хранителем музея-усадьбы Ясная Поляна. В 1923–1925 гг. директор Музея Л. Н. Толстого в Москве. В 1925 г. вместе с дочерью Татьяной уехала за границу, жила в Париже, затем в Риме. Как и другие члены семьи Толстого, хорошо знала Маклакова; бывала у него в Париже, состояла в переписке.

² неизданный (франц.). Несомненно, речь идет о материале, опубликованном впоследствии в 26-й книге СЗ (см.: *Толстой Л. Н. Казаки: (неизданные варианты)* / [Предисл.: А. М. Хирьяков] // СЗ. 1925. № 26. С. 5–84).

3. Маклаков — Вишняку

Paris. 12 июня 1926 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Я имею к Вам «гнусное предложение»: Вы от меня просили статьи мемуарного характера. Не желаете ли вместо этого другие: я здесь читал доклад по поводу Пушкина, содержания довольно неопределенного, но на темы, к[о]т[орые] всегда интересны¹. Я *пока* еще могу его воспроизвести. Хотите? Если Вы на определенно[й] политической стороне, то некот[орые] разногласия, к[о]т[орые] у Вас могут оказаться со мной, этому не помешают, тем более что определенно политического содержания в докладе не было.

Вас. Мак[лаков]

12 Juin

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке с адресом: «32, rue Boissière. Paris XVIe. Tél.: Passy 43-06».

¹ Имеется в виду речь Маклакова «Русская культура и Пушкин», прочитанная в День русской культуры (отмечавшийся в день рождения Пушкина) 6 июня 1926 г. в Сорбонне.

4. Фондаминский — Маклакову

Paris. 16 декабря 1927 г.

16 XII 1927. 1 rue Chernoviz, Paris XVI.

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич,
сообщите мне, пожалуйста, точное заглавие Вашей статьи — на днях мы выпускаем

проспект на 1928 г. и хотим украсить его Вашим именем. Не можете ли Вы обещать нам в 1928 г. еще к [акую-]н[ибудь] статью? На какую тему? Мы бы включили и ее в проспект. Наша первая книжка в 1928 г. будет блестящая, и Вы не пожалеете, что предпочли «С[овременные] з[аписки]» другим изданиям.

За Вами у меня записаны следующие книги:

1. Протоколы П. С. Р. + добавление¹
2. Знамя «Земли и Воли»²
- 3–4. Ежегодники «Речи» за 1912–13 гг.³
5. Троцкий. «Наша революция»⁴
6. Закон о крестьянском разорении⁵.

Если эти книги Вам не нужны, пришлите мне их по почте.

Проспект выйдет на днях – потому очень прошу сообщить заглавие статьи возможно скорей.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Очевидно, речь идет о протоколах Первого (вышедших в Женеве в 1906 г.), Второго (изданы в Санкт-Петербурге в 1907 г.) съездов и/или Первой общепартийной конференции (Париж, 1908) Партии социалистов-революционеров.

² *Веселов А.* Знамя «Земли и воли» и российская социалдемократия. СПб.: Книгоизд-во «Труд и борьба», 1906.

³ Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912; Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., 1913.

⁴ *Троцкий Н.* [Троцкий Л. Д.] Наша революция. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906.

⁵ *Стеблев М.* [Блеклов С. М.] Закон о крестьянском разорении: (По поводу закона 9 ноября 1906 г.). Изд. Партии социалистов-революционеров. Paris: Tribune Russe, 1909.

5. Маклаков – Вишняку

Paris. 23 декабря 1927 г.

В. А. Маклаков

Париж, 23-го декабря 1927 г.

Многоуважаемый М[арк] В[ениаминович],
вчера я говорил с Коварским¹ и сегодня посылаю Вам рукопись²; но ставлю целый ряд условий:

1) Я даю Вам ее только в том случае, если книжка выйдет до 5-го февраля; это я еще раз подтверждал Фондаминскому; поэтому если бы по Вашим соображениям оказалось бы, что это невозможно, то прошу Вас сейчас же мне ее вернуть.

2) Я ничего не буду давать в газеты *без* Вашего согласия, но и Вас прошу о том же самом. Вы знаете, что на нее покушались «Последние новости», в лице Цвибака³.

3) Прошу Вас непременно прислать мне сверстанную корректуру *до* напечатания и при этом в *двух* экземплярах, один я оставляю у себя.

4) Я заранее Вас предупреждаю, что вполне возможно, что я вычеркну одну страницу из рукописи; с половины 29-й до половины 30-й; Вы сами легко догадаетесь, почему. Как журналист Вы об этом пожалеете, ибо эта страница сенсационная, но

Вы поймете, почему я, может быть, ее вычеркну. Если я ее не вычеркиваю сразу, то только потому, что при *одной* комбинации я, может быть, ее оставлю; но необходимо, чтобы эта комбинация состоялась.

И наконец 5) и последнее — это, чтобы Вы мне дали 50 оттисков.

К этому прибавляю, что рукопись была готова к назначенному сроку — 20-го, и я ее не послал только потому, что мне никто не звонил, и я не знал, кому ее передать.

Преданный Вам

В. Маклак[ов]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce — Paris XV».

¹ Коварский Илья Николаевич (Свенцянский Иуда Натанович) (1880–1962), врач, общественно-политический деятель; член ЦК партии эсеров, депутат Учредительного собрания; в эмиграции в Париже с 1919 г., с 1940 г. — в США. Основатель и владелец издательства «Родник» и одноименного книжного магазина. См. о нем: *Вишняк М. В.* Илья Николаевич Коварский // РМ. 1962. 21 июля. № 1867. С. 5; *Р. Г. [Гуль Р. Б.]* И. Н. Коварский (Некролог) // НЖ. 1962. № 69. С. 288–289; *Бадя П. В.* Коварский Илья Николаевич // Политические деятели 1917. С. 153–154; *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 312.

² Речь идет о статье В. А. Маклакова «Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина» (СЗ. 1928. № 34. С. 260–281).

³ Цвибак Яков Моисеевич (псевд. Андрей Седых; 1902–1994), журналист, писатель, лит. критик. С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, с 1920 г. — в Париже. Сотрудник ПН.

6. Маклаков — Вишняку

Paris. 11 января 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 11-го января 1928 г.

Многоуважаемый Марк Веньяминович, если бы я не был связан словом перед Вами и даже не отдал бы Вам рукопись, то я бы сейчас ее *не стал* писать. Та кампания, которую открыли «Дни» против Юсупова¹, этому бы помешала; на все могут быть свои взгляды, и я не хочу ни в чем «Дни» осуждать, если они считают, что возможно и правильно передавать в печать слухи непроверенные, хотя бы и сенсационные. Но только раз в *этом* пункте я с ними разошелся, я не хочу хотя бы в малой мере солидаризироваться с ними в отношении к Юсупову и потому не хочу помещать в «Днях» выдержки из моей статьи в «Современных записках»; об этом я напишу Александру Федоровичу [Керенскому]², но, во избежание всяких недоразумений, говорю это и Вам как ответственному лицу, который принял от меня эту рукопись. Кроме того, Вы понимаете сами, что сейчас вопрос о помещении сомнительной страницы даже не возникает. Конечно, я ее больше *не* помещу; исправления сделаю в корректуре, но тем более не забудьте ее прислать.

Вас. Маклак[ов]

Господину *М. В. Вишняку*

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce – Paris XV».

¹ Юсупов Феликс Феликсович, князь, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967), муж княгини императорской крови Ирины Александровны, урожденной Романовой, дочери вел. кн. Александра Михайловича. Выпускник Оксфордского университета, Юсупов в 1915–1916 гг. учился на курсах при Пажемском корпусе, готовясь к экзамену на офицерский чин. Один из организаторов и исполнителей убийства Г.Е. Распутина, которое произошло в его дворце в ночь на 17 декабря 1916 г. В 1927 г. выпустил в Париже мемуары по-французски под названием «Конец Распутина» (La fin de Raspoutine. Paris: [Plon, 1927]). В том же году книга вышла в Париже в переводе на русский язык. Говоря о кампании, начатой «Днями» против Юсупова, Маклаков имел в виду появившееся накануне сообщение «Высылка из Франции кн. Юсупова», в котором говорилось: «Несколько дней тому назад, в особо срочном порядке, несмотря на все использованные большие связи, был выслан из Франции князь Феликс Юсупов, граф Сумароков Эльстон, прославившийся участием в убийстве Распутина. Князь Юсупов обвинен в совращении малолетнего, что, как известно, по французским законам, карается каторжными работами. Однако “некоторые смягчающие вину обстоятельства” позволили в данном случае ограничиться высылкой. Дело началось по жалобе одного господина, который проследил князя Юсупова с своим малолетним сыном и, застав на месте преступления, жестоко избил обоих. Быть может, это дело изгладилось бы, если бы не какие-то чрезвычайно неблагоприятные для князя Юсупова данные, которые связывают его с крупными денежными операциями» (Дни. 1928. 10 янв.). На следующий день, т. е. 11 января, которым датировано это письмо Маклакова Вишняку, «Дни» продолжили смаковать подробности скандала (см.: Дело Юсупова: Подробности скандала. Судьба юсуповских предприятий // Дни. 1928. 11 янв.).

² Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, политический деятель, член партии эсеров; в 1917 г. министр юстиции, затем военный министр, с июля по октябрь 1917 г. – министр-председатель Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции во Франции. В 1927–1928 гг. редактор газеты «Дни» (Париж).

7. Маклаков – Вишняку

Б. м. 1928 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!
Цвибак приходил ко мне за статьей д[ля] «П[оследних] н[овостей]»; принципиально я ничего не имею [против], и только потребовал, чтоб он мне показал, *что* именно он будет печатать. Думаю, что *этот* вопрос для Вас безразличен, но для Вас может быть небезынтересно, *когда* это пойдет. Скажите мне это.

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию.

8. Маклаков – Вишняку

Б. м. 5 февраля 1928 г.

5 Ф.

Многоуважаемый М[арк] В[ениаминович]!
Я не получил от Вас ответа на мое письмо, к[о]т[орое] я Вам послал с нарочным,

9me, rue Vineau [так; правильно rue Vineuse]. Возможно, что оно не дошло, и потому пишу снова. Цвибак уверяет меня, что Вы не только согласны на помещение в «П[оследних] н[овостях]» статьи о Распутине, но даже этому рады. Поместить ее предполагают во вторник, 7 февр[аля]. Я не специалист, но на мой взгляд, это *рано*, если журнал выйдет 15, тем более рано, что они собирают[ся] печатать *почти все*. Хотя я и сказал Цвибаку, что согласен только при Вашем согласии, но ввиду возможных недоразумений очень прошу Вас *не откладывая* либо известить меня, или, еще лучше, «Послед[ние] новост[и]» в случае Вашего несогласия на помещение во вторник¹.

Ваш Маклак[ов]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию.

¹ Номер ПН, в котором были помещены обширные выдержки из статьи Маклакова (Я. Ц. [Цвибак Я. М.] Убийство Распутина. В. А. Маклаков отвечает кн. Юсупову), вышел в свет в воскресенье 12 февраля 1928 г. 34-я книга СЗ, в которой была опубликована статья, поступила в продажу в марте 1928 г.

9. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 23 марта 1928 г.

23 III 1928. Villa Belvédère, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич, Вадим Викторович [Руднев] сообщает мне, что Вы принципиально согласились дать для «Совр[еменных] зап[исок]» статью о Некрасове¹, но что Вы еще не уверены, успеете ли Вы ее написать для ближайшего номера. Позвольте убедительно просить Вас приложить все усилия к тому, чтобы статью вовремя написать. Очень печально будет, если мы отзовемся на юбилей Некрасова год спустя — и так мы сильно запаздываем.

И, помимо этого, Ваша статья нужна именно для этого номера — без нее номер будет «без изюминки». Это не комплимент, а вполне искренне.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Подобной статьи Маклакова в СЗ опубликовано не было.

10. Маклаков — Вишняку

Paris. 4 апреля 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 4 апреля 1928 г.

Многоуважаемый Марк Веняминович, мне совестно Вас огорчать, но на этот раз я говорю Вам уже окончательно:

на меня не рассчитывайте, никакой статьи я Вам не дам. Я добросовестно сделал опыт над собой и убедился, что это невозможно. Хотя свою срочную работу я сдал и сейчас свободен, но это только условная свобода; у меня уже есть на очереди несколько новых работ, не исключая литературных, к которым нужно приступать немедленно. А главное, я убедился, что все, что касается Некрасова, настолько выскочило из головы, что мне нужно было бы время, и довольно продолжительное, чтобы возобновить интерес к нему¹; в настоящей сутолоке это невозможно. Я мог бы это сделать разве только во время летних вакансий, на совершенной свободе. Теперь я мог бы только исполнить механическую работу, т. е. переносить на бумагу то, что есть в голове; но Вы дали всему тому, что было в голове, испариться, и мне надо время набивать ее вновь. Поэтому, как мне ни жалко, я абсолютно не могу взять на себя эту задачу и прошу Вас на меня не рассчитывать; я даже не буду пытаться больше себя насилловать.

Предан[ный] Вам

В. Маклак[ов]

Я сейчас засаживаюсь за работу о Толстом².

М. В. Вишняку.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce — Paris XVe».

¹ Несомненно, идея заказать Маклакову статью о Н. А. Некрасове возникла в связи с докладами, прочитанными бывшим послом по случаю 50-летия со дня смерти поэта (Некрасов скончался 27 декабря 1877 г. по старому стилю, соответственно 8 января 1878 г. по новому). Маклаков выступил с докладами 3 декабря 1927 г. в Русском народном университете в Париже и 17 января 1928 г. в «Русском очаге». В отчете о последнем докладе Маклакова говорилось: «Доклад по построению являлся как бы защитой Некрасова, которого и при жизни и после смерти преследовали резкие отзывы и клевета. [...] Дав блестящую оценку эпохи, во время которой создан и вырос Некрасов, докладчик вскрыл ту личную драму, которую пришлось ему пережить. Драма эта — в духовном компромиссе. Восхищаясь красотой подвига, призывая на жертвенное служение народу, Некрасов сам никуда не шел. Это противоречие между словом и делом, это бессилие, быть может ошибочное и кажущееся, надламывало дух, рождало хандру. [...] Свой интересный доклад, прочтенный без всяких записей, В. А. Маклаков украсил громадным количеством цитат и декламацией отрывков. Удивительна его декламация, — простая, чуждая ложного пафоса, она чудесным образом сразу вводила слушателей в самую суть поэзии Некрасова» (Н. П. В. А. Маклаков о Некрасове // Дни. 1928. 19 янв.).

² Речь идет о статье Маклакова к 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Опубликовано впоследствии под названием «Лев Толстой (Учение и жизнь)» (СЗ. 1928. № 36. С. 220–263).

11. Фондаминский — Маклакову

Paris. 2 октября 1928 г.

2 X 1928. 1 rue Chernoviz, Paris XVI.

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич, считаю своим редакторским долгом напомнить Вам, что мы ждем Вашу статью 15-го окт[ября]. Если Вам понадобится лишних несколько дней, предупредите об этом нас заранее — мы иначе распределим набор.

Статья Ваша о Толстом имеет большой успех¹.
Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См. примеч. 2 к п. 10.

12. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 4 октября 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 4-го октября 1928 г.

Многоуважаемый Илья Исидорович,

Вы могли мне не напоминать; я не люблю давать обещаний, а когда даю их, держу. Статья уже готова, и я мог бы сдать ее хотя бы завтра, все-таки подожду до последнего срока, чтобы меньше исправлять в корректурах. Но не скрою от Вас, что у меня все-таки остается колебание. Дело не столько в этой статье, сколько в обязанности продолжать писание на эту тему. Первая статья вышла два листа с лишним; а между тем это только вступление, оно такой характер и носит; если я буду продолжать таким темпом, то у меня хватит писания на два года. Тут я не поручусь не только за свое терпение, но и за то, что какие-либо события не изменят моих основных точек зрения на то, что было; наконец то же самое может случиться и с Вами. Вот почему, хотя я статью приготовил, что Вам и обещал, но еще не знаю, сдать ли ее Вам.

То, что Вы пишете мне о моей статье о Толстом, получило сегодня подтверждение в статье Адамовича¹, и все-таки скажу Вам, я жалею, что дал Вам эту статью. К пониманию Толстого, как верно указывает Адамович, я шел постепенно оцупью; можно сказать, что в каждой новой статье об нем, а у меня их было 5 или 6, я делал шаг дальше и статья у Вас помещенная не последняя, это только этап его понимания; и Адамович правильно заметил, что статья вопроса не исчерпывает. В моем представлении исчерпывающее толкование Толстого я дам в своей лекции в Праге, которую буду читать в начале ноября². Вот эту статью, может быть, следовало бы напечатать, и я жалею, что своей преждевременной статьей в сентябрьской книжке я сделал это уже невозможным.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См.: Адамович Г. «Современные записки», кн. XXXVI. Часть литературная // ПН. 1928. 4 окт. № 2752. С. 3.

² Лекция Маклакова о Толстом состоялась на самом деле несколько позднее — 15 ноября 1928 г. на торжественном чешско-русском заседании в Праге, посвященном 100-летию со дня рождения писателя (см.: ПН. 1928. 24 нояб.).

13. Фондаминский — Маклакову

Paris. 5 октября 1928 г.

5 X 1928. 1 rue Chernoviz, Paris

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич, я не только знаю, что Вы держите слово, но знаю больше: что Вы его держите целиком. А слово Ваше было: к 15 окт[ября] не только написать статью, но и сдать ее нам для напечатания. Потому я и не верю в Ваши колебания: номер составлен, почти набран, держится на Вашей статье и Вы не станете его разорять. Что касается продолжения, то мы рады будем печатать Вас не 2, а 3 года и больше. Разумеется, Вы всегда вправе пропустить номер (что делает и Бунин и Алданов) и прервать печатание, когда захотите.

Относительно Толстого поправить ошибку легко: мы просим Вас дать нам и Ваш доклад в Праге и верим, что Вы в просьбе не откажете. О Толстом у нас имеется еще материал на 2–3 книжки¹. Прошу Вас ответить согласием немедленно по адресу: Stepun, 6, Paradiesstrasse, Dresden, куда я сейчас уезжаю на неделю. По возвращении явлюсь к Вам с новыми предложениями.

Сердечный привет.

Ваш И. Фонд[аминский]

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Толстовская тема, начатая рядом публикаций в № 36 СЗ, получила продолжение в № 37, вышедшем в том же юбилейном 1928 г. См.: *Лосский Н. О.* Л. Н. Толстой как художник и мыслитель (С. 234–241); *Толстая-Попова А. И.* Дедушка Лев Николаевич (С. 242–274).

14. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 6 октября 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 6-го октября 1928 г.

Многоуважаемый Илья Исидорович, я не играл с Вами словами и хорошо понимаю, что обещал написать статью, тем самым обещал ее написать для Вас. Но если я не поленился исполнить мое обещание и статью написал в окончательном виде, то для того, чтобы бросить в корзину и время [и] труд, нужно очевидно было иметь уважительные причины; и раз они были бы налицо, нельзя было бы мне возражать с ссылкой на мое обещание. Представьте себе, что моя статья абсолютно не подошла бы к Вашему журналу; я не считал бы Вас связанным Вашим обещанием и не стал бы настаивать, чтобы Вы ее во всяком случае напечатали; поэтому не переводите вопроса на такую формальную почву, тем более что это скорее академический спор; я думаю, что я Вам статью все-таки дам и даже раньше 15-го.

Что же касается до Вашего предложения о Толстом, то я не отказываюсь; я думаю только, что Вы сами можете встретить естественные возражения. Хотя статья и по объему и по строению непохожа на ту статью, которую Вы напечатали, но по

содержанию она от нее не далека; более того, она почти говорит о том же самом, только доводя отдельные мысли до более отчетливого понимания и более сводя концы с концами. Если прочтёте ее, Вы найдете, что не стыдно помещать на расстоянии полугода две столь схожие статьи одно[го] и того же автора, то дело Ваше; препятствовать я не буду; но так как она не попадет в январской книжке [так], то этот вопрос еще отдаленного будущего.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

15. Маклаков — Вишняку

Paris. 10 ноября 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 10 ноября 1928

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
Вы обещали мне позвонить за ответом через месяц, но я Вас задерживать не буду: я ответ могу дать и сейчас; обдумав Ваше предложение, я прихожу к несомненному выводу, что превратить вступление в эпилог совершенно невозможно; мне трудно даже верится, что Вы мне это предложили серьезно; я склонен усмотреть в этом просто замаскированный и вежливый отказ поместить предисловие и просьбу писать мои «Воспоминания» без всякого предисловия. Все это я хорошо понимаю; но начать сейчас писать «Воспоминания» без уверенности, что они будут помещены, с перспективой, что по каким-либо соображениям, которые я не стану оспаривать, такая же судьба может постигнуть и самые «Воспоминания», я не хочу. Потому лучше и кончим все это предприятие в самом начале.

У меня к Вам только одна просьба: верните мне рукопись; я знаю, что это не в привычках редакции, но ведь в данном случае не я к Вам пришел, а Вы меня звали. И я посмотрю, может быть, я с этой рукописью сделаю что-нибудь другое. Не присылайте ее сейчас, пока я в отъезде, но верните мне ее тотчас по приезде; тогда мы сможем поговорить о Толстом; кстати, эта статья о Толстом будет вдвое короче, чем предыдущая¹.

Вас. Маклак[ов]

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce — Paris XVe».

¹ Речь идет о статье «Толстой как мировое явление» (СЗ. 1929. № 38. С. 224–245).

16. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 10 ноября 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 10-го ноября 1928 г.

Многоуважаемый Илья Исидорович,
сейчас я написал Вишняку о том, что считаю наш план несостоявшимся, но так

как это Вы меня втравили в эту историю, то и считаю себя обязанным сказать Вам два слова в объяснение.

Так как Вишняк говорил со мной от имени всей редакции, то об ее предложении мне говорить не приходится; Вы поймете, почему я на него не согласился; в конце концов лично для меня это одно облегчение; я недаром Вам написал, что я до последней минуты колебался; мне не хотелось ни брать на себя обещания, которое при моей нелюбви к писанию все-таки довольно тяжело, но скажу откровенно, выступать с такими воспоминаниями, которые, конечно, кое с кем меня посощрили бы. Поэтому у меня были личные причины колебаться и сейчас я чувствую только одно облегчение.

Но скажу Вам, что мне все-таки довольно неожиданно сопротивление самой редакции. Ведь если редакция считала возможным иметь со мной дело и печатать мои вещи, то тем самым она как будто бы признавала за мной право иметь свои взгляды, особенно на прошлое. Никакой солидарности между редакцией и мной не предполагалось, да и мы слишком определенные люди, чтобы кто-нибудь мог бы легкомысленно считать нас единомышленниками. Конечно, если бы «Современные записки» были партийным органом и вели партийное дело, Ваше несогласие было бы понятно; но тогда я и вообще не мог бы у Вас писать. Потому сейчас Ваш отказ или, что то же самое, обращение ко мне такого предложения, которое равносильно отказу, остается для меня не совсем понятным; но это только личная причина, чтобы отказаться, пока не поздно. И то я в претензии на Вас, что Вы это не сказали мне на Аминадовском вечере¹, после этого я принялся за вторую статью.

Ну, а затем *sans rancune*².

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Вечер в честь поэта Дон-Аминадо (псевдоним Аминодава Пейсаховича [Аминада Петровича] Шполянского; 1888–1957), которому в 1928 г. исполнилось 50 лет, состоялся 1 ноября 1928 г. в Salle Gaveau в Париже (Хроника. Франция. Т. 1. С. 488).

² не поминайте лихом (франц.).

17. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 26 декабря 1928 г.

В. А. Маклаков

Париж, 26-го декабря 1928 г.

Многоуважаемый Илья Исидорович, очень жалею, что мне пришлось уйти от второй половины Вашей лекции¹; по тому, что мне о ней говорили, в этом пункте я с Вами совершенно бы разошелся. Если Вы стоите за «поравнение», потому что это народное воззрение, то мне кажется, Вы отстаиваете очень реакционное мировоззрение. Злополучная идея приравнения и приводит людей к рабству перед тем, кого они не умеют приравнять; конечно, это народная идея и в этом Вы правы, но отстаивать ее почти то же самое, что отстаивать народные предрассудки. Может быть, мне передали Ваши взгляды неправильно, что меня бы не удивило, и это только лишняя иллюстрация того, как люди пишут историю; но тем более жалко, что я сам Вас не послушал.

Теперь одно слово; как я Вам говорил, мне хочется в своем «Предисловии», если не вполне вычеркнуть, то в 5 раз сократить те несколько страниц, где я погрузился в дебри чисто академических рассуждений о разнице эволюции и революции. Вы только выиграете от сокращения статьи на несколько страниц. Но мне все-таки казалось бы удобнее сделать это не в корректуре, и я думаю, это удобнее и для Вас; не откажите сказать, возможно ли было бы раньше получения корректуры взамен прежних страниц прислать новые и возьметесь ли Вы их переслать в типографию так, чтобы не было путаницы, тогда я их приготовлю.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о лекции И. И. Бунакова-Фондаминского «Русский земельный строй и аграрная революция», прочитанной в Клубе по изучению России при РСХД 19 декабря 1928 г. (Хроника. Франция. Т. 1. С. 508).

18. Фондаминский — Маклакову

Paris. 28 декабря 1928 г.

28 XII 1928. 1 rue Chernoviz, Paris XVI.

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич, я не стою за «поравнение», но думаю, что если 400 лет «равняли», то с установлением полной собственности на землю надо быть осторожнее. Полная собственность может, благодаря непривычке, привести к обезземелению, а обезземеление к новому взрыву уравнилельной горячки (с укреплением «мифа» Ленина, который «поравняет»). Потому, на ближайшие десятилетия, по крайней мере, я стою за *твердое владение* без права продажи. Пришлите, пожалуйста, новые страницы на мой адрес — я приму меры, чтобы не было путаницы.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

19. Маклаков — Вишняку

Paris. 7 февраля 1929 г.

В. А. Маклаков

Париж, 7-го февраля 1929 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович, извещаю Вас, что вчера я послал корректуру Недошивиной¹ и сделал на ней те надписи, которые Вы говорили, т. е. что я прошу 25 оттисков для себя и еще одну сверстанную корректуру *не* для исправления. Сейчас я посылаю Недошивиной и корректуру о Толстом, и все-таки же скажу Вам, что мне хотелось бы иметь 20 оттисков²; когда выйдет вся брошюра³, неизвестно, а эта лекция о Толстом лично мне всего более по душе, и я ее обещал довольно многим; в 10 экземплярах не уместюсь. Но

Вас же прошу все-таки и со своей стороны дать распоряжение в типографию. Моих просьб они, конечно, не обязаны слушать; а Вас я об этом очень прошу.

Предан[ный] Вам

В. Маклак[ов]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce – Paris XVe».

¹ Об Н. А. Недошивиной см. наст. изд., письма Я. Л. Рубинштейна, примеч. 2 к п. 5.

² Речь идет о статье: *Маклаков В. А.* Толстой как мировое явление: (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // СЗ. 1929. № 38. С. 224–245 (номер вышел из печати в марте).

³ См. *Маклаков В. А.* О Льве Толстом. Две речи. Париж: Совр. записки, 1929. В брошюру были включены обе статьи Маклакова о Толстом, опубликованные первоначально в СЗ. Книга была опубликована в мае 1929 г.

20. Маклаков – Рудневу

Paris. 22 февраля 1929 г. [?]

22 Фев.

Дорогой Вадим Викторович!

Скажите мне, пожалуйста, не показывали ли Вы моей статьи в «Сов[ременных] зап[исках]» (которая пойдет в марте) – *Миллюкову* или еще кому-нибудь? Это мне нужно знать.

Вас. Макл[аков]

И не могло ли быть так, что он ее прочел помимо Вас, хотя бы через М. В. [Вишняка]?

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен предположительно по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, 57 Paris (XVe). Tél. Vaugirard 24-64».

21. Маклаков – Вишняку

Б. м. Не ранее марта 1929 г.

Дорогой Марк Вениаминович!

Чек получил и благодарю; книжку – тоже.

Что касается до postscript's, то, конечно, я им ничуть не задет и нахожу его в некоторых отношениях совершенно правильным и вполне кстати¹.

Но в одном, мне кажется, Вы ошибаетесь; я не занимаюсь критикой «своей собственной деятельности». Не помню точное выражение. Вы правы, говоря, что я даю *новое* освещение – и в этом моя задача. Но я избегаю, насколько[ко] возможно, говорить о *собственной деятельности*. В будущем мне бы пришлось поневоле это делать, но только там, где *факты*, лично меня касавшиеся, могут быть интересны. Но я старал[ся] умышленно избегать эгоцентризма и давать личные исповеди, *себя*

обличать... Все же честнее и правильнее придавать моим воспоминаниям характер автобиографии. И если она произвела такое впечатление, мне остается *жалеть*; это не моя цель. Но конечно, такая оценка моих статей меня не может задеть.

Преданный Вам

В. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Датируется по содержанию.

¹ Очевидно, речь идет о статье М. В. Вишняка «О русской революции — кануны и свершения», напечатанной вслед за первым фрагментом «Из воспоминаний» Маклакова в СЗ. 1929. № 38 (С. 315–351) в качестве «противоядия» к маклаковскому тексту.

22. Маклаков — Вишняку

Б. м. Не ранее марта 1929 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Посылаю Вам расписку, как Вы этого хотели. Буду рад когда-нибудь с Вами поговорить о Вашей статье¹: но одну материал [ную] поправку хочу привести сейчас, т. к. Вы второй раз ошибаетесь, и на этот раз не «предположительно», а утвердительно. Вы пишете, что в числе 4-х депутатов, ездивших к Столыпину в ночь на 3 июня, был Н. Н. Львов. Львов не был членом 2-й Думы. 4-м депутатом был С. Н. Булгаков².

Вас. Макла[ков]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Датируется по содержанию.

¹ *Вишняк М. В.* О русской революции — кануны и свершения // СЗ. 1929. № 38. С. 315–351.

² Речь идет о встрече так называемых «черносотенных» кадетов — С. Н. Булгакова, В. А. Маклакова, П. Б. Струве и М. В. Челнокова с премьер-министром П. А. Столыпиным в ночь на 3 июня 1907 г., накануне роспуска II Государственной думы. Попытка предотвратить роспуск ни к чему не привела. Львов Николай Николаевич (1867–1944), помещик, общественно-политический деятель. Один из основателей Союза освобождения. Видный земский деятель, участник земских съездов 1904–1905 гг. Член конституционно-демократической партии, депутат I, III и IV Государственных дум, в I Думе произошел его разрыв с кадетами, позиции партии по ряду вопросов он считал чрезмерно радикальными. Осудил Выборгское воззвание. В июле 1906 г. — один из основателей Партии мирного обновления. В 1912 г. — один из учредителей Партии прогрессистов. В IV Государственной думе был некоторое время товарищем (заместителем) председателя. В марте 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной Думы в Дирекции императорских театров. Один из руководителей Всероссийского союза земельных собственников, член Предпарламента (Временного совета республики). После большевистского переворота уехал на юг. В октябре 1918 г. один из организаторов Совета государственного объединения России. В 1919–1920 гг. соредатор газеты «Великая Россия» (Ростов-на-Дону, затем Севастополь). С ноября 1920 г. — в эмиграции. Поддерживал генерала П. Н. Врангеля. Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), публицист, философ, экономист, общественный деятель. В 1890-е гг. — «легальный марксист». Проработал эволюцию «от марксизма к идеализму». Депутат II Государственной Думы. Участник известных сборников «Веки» (1909) и «Из глубины» (1918). В июне 1918 г. принял духовный сан. В июле 1918 г. переехал в Крым, где

служил профессором Таврического университета (Симферополь). После поражения Врангеля — протоиерей Ялтинского собора. В 1922 г. выслан за границу. В эмиграции жил сначала в Константинополе, затем в Праге, с 1925 г. — в Париже, где был профессором Православного богословского института.

23. Фондаминский — Маклакову *Grasse. 17 апреля 1929 г.*

17 IV 1929

Villa Belvédère, Grasse (A[lpes-]M[aritimеs])

Дорогой Василий Алексеевич,

редакция прислала мне Вашу вторую статью и сопроводила ее очень взволнованным письмом. Сущность волнения следующая. Редакция просила Вас дать в «С[овременные] з[аписки]» Ваши *воспоминания о периоде 1905–1917 гг.*¹ и была искренне рада, получив Ваше согласие. Она знала, что в оценке прошлого Вы разойдетесь с нею, но спокойно шла на это, правильно полагая, что литературная форма «воспоминаний» и имя автора — большого общественного деятеля — снимают или, во всяком случае, значительно уменьшают ее ответственность за развиваемые в воспоминаниях взгляды. Ваша первая «вводная» статья уже значительно увеличила ответственность редакции и потому вызвала у нее желание переставить эту статью на конец, как «заключение». Теперь Вы дали вторую чисто публицистическую статью и передали Марку Веняминовичу [Вишняку], что предполагаете дать еще третью. Вместе с тем ответственность редакции за развиваемые Вами взгляды возрастает в громадной степени. Отсюда волнение редакции и естественное желание эту ответственность уменьшить, сохранив за Вашими статьями характер «введения» к воспоминаниям. Потому редакция выражала желание, чтобы я обратился к Вам с покорнейшей просьбой: сократить до минимума первую публицистическую часть присланной Вами статьи и дополнить ее историческими характеристиками эпохи Ал[ександра] II и Ал[ександра] III, к[о]т[о]р[ые] Вы предполагаете дать в 3-й статье. Таким образом, 2-я и 3-я статья слились бы в одну и получилось бы не 3, а 2 статьи «введения». Я решительно отказался обращаться к Вам с подобной просьбой по следующим основаниям: 1) я знал (из разговора с Вами М. В. [Вишняка] и моего собственного), что Вы предполагаете дать еще одну статью общего характера, и не возражал против этого; 2) по собственному литературному опыту и с Ваших слов я знаю, что Вы «строите» Ваши статьи и перестраивать их не по своим внутренним мотивам не умеете. Следовательно, обращаться к Вам с подобной просьбой было бы и бесплодно и неосновательно. Но я обещал редакции обратиться к Вам с нижайшей просьбой и постараться убедить Вас пойти на встречу редакции и, не нарушая интересов автора, по возможности, примирить их с ее интересами. Это я и делаю с полной охотой, искренне веря в правоту дела, и вполне полагаюсь на Вашу добрую волю. Мне кажется, Вы легко можете согласиться на следующее: 1. Сделать некоторые сокращения в Вашей 2-й статье — это можно сделать просто при чтении корректуры. Если Вы разрешите, позвольте обратить Ваше внимание на то, что

в ней есть повторения того, что уже было в первой статье — некоторые сокращения только устранят этот недостаток. 2. Посвятить только *половину* 3-й статьи продолжению «введения», а со второй уже начать «воспоминания». Т. к. журнальная обычная статья (и Ваши) заключает в себе 2–2½ листа (максимум), то, следовательно, на окончание «введения» у Вас будет 1–1¼ листа. Для Вас это будет небольшая жертва — Вам придется только более сжато написать заключение. Для редакции же это будет большое облегчение — с 3-й статьи уже начнутся «воспоминания», и ответственность ее сразу упадет до минимума. Я не настаиваю на первой просьбе — о сокращении 2-й статьи. Я знаю, насколько авторы щепетильны по отношению к каждому уже написанному слову (я сам такой) — Вы сделаете это, если найдете мое указание основательным. Но я Вас убедительно прошу не отказать во второй просьбе — здесь Вы еще не связаны написанным, а редакции Вы окажете большую услугу. Этим Вы окажете большую услугу и лично мне. Как Вы помните, идея «воспоминаний» явилась впервые у меня и, в известной мере, по моим настояниям Вы согласились ее осуществить. В значительной мере, по моим настояниям и редакция решилась предложить Вам печатать их на страницах «С[овременных] з[аписок]». Таким образом я, до некоторой степени, являюсь ответственным и перед Вами, и перед редакцией за благополучное завещание этого предприятия. Я его считаю большим делом и искренне уверен, что и редакция, а м. б. и Вы, будете, в конце концов, мне благодарны. Пока же я ощущаю всякое недовольство с Вашей стороны или со стороны редакции как мою личную вину и неисправность. Вот почему, согласившись исполнить мою просьбу, Вы окажете мне и личную услугу.

Если Вы следите за прессой, Вы знаете, какое количество отзывов, большею частью блистательных, вызвала Ваша статья².

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Подчеркивание предположительно рукой Маклакова.

² Начало публикации воспоминаний Маклакова сразу же вызвало ряд разноречивых откликов на страницах эмигрантской печати. «Руль» отозвался едва ли не первым анонимной заметкой по поводу полемики Маклакова и Вишняка, точнее, критики Вишняком маклаковского текста (Руль. 1929. 3 апр.). См. также отклики П. Н. Милокова (Политика в «Современных записках» // ПН. 1929. 4 апр. № 2934. С. 2–3), Д. П. Святополка-Мирского (Маклаков и Вишняк // Евразия. 1929. 6 апр. С. 2–3) и Андрея Луганова (Е. С. Вебер-Хирьяковой) (Совр. записки. Кн. 38-ая // За свободу! 1929. 7 апр. № 91 (2724). С. 3–4).

24. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 20 апреля 1929 г.

В. А. Маклаков

Париж, 20-го апреля 1929 г.

Дорогой Илья Исидорович,

во-первых, устраним из наших разговоров один аргумент о Вашей неловкости,

по крайней мере передо мной. Я уже Вам говорил, что я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно, что никто в этом не будет виноват и ни малейшей претензии я не только на Вас, но и на редакцию иметь не буду. У меня есть свои взгляды, от которых я не откажусь, у редакции своя репутация, за которую она держится. Правда, и мое личное положение, и те оговорки, которые редакция делает, в значительной степени понижают ее ответственность перед ее публикой, но все-таки каждый в этом судья себе сам; может наступить момент, когда самый разумный исход разойтись.

Но с другой стороны я хотел бы устранить и другой довод, будто я отдаляюсь от нашего первоначального соглашения и вместо воспоминаний преподношу Вам политику. Никакого точного соглашения у нас в этом смысле не было, и никаких условий мне никто не ставил; напротив, когда Вы впервые ко мне пришли, Вы предоставили мне самый широкий выбор тем и едва ли поэтому редакция может говорить, что от соглашения я отступил: этот аргумент и неверный и ненужный.

А теперь перейдем к существу.

При всем желании идти Вам навстречу, и Вы увидите, как далеко идет это желание, Ваш проект относительно 3-й статьи не только мне представляется наименее приемлемым, но в одном отношении меня и смущает. Неприемлем он, потому что я не вижу возможности сократить эпоху Александра II и Александра III до такой степени, чтобы перейти к современности; во-вторых, потому, и тут я Вам открою один злой умысел, я собирался пропустить 4-ю книжку, так как для того чтобы излагать современность, а именно освободительное движение, мне нужно кое-что перечитать, на что сейчас, и особенно летом не хватит ни времени, ни возможности. Моя 3-я статья заканчивалась указанием на переход к современности, а именно я говорил нечто вроде следующего: так родилось освободительное движение, которое явилось первым политическим делом нашего поколения; к этому перейду в следующей статье.

Таким образом Вы видите, что я брал на себя публичное обязательство от политической философии перейти к изложению современных событий, но начать их изложение в следующей же статье я затруднился бы.

Но главное дело не в этом; меня вот что смущает: Ваша редакция проводит какое-то странное противоположение между политикой и воспоминаниями; если под воспоминаниями Вы разумеете систематическое описание того, что я делал, как это можно видеть из возражения мне Вишняка, который даже упрекает меня в том, что я мало о себе говорю, то ведь этого и не будет, о себе я буду говорить только, поскольку это совершенно необходимо, например, когда буду говорить о своих разговорах со Столыпиным. Говоря о воспоминаниях, я имею в виду воспоминания о нашем времени и переоценке того, что мы делали и что мы наблюдали. Так я понимал свою задачу, так понимаю и сейчас; поэтому не ждите от меня резкой разницы в системе изложения, когда речь идет о прошлом и современности. В этом смысле Ваше желание, чтобы я поскорее перешел к воспоминаниям, заставляет меня предполагать какое-то коренное недоразумение между нами; и тут я Вам скажу совершенно искренно без всякой досады: если это так, то, может, нам нужно разойтись немедленно, не откладывая; если подобного рода возражения, что я пишу политику, а не воспоминания, мне будет суждено встречать

в каждой статье, то ведь лучше на этом прикончить; ведь оно показало бы, что мы просто друг друга не поняли. Ведь вот та 3-я статья, которой Вы не видели; я говорю в ней о времени 60-х годов, но я бы и не мог написать того, что написал, если бы одновременно с этим не занимался воспоминаниями, т. е. сравнением той эпохи с той, которую мы вместе пережили. Вся система изложения на этом основана, на освещении одной эпохи другой, и если это не подходит под понятие воспоминаний, то нам и в будущем грозят большие недоразумения. И вот об этом я Вас прошу очень серьезно подумать.

Теперь же перейду к злободневному вопросу, ко второй статье, и тут я готов идти Вам очень далеко на встречу.

Дело в том, что я предчувствовал, что Вам всего труднее будет переварить вторую статью, у меня есть даже на это доказательства. Скажу Вам между нами, что у Вас скоро будет конкурент, в виде нового русского журнала; об этом Вы, может быть, слышали; чего Вы не знаете, это то, что меня очень заманивают писать именно там, именно там продолжать свои воспоминания¹. Я им ответил, что связан с Вами. Мне не без основания указывали, что я, может быть, с Вами разойдусь; на это я ответил, что я или разойдусь на второй же статье, или не разойдусь вовсе. Говорю это не для того, чтобы Вас шантажировать и показать, что мне есть где сотрудничать, кроме Вас; скажу более, что именно эти воспоминания я не хотел бы печатать в другом органе, чтобы не аккредитировать милюковских инсинуаций, будто я изменил своему идеалу². Поэтому если я разойдусь с Вами, то, вероятно, просто прекращу дальнейшее писание и нисколько об этом не пожалею; но я привел Вам этот анекдот, чтобы показать, что я сознавал некоторую обостренность моей последней статьи и предчувствовал то волнение, о котором Вы говорите. И теперь, обсуждая вопрос спокойно, я готов Вам предложить две вещи:

Во-первых, я готов сделать то, чего Вы от меня не ожидаете, т. е. эту вторую статью очень сократить и смягчить, жалею, что на это, пожалуй, не хватит времени, и в этом Ваша вина. Статья сдана Вишняку 1-го марта, а о своем волнении Вы сообщили мне только 18 апреля. Конечно, и сейчас могу сделать исправления по корректуре, но я готов был бы сделать нечто более серьезное; а не только корректуру. Во всяком случае, если Вы бы хотели это, я Вас попрошу немедленно прислать мне назад статью и отметить на полях то, что Вы бы хотели [убрать] и что Вас смущает. Но я имею второе, гораздо более радикальное предложение; я просто готов эту статью выпустить и перейти сразу к 3-й. Поскольку я не соглашаюсь делать из предисловия эпилог, постольку я понимаю, что в данном случае первая половина статьи уместна именно как заключительный аккорд. Что же касается до второй половины статьи, до воспоминаний о Николаевщине, то ее вообще можно выпустить. Я не против такой комбинации хотя бы потому, что уже после первой статьи меня так упорно прославляют ненавистником революции, что возвращаться во второй сразу к той же самой теме о моей ненависти к революции, пожалуй, было бы противно экономии впечатления. Я бы совершенно спокойно и сознательно об этом предложил, если бы меня не смущало одно, что таким образом 39-я книжка останется без моей статьи и 41-я тоже, так как для перехода к освободительному движению мне хочется сохранить антракт, совпадающий с летними каникулами; а это уже как будто бы без нужды чересчур растягивает воспоминания.

Итак, резюмирую:

У меня целых 3 предложения, либо разойтись мирно, в виду того, что мы друг друга не поняли, и воспоминания в Вашем смысле, т. е. повествование о себе [фраза не окончена]

либо пришлите мою статью, указавши, что Вас в ней волнует, я постараюсь и сократить и смягчить, либо пропустить эту книжку, а я, несколько изменивши 3-ю статью, начну сразу же с эпохи Александра II; но Вы тогда обязуетесь поместить совершенно измененную вторую в виде эпилога.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о журнале, задуманном А. О. Гукасовым. Маклаков писал В. В. Шульгину 22 марта 1929 г.: «Гукасов, который прочел в корректуре мою статью “Современных записок” до выхода ее в свет, не без некоторого основания говорил, что мне там не удержаться, а что либо мои “Воспоминания” останутся не оконченными, либо нужно искать другого издателя. И вот тут он мне поведал, что некоторый план, который у него давно был в голове, сейчас близок к осуществлению, а именно, что он будет издавать наряду с газетой журнал, вероятно, ежемесячный, во всяком случае, выходящий чаще “Современных записок”; он говорил, что от беллетристов для этого журнала отбою нет, но что у них не хватает политиков по внутренней политике, и звал меня стать редактором политического отдела журнала. Вы понимаете сами, что от этого я отказался совершенно категорически; это не мой тип красоты и, наконец, я вовсе не собираюсь переключиваться в другой лагерь; единственное, что я могу сделать и, что я, вероятно, сделаю, это что я окажусь совершенно диким, вне всякого лагеря, но идти в обратный лагерь мне еще более противно, чем оставаться в своем» (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 13. F. 14).

² Маклаков имеет в виду отзыв П. Н. Милокова на первую статью цикла «Из прошлого» (Милоков П. Политика в «Современных записках» // ПН. 1929. 4 апр.).

25. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 24 апреля 1929 г.

24 IV 1929. Villa Belvédère, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,
искренне благодарю Вас за доброе желание пойти навстречу редакции. Я сообщил ей Ваши предложения и не сомневаюсь, что, если не одно, то другое ей покажется вполне подходящим (я говорю о предложениях 2–4; первое предложение — о прекращении печатания — я исключаю). Позвольте Вас заверить, что в толковании нашего с Вами соглашения между нами не может быть ни недоразумений, ни разногласия. Я твердо знаю обязательство, которое я взял на себя, — Вы тоже. Вполне естественные затруднения, связанные с таким делом, будут преодолены, и, я думаю, после разрешения вопроса о 2-й статье не возобновятся.

Надеюсь скоро получить ответ редакции и сообщить его Вам.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

26. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 27 апреля 1929 г.

27 IV 1929. Villa Belvédère, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич, редакция остановилась на третьем Вашем предложении, т. е. 1) пропустить эту (39-ю) книжку; 2) в 40-й книжке поместить 3-ю статью (об А[лександр]е II и А[лександр]е III); 3) 2-ю статью («сокращенную» и «измененную») поместить в виде эпилога. 41-ю книжку пропускать не придется, ибо: 39-я книжка выйдет 15-го июня — следовательно, Вашу 3-ю статью для 40-й книжки Вы должны сдать к *1-му июля*; 40-я книжка выйдет 15 сентября — следовательно, следующую статью («о современности») Вам надо сдать *1-го октября*, т. е. после каникул. Т. о. пропущена будет только одна книжка. Как видите, все отлично устроилось ко всеобщему удовольствию. Думаю, что редакция поступила правильно, выбрав этот вариант (я стоял за 4-й) — Вы правы, говоря, что «возвращаться во второй статье сразу к той же самой теме о ненависти к революции, пожалуй, было бы противно экономии впечатлений».

По существу же, о ненависти к революции говорит и Керенский¹. А в 39-й книжке на эту тему идет блестящая статья Степуна².

Прошу Вас подтвердить мне, что мы можем рассчитывать на Ваши статьи к 1-му июля и 1-му окт[ября]. — Это необходимо знать для составления книжки.

На днях выходит Ваша книжка о Толстом³ — пожалуйста, напишите *немедленно* Илье Николаевичу Коварскому (106 rue de la Tour, Librairie «La Source») или позвоните ему (Passy 64-42), *как ее озаглавить* (мы не знаем, по 1-й или по 2-й статье).

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

P. S. Разумеется, «воспоминания» не есть рассказ *о себе*. Но всё-таки это «былое и думы». Рассказ о былом и думы о нем. Одни «думы» — не достаточно интересно. Говорю это не только в интересах журнала, но и в Ваших интересах.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о печатавшихся в СЗ воспоминаниях А. Ф. Керенского (Из воспоминаний // СЗ. 1928. № 37. С. 295-309; 1929. № 38. С. 246-275; № 39. С. 230-273).

² Статья Ф. А. Степуна «Религиозный смысл русской революции» была опубликована в 40-й (С. 427-460), а не в 39-й книге СЗ.

³ Речь идет об отдельном издании напечатанных в СЗ статьях Маклакова о Толстом.

27. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 1 мая 1929 г.

В. А. Маклаков

Париж, 1-го мая 1929 г.

Дорогой Илья Исидорович, итак будем считать вопрос решенным; но следует несколько *no*. Во-первых, раз я с редакцией сношусь через Вас, то попросите редакцию немедленно вернуть

мне мою рукопись; во-вторых, Вы получите вторую статью, к назначенному сроку, для 40-й книжки; но 3-й статьи к 41-й не обещаю; если Вы требуете, чтобы я Вам сейчас сказал да или нет, то предпочту сказать нет; я не собираюсь работать летние месяцы, а главное, ведь я приготовил себя к этому антракту заранее, и не моя вина, что вместо одного антракта произошло два. Следующая статья будет чем-то новым, и я еще не определил ни манеры рассказа, ни его темпа. Поэтому мне нужно будет сейчас же обдумать не только ближайшую статью, но и все дальнейшие; вот почему я и хотел побаловать себя антрактом, чтобы после их не делать. В-третьих, заглавие для книжки сегодня же сообщу Коварскому; мне представляется, что достаточно сказать «две речи», или «две лекции о Толстом»¹. Вот, кажется, все.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Книжка Маклакова вышла под названием «О Льве Толстом. Две речи» (Париж: Совр. записки, 1929).

28. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 22 июня 1929 г.

22 VI 1929. Villa Belvédère, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич, считаю своим редакторским долгом напомнить Вам, что к 1-му июля мы ждем Вашу статью. Я возвращаюсь в Париж 30-го — потому Вы можете прислать ее на мой парижский адрес (1, rue Chernoviz). Надеюсь еще застать Вас в Париже и, если позволите, повидать.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

29. Фондаминский — Маклакову

Paris. 3 августа 1929 г.

3 VIII 1929. 1, rue Chernoviz, Paris

Дорогой Василий Алексеевич, будьте добры сообщить мне, где Вы будете жить ближайшие 2–3 недели, — мне это надо знать для доставки Вам корректуры. Я позволил себе вычеркнуть в Вашей рукописи 2 слова («сомнительной ценности» четырехрядка) и заменить «учредилку» Учр[едительным] Собр[анием]! Но я не решился без Вашего разрешения вычеркнуть 2 фразы, редакции неприятные (1. о «правде Гершензона»¹; 2. что Столыпин делал *наше* дело²). Буду Вам признателен, если Вы сделаете это сами в корректуре — текст это не испортит.

Не забудьте Вашего обещания добыть воспоминания Шаляпина. Пишу «добыть», а не «попытаться», ибо твердо верю, что Вы это можете сделать. И редакция, и вся эмиграция будет Вам бесконечно благодарна.

Посылаю 1-ю рецензию — будут и другие.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы, философ и публицист, товарищ Маклакова по Московскому университету. Инициатор издания сборника «Вехи» (М., 1909). Фраза Гершензона из его статьи «Творческое самосознание» в «Вехах» — «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» — вызвала возмущение либерально-демократической общественности и была исключена из последующих изданий сборника. Фраза о «правде Гершензона» была Маклаковым исключена из текста, хотя смысл ее полностью сохранен: «Надо было воочию видеть, как может свалиться порядок, который накануне казался непобедимым, и надо было пережить то, что из этого вышло. Только такой ценой общество поняло, и то не совсем, что на свете чудес не бывает, что к свободе нужно воспитывать, что к ней надо привыкать постепенно; только после этого общество догадалось, что знаменитая фраза Гершензона в “Вехах”, на которую так искренно негодовали, о том, что ждет нашу интеллигенцию от народа, была не одним парадоксом» (Маклаков В. А. Из прошлого // СЗ. 1929. № 40. С. 316).

² Фрагмент о Столыпине, которого Маклаков считал конституционалистом, был напечатан в следующей редакции: «Я не раз говорил в Думе против Столыпина резкие слова осуждения и многих из них теперь назад бы не взял; в его действиях были ошибки, и скрывать их нет основания. Но мы недостаточно понимали мотивы Столыпина и трудности, с которыми ему приходилось бороться. Потому мы не уяснили себе того места, которое он займет в нашей истории, несмотря на общую неудачу всех нас. Ему суждено было пасть жертвой дела, которому мы же служили, и он имеет право на большую к себе справедливость» (Там же. С. 318–319).

30. Фондаминский — Маклакову *Paris. 23 августа 1929 г.*

23 VIII 1929.

Дорогой Василий Алексеевич, передайте Федору Ивановичу [Шаляпину], что я счастлив и буду с нетерпением ждать обещанного.

Корректуры Вашей еще нет — наборщики и корректоры уехали отдыхать... Получите в Париже. Препятствий и недоразумений больше не будет. Мы уже составили 41-ю книжку — она «построена» на Ваших «мемуарах». Разрешите в Париже повидать Вас — хочется подробнее узнать о разговоре с Федором Ивановичем.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

31. Фондаминский — Маклакову
Stosswihr. 19 сентября 1929 г.

19 IX 1929.

Дорогой Василий Алексеевич,
пожалуйста, не беспокойтесь из-за статьи — она набирается, и Вы получите корректуру (если уже ее не получили). Задержка из-за vacances — все гуляли. Книга выйдет не 1-го, а 5–10 окт[ября]. Сам я в Эльзасе — вернусь в субботу.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Ф.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). Почтовая открытка с видом горы Hohneck в Вогезах; адрес получателя: «M[onsieur]r Maclakoff, 5 rue Peguy (Nouvelle Stanislas), Paris»; почт. шт.: «Stosswihr, 18.9.29».

32. Фондаминский — Маклакову
Paris. 29 сентября 1929 г.

29 IX 1929. 1, rue Chernoviz, Paris

Дорогой Василий Алексеевич,
Игорь Платонович¹ был у Вас с нашего согласия — так что никаких недоразумений быть не может. Но я думаю, что сначала мне надо повидаться с Шаляпиным, а потом Игорю Платоновичу [так]. Потому очень прошу Вас устроить это свидание. Буду звонить Вам завтра, чтобы узнать, не надо ли нам предварительно повидаться. Искренне благодарю Вас за хлопоты. Должен сообщить Вам с огорчением, что к Вашей статье опять сделали примечание редакции о ее несогласии с Вашими взглядами... Надеюсь, что это в последний раз². 40-я книжка выходит 10 октября, а в конце октября нужна Ваша следующая статья.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Демидов Игорь Платонович (1873–1946), земский деятель, журналист, член ЦК партии кадетов, депутат IV Государственной Думы. С 1920 г. в эмиграции в Париже, член редакции и помощник редактора ПН.

² В редакционном примечании к публикации очередной порции маклаковских мемуаров говорилось: «Редакция “С[овременных] з[аписок]” не разделяет освещения исторических событий, данного В. А. Маклаковым. Предполагая еще не раз вернуться к вопросам об истоках русской революции, Редакция в ближайшей же книге рассчитывает дать на эту тему статью П. Н. Милокова» (СЗ. 1929. № 40. С. 291).

33. Фондаминский — Маклакову
Paris. 22 октября 1929 г.

22 X 1929.

Дорогой Василий Алексеевич,
1. Рукопись получил и прочел. Первые 20 стр. исключительно хороши; дальше, на

мой слух, слабее. Поверьте, что тут дело не в «тенденции»: тенденция на всех страницах одинакова. Но на первых 20 стр. Вы «показываете», а на остальных «доказываете». А для современного человека «показывание» куда убедительнее, чем «доказывание». Передал рукопись другим членам редакции — надеюсь, что возражений не будет.

2. «С[овременные] з[аписки]» Вам были посланы еще 18-го. Если Вы их не получили, пожалуйста, извините меня — немедленно будет выслано вторично.

3. Относительно отгисков, пожалуйста, напишите еще раз, когда будете исправлять корректуру.

Был сегодня у Шаляпина — нахожусь всецело под его обаянием. Надеюсь, что, в конце концов, воспоминания будут написаны и напечатаны в «С[овременных] з[аписках]»¹. Вас благодарю от всей души и надеюсь на Ваше дальнейшее содействие.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См.: *Шаляпин Ф. И.* Из книги воспоминаний // СЗ. 1932. № 48. С. 5–23; № 49. С. 5–38.

34. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 23 октября 1929 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 23-го октября 1929 г.

Дорогой Илья Исидорович,
я с большим вниманием воспринимаю Ваши критические замечания. Они иногда для меня неожиданны. Знаете ли, что я предполагал было выбросить первых 20 страниц, как менее интересных. После Вашего замечания постараюсь не сокращать повествовательных вставок. Но Ваши замечания все-таки обязывают меня еще раз поставить на вид возможные между нами несогласия.

Эпизодическая сторона воспоминаний может быть интереснее для читателя, но не для меня. Я ее включаю только, чтобы легче читалось и воспринималось; лично меня интересует другое. Мне хочется изложить связь событий, начиная с освободительного движения и кончая 17 годом. Чем более я об ней думаю, может быть потому, что об ней стал писать, тем яснее я чувствую, в чем эта связь. Если бы не желание ее высказать, я не стал бы писать. Ведь я не писатель. Я начал воспоминания издавека, потому что в моем представлении все события связаны очень тесно. Центр изложения — эпоха между 17 октября¹ и концом 1-й Думы; здесь были сделаны главные ошибки власти и правых. Но ошибки либерализма вытекли из того, что самодержавие сделало необходимым освободительное движение; а оно привило либерализму прием, от которого не отделались, когда его представители могли бы стать властью. Когда я читал фельетон Рысса², мне смешно, до какой степени он торопится в выводах; обо всем, о чем он говорит, я собираюсь и сам говорить в иных комбинациях.

Что мои воспоминания имеют определенную цель и тенденцию, ясно из предисловия. Вы правы, что лучше бы передать свои мысли «рассказом», не рассуждением. Но этого я не сумел бы: я не беллетрист. Мне поневоле приходится не только рассказывать, но и доказывать. Ваши замечания, всю силу которых я признаю, побуждают меня чаще отклоняться в область рассказа, но не могут заставить отказаться от рассуждения и анализа. Об этом я теперь говорю, потому что нам удобнее разойтись сейчас, чем после. Две статьи предисловия составляют все же нечто окончательное, и Рысс, по-видимому, думал, что этим работа моя завершается. Когда же от предисловия я перейду к мемуарам, более логически цельным, чем это Вы думаете, коверкать их или останавливать в середине будет труднее. Я готов буду всегда смягчать отдельные мысли и фразы, но не смогу менять весь свой план.

Скажу откровенно, что Ваше желание перевести меня на рельсы мемуариста-рассказчика я объясняю всего больше тем, что редакция моей тенденции не сочувствует. Ей легче переварить ее в форме рассказа. Если бы это, что я пишу, более соответствовало взглядам редакции, Вы бы не старались сбить меня с этой позиции. Это меня и пугает. Если Ваше замечание только «литературный» совет, в общем вполне справедливый, я бы охотно ему следовал, поскольку сумел бы. Но если в нем скрыто желание затушевать мою политическую линию, если я слишком напористую теперешнюю редакцию, то, пока не поздно, лучше остановитесь.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Имеется в виду Манифест императора Николая II от 17 октября 1905 г., в котором провозглашались гражданские свободы, созыв законодательной Государственной Думы и амнистия по делам о политических преступлениях.

² Рысс Петр Яковлевич (1870–1948), журналист, литератор, член партии кадетов; с 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1920 г. в Париже, соредатор журнала «Борьба за Россию» (1926–1931), печатался в «Возрождении» и ряде других эмигрантских изданий. Свой отзыв о № 40 СЗ целиком Рысс посвятил только двум материалам — воспоминаниям Маклакова и статье Степуна «Религиозный смысл революции»: *Рысс П.* О «Современных записках» // *Возрождение.* 1929. 22 окт. № 1603. С. 2.

35. Фондаминский — Маклакову *Paris. 30 октября 1929 г.*

30 X 1929. 1, rue Chernoviz, Paris.

Дорогой Василий Алексеевич, простите за запоздалый ответ — был занят докладами. Мои указания были чисто *литературного* характера. Вот чем они вызваны:

1. Готовясь к статье об Империи¹, я прочел больше полсотни «воспоминаний». Все «воспоминания», построенные на рассуждениях и доказательствах, показались нестерпимо *скучными*. Они не выдержали испытания *времени*: что тогда казалось (а часто совсем недавно — 30–40 лет назад) убедительным и доказательным, теперь кажется неинтересным и скучным. Зато «изображения» живут и убеждают с какой-то *принудительной* силой. И вовсе не талантливо-художественные — таких почти нет — а только правдивые людей живых и зрячих.

2. Наша эпоха не любит рассуждений и логических доказательств — она «эмоционально-зрительная». Убеждает только то, что *показано* — доказательства кажутся скучными, метод устарелым. Почему имеют такой успех Моруа², Людвиг³, почему применяют «феноменологический» метод все новейшие историки (см. статью Степуна в № 40⁴), почему даже в философии «феноменология» господствует — все потому же: это стиль эпохи, современная душа так «настроена». Сам я давно это почувствовал — потому свои «Пути России», цель которых, разумеется, общественно-политическая, я строю на «показании» — выводы сами явятся. Так же построена блестящая статья Федотова в № 39⁵.

3. Многие Ваши *поклонники* неоднократно выражали сожаление, что Вы увлекаетесь доказательством Вашего тезиса и выступаете в роли «прокурора» или «защитника» — роль «свидетеля» кажется много выгоднее и убедительнее.

Вот мотивы, которые побудили меня поделиться с Вами несколькими соображениями по поводу Ваших статей. Я искренне был восхищен Вашими первыми 20 стр. и убежден, что, если бы Вы больше пошли по этой линии, Ваши «воспоминания» получили бы не только злободневный интерес, но выдержали бы длительное испытание времени и укрепили бы Вашу «тенденцию». Куда прочнее, чем десятки цитат и доказательств. Разумеется, Вы не беллетрист, но у Вас *первоклассный* литературный талант большой изобразительности и силы. Если бы Вы не ограничивали его логически-рассудочным ригоризмом, он дал бы исключительно яркое цветение. Практически — я очень убеждаю Вас, не отказываясь от рассуждений и анализа, давать больше «показаний» — тенденция из этого только выиграет, а все произведение поднимется на большую высоту. все это, дорогой Василий Алексеевич, в порядке дружеского личного совета. Как я Вам неоднократно писал, вопрос о печатании давно бесповоротно решен и больше не поднимается. Редакция будет защищаться от Вашей «тенденции», давая свои статьи и предоставляя место другим тенденциям (Милокову, Керенскому).

Разрешите осведомиться о Ваших дальнейших планах. Будет ли готова Ваша следующая статья к 42 номеру? № 41 выйдет к началу января, так что статья нужна будет к концу января — не позже. Примите во внимание, что мы хотим пропустить в одном из ближайших номеров Ваши воспоминания — благодаря ряду «серий» — Ваши воспоминания, «Державин» Ходасевича⁶ и др.) у нас образовался такой затор, что необходимо что-то сделать, чтобы разгрузить портфель редакции. Подумайте, когда Вам удобно — по ходу рассказа — сделать перерыв. Нам было бы удобно сделать это в 43 номере. Если же Вам удобнее дать следующие 2–3 статьи подряд, тогда лучше пропустите 42-й номер. Мне показалось, что следующая Ваша статья непосредственно примыкает к той, которую Вы дали, и потому лучше в 42-м номере не пропускать. Поступите, как найдете лучше. Ваша статья уже сдана в набор, и Вы скоро получите корректуру. «Тенденция» ее не показалась столь опасной редакции, и потому, слава Богу, никаких примечаний редакции не будет.

Очень прошу Вас не смущаться «трудностями», связанными с Вашей работой, — все большое трудно. Зато когда работа будет закончена, напечатана и издана отдельной книгой, все будут благодарны не только Вам — строителю, но и мне — «антрепренеру».

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о цикле статей И. И. Фондаминского «Пути России». Начиная с 48-й книги СЗ (1932) статьи печатались с подзаголовком «Империя».

² Моруа Андре (André Maurois, наст. имя Эмиль Эрзог, Emil Herzog; 1885–1967), французский писатель, автор многочисленных романизированных биографий.

³ Людвиг Эмиль (Emil Ludwig; 1881–1948), немецкий писатель, автор многочисленных романов-биографий.

⁴ См.: *Стетун Ф. А.* Религиозный смысл революции // СЗ. 1929. № 40. С. 427–460.

⁵ См.: *Федотов Г. П.* Революция идет // СЗ. 1929. № 39. С. 306–359.

⁶ Биографический роман В. Ф. Ходасевича «Державин» был напечатан в № 39–43 СЗ.

36. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 31 октября 1929 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 31-го октября 1929 г.

Дорогой ~~Всеволод Викторович~~ Илья Исидорович,
прежде всего по деловому вопросу.

Я мог бы Вам дать статьи и для 41-го и для 42-го номера, но если Вы хотите пропустить один номер, то лучше пропускайте 42-й. Как Вы правильно заметили, следующая статья будет очень тесно связана с предыдущей и разделять их антрактами очень неудобно; поэтому будем считать, что в январе я Вам доставлю статью для 41-го номера. Она у меня почти готова, она вышла только слишком длинна, и я собирался ее сократить, выпустив как раз эпизодический элемент, связанный с моей адвокатской деятельностью. Постараюсь сделать это иначе, но так или иначе статью Вы получите. Позвольте тут же обратиться с одной просьбой: когда Вы мне пришлете корректуру 41-го номера, пришлите ее в двух экземплярах; Вас это не затруднит, мне так удобней корректировать; затем возобновляю свою просьбу и по Вашему указанию поставлю это на корректуре, о лишних оттисках. Мне прислали только 5 оттисков последней статьи, это уже чересчур мало, и с этим обойтись я не могу.

Теперь несколько слов по существу Вашего письма. Как литературный совет я его принимаю, тем более что признаю, что Вы правы; для современников интересно читать рассказы; как читатель я сам себя на этом ловлю и очень рад, когда в статье есть короткие строчки, т. е. разговоры. Я согласен в том, что и для потомков интересней будут факты, чем рассуждения и доказательства. В этом Вы правы с обеих сторон. У меня только два возражения, оба личного характера: 1) что это не мой жанр, я не повествователь; а второе и самое главное, что я в значительной мере пишу не для читателей, а для себя самого; надеюсь, Вы не перетолкуете моих слов и сумеете их понять. Я не чувствую особенной потребности просвещать и тем более забавлять других; если меня заинтересовали писания, то только потому что в них есть элемент исповеди, опять-таки не в специфическом смысле этого слова; когда я писал свое Предисловие к французскому переводу Муравьевских протоколов¹, я хорошо понимал, что французам это неинтересно и ненужно; я не имел и никакого материального интереса писать шесть листов, ибо получил за свое Предисловие а форфэ². Но мне было приятно, что моя точка зрения и понимание и событий

и нашей общей деятельности где-то оказалось изложенной, хотя и вкратце. Ведь это все варианты на одну и ту же вечную тему: «и пусть у гробового входа» и т. д. То, что я теперь делаю, то же самое, только это не коротенький очерк для ничего не понимающих людей, а рассказ о том, что многие знают и с чем очень многие будут несогласны. Может быть, и это дело можно было бы сделать в порядке повествования; но тогда по необходимости пришлось бы все время говорить о себе, о своих личных переживаниях, сомнениях и т. д. Это мне органически противно, даже в других, тем более в себе; нечто подобное отчасти я сделал, как я Вам говорил, в воспоминаниях о студенчестве, часть из них, где опять-таки от себя я почти не говорю, Вы прочтете в сборнике³, если он выйдет, но все остальные воспоминания я готовлю исключительно для посмертного издания.

Тем не менее, по мере того как я буду приближаться к позднему времени, элемент повествовательный будет расти; не только потому что я лично больше видел и больше делал, но потому что самый темп рассказа будет замедляться. Когда я в двух-трех книжках хочу охватить все освободительное движение, для повествовательных эпизодов времени и места не остается. Тут поневоле нужнее рассуждать и анализировать, т. е. преподносить читателям собственные выводы. Все это я Вам говорю в порядке оправдания, но постараюсь с Вашим замечанием серьезно считаться.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь об обширном предисловии Маклакова к публикации в переводе на французский язык извлечений из материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота. Комиссия работала с марта по октябрь 1917 г. Ее председателем был известный московский адвокат Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Материалы деятельности комиссии опубликованы в кн.: Падение царского режима. Л.: М., 1924–1927. Т. 1–7. Извлечения были опубликованы по-французски в одном томе. См.: *La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la cour impériale russe par la Commission du Gouvernement Provisoire de 1917/Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927.*

² forfait (франц.) — в данном случае — заранее обусловленный гонорар.

³ См.: *Маклаков В. Отрывки из воспоминаний // Московский университет, 1755–1930: Юбилейный сборник/Парижский и Пражский комитеты по ознаменованию 175-летия Московского университета; Под ред. В. Б. Ельяшевича, А. А. Кизеветера и М. М. Новикова. Париж: Совр. записки, 1930. С. 294–318.*

37. Фондаминский — Маклакову

Paris. 23 января 1930 г.

23 I 1930.

Дорогой Василий Алексеевич,
я уезжаю за юг 2–3 февраля, а мне хочется провести Вашу статью в редакции до отъезда. Потому, если можете, пришлите мне Вашу статью поскорее. Если не можете — большого значения это не имеет. Во всяком случае пришлите ее мне.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Macklakoff, 5, rue Peguy (Nouvelle Stanislas), Paris»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI».

38. Фондаминский — Маклакову *Grasse. 6 февраля 1930 г.*

6 II 1930.

Дорогой Василий Алексеевич,
перед отъездом пробовал звонить Вам, но неудачно. Хотел: 1) спросить у Вас, что Вы мне писали в письме, — 10 лиц пытались разобрать, но напрасно¹; 2) хотел сообщить Вам, что Ваша статья уже сдана в набор, но что, по всей вероятности, нам придется разбить ее *на две книжки*, ибо в ней оказалось 50 печатных страниц — книжка столько не вместит, ибо в ней много материала, к[о]т[о]р[ый] мы отложить не можем. Вы от этого не пострадаете, ибо все равно мы хотели пропустить Вас в 43-й кн., а так будем печатать без перерыва.

Адрес Бунина (Вы спрашивали у Вишняка) — 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI.
Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Macklakoff, 5, rue Peguy (Nouvelle Stanislas), Paris»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa Belvédère, Grasse»; почт. шт.: «Grasse, 7.II.30».

¹ Почерк Маклакова отличался исключительной неразборчивостью.

39. Фондаминский — Маклакову *Grasse. 13 июня 1930 г.*

13 VI 1930. Villa Beau-Site, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,
позвольте Вам напомнить, что 10-го июля выходит № 43 «С[овременных] з[аписок]» и что время подумать о следующем номере. Готова ли у Вас следующая глава «Из прошлого» и, если нет, когда Вы думаете ее закончить? Сдавать в набор надо в конце июля или в начале августа, но, если рукопись готова, лучше ее иметь в портфеле редакции, как только будет закончен набор этой книжки (в начале июля). Просьба редакции — чтобы глава была не больше 2 листов (чтобы не пришлось ее разбивать, как в последний раз). Рукопись, пожалуйста, пришлите мне: до 5-го июля в Грасс, после 5-го июля в Париж.

Буду Вам благодарен, если Вы сообщите мне о состоянии рукописи и еще более благодарен, если Ваше письмо Вы напишете на к[аком-н]и[ибудь] европейском диалекте — одно Ваше письмо так и осталось нерасшифрованным¹.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См. примеч. 1 к п. 38.

40. Фондаминский — Маклакову
Paris. 17 августа 1930 г.

17 VIII 1930

Дорогой Василий Алексеевич,
считаю своим долгом Вас известить, что Ваша статья опять разбита на две части — в ней оказалось около 50 печ[атных] страниц¹. Так что следующая статья нам нужна будет к январю. Корректуру Вы скоро получите.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Maklakoff, 5, rue Peguy (Nouvelle Stanislas), Paris»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 18.VIII.1930».

¹ См.: *Маклаков В. А.* Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. VIII–IX] // СЗ. 1930. № 43. С. 288–310; *Он же.* Из прошлого: [Освободительное движение. Гл. X–XI] // Там же. № 44. С. 423–447.

41. Фондаминский — Маклакову
Grasse. 19 января 1931 г.

19 I 1931. Villa Beau-Site, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,
редакция просит меня известить Вас, что Ваша статья не пойдет в этом номере, и искренне извинить ее перед Вами за это. Произошло это случайно и непредвиденно. У нас накопилось много материала, который мы больше откладывать не могли. Неожиданно пришлось напечатать большой отрывок воспоминаний Александры Львовны Толстой (мы обязаны закончить печатание в определенный срок); Алданов тоже дал громадный отрывок, который мы отложить не могли, ибо обязаны в следующей книге закончить роман¹ (по договору с издателем). Пришлось в последнюю минуту спешно сократить уже сверстанный номер. Пострадали Сирин² (у которого сняли половину) и Вы. Сознаюсь откровенно, что сделали мы это потому, что Сирина и Вас печатаем без перерыва много книжек и давно не «обижали». Другие уже обижены до смерти. Со мной говорили по телефону и я, с болью в сердце, взял на себя ответственность и обещание извиниться перед Вами и постараться убедить Вас не сердиться на нас. Что я и делаю. Очень прошу, дорогой Василий Алексеевич, действительно не поставьте нам это обстоятельство в вину — положение редакции очень трудное. Обещаю Вам, что статья эта будет напечатана в следующем номере и что такие неожиданности больше не повторятся. Если нам понадобится еще когда-нибудь пропустить Вашу статью, мы об этом с Вами предварительно сговоримся.

Марк Вениаминович [Вишняк] пишет мне, что беседовал с Вами по поводу Ваших статей и что Вы считаете возможным ограничиться еще тремя статьями. Я Вас очень убеждаю этого не делать. Обязательно доведите их до конца — вторично Вы вряд ли за них возьметесь. Не обращайтесь внимания, что в журнале печатание

затягивается, — важно, чтобы они были напечатаны целиком в отдельном издании. Во время съезда ученых в Софии³ я беседовал со многими профессорами о журнале — Ваши статьи читают с громадным интересом.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о 45-й книге СЗ, в которой начали печататься воспоминания дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны Толстой (1884–1979) (*Толстая А. Л.* Из воспоминаний // СЗ. 1931. № 45. С. 5–54) и был опубликован обширный фрагмент романа М. А. Алданова «Бегство» (Там же. С. 55–148).

² См.: *Сирин В. [Набоков В. В.] Подвиг: (Роман): [Гл. I–IX]* // Там же. С. 149–185.

³ Имеется в виду V съезд Русских академических организаций за границей (София, 14–21 сентября 1930 г.).

42. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 23 января 1931 г.

В. А. Маклаков

Париж, 23-го января 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович,

как общее положение я очень равнодушен к таким сюрпризам; даже вообще к перспективе неожиданно прекратить свои «Воспоминания». Но признаюсь Вам, что именно в данном случае мне это неприятно, и по двум причинам.

Первая, что вообще я не был уже доволен, что Вы мою последнюю статью разбили на две половины¹; она по содержанию представляла нечто цельное. Вы мне писали, или говорили тогда, что Вам придется пропустить один номер, против этого я не возражал; потом вместо этого Вы разбили ее на две части; это было хуже, но я понимаю, что с такими неожиданностями приходится мириться и опять-таки ни одного слова не сказал. Но когда теперь эти две половины Вы ставите на расстоянии полугоду, то с точки зрения авторской мне это очень неприятно. Вообще давать статьи четыре раза в год, когда эти статьи должны представить нечто целое, не очень удобно; слишком понятно, что читатель в памяти их не держит, потому мне приходится начинать каким-то резюме предыдущей, чтобы придать ей отчасти самостоятельный характер. Несомненно, что, если бы Вы действительно захотели потом их печатать отдельной книжкой, в целой книжке такая система имеет большие недостатки, чтобы не сказать, что эта система устраняет возможность печатания одной книжки. Но как раз последнюю статью, написанную для появления сразу, Вы произвольно разбили на две части, и я не мог придать ей той закругленности, которую обыкновенно делал. И вот именно эту статью Вы печатаете с пропуском одной книжки. Это первое, что мне неприятно.

Второе, пожалуй, касается больше Вас, чем меня. Я не предreshаю вопроса, буду ли я вести свои мемуары до самой своей смерти, но, как я говорил Вишняку, я уже ясно вижу, как их довожу до 17-го октября, т. е. до конца Освободительного Движения; это я думал делать в трех статьях, но допускаю, что выйдет четыре.

Первая статья, которую я Вам думаю сдать, о 1-й половине деятельности Витте², т. е. о сельскохозяйственных комитетах³, по-моему, должна была быть для Ваших читателей гораздо интересней, чем предыдущая, и, как это со мной иногда бывает, я хотел не откладывая весь этот цикл закончить. У меня уже готова и вторая статья, о Плеве⁴, и почти обдуманы статьи о Святополк-Мирском⁵ и Булыгине⁶. И вот, не скрою от Вас, что та отсрочка, которую Вы мне даете, психологически не остается без последствий. Раз все это отодвинулось, при этом так, что некоторые статьи уже перешли в 32-й год, заниматься ими сейчас мне неохота. Словом, Вы меня выбили из рельс и из настроения, и я не поручусь, что к нему вернусь.

Ну, а за всем тем, отлично понимаю, что журналу иногда приходится делать то, что Вы сделали, и не может быть речи о том, чтобы я сердился, но, как Столыпин говорил, «в политике нет мести, но есть последствия».

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См. примеч. 1 к п. 40.

² Витте Сергей Юльевич, гр. (1849–1915), российский государственный деятель: министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), в октябре 1905 г. — апреле 1906 г. — председатель Совета министров.

³ Речь идет об *Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности*, учрежденном 22 января 1902 г. «для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с ней отраслей народного труда», по инициативе и под председательством министра финансов С. Ю. Витте, в составе министров земледелия и государственных имуществ и внутренних дел и других лиц по Высочайшему назначению. Председателю совещания было предоставлено право приглашать посторонних лиц с совещательным голосом. Местные комитеты совещания (82 губернских и областных и 536 уездных и окружных) высказались за добровольный переход крестьян от общинного владения землей к подворному. Особое совещание представляло собой по сути первый в истории России XX в. опыт привлечения общественности к обсуждению государственных нужд. 30 марта 1905 г. царским указом Совещание, еще не закончившее своих трудов, было неожиданно упразднено.

⁴ Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель, министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов в 1902–1904 гг.

⁵ Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, кн. (1857–1914), государственный деятель, генерал-адъютант, с 1913 г. полный генерал от кавалерии, министр внутренних дел в августе 1904 г. — январе 1905 г.

⁶ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919), государственный деятель, министр внутренних дел в январе–октябре 1905 г.

43. Маклаков — Вишняку

Б. м. 22 февраля 1931 г.

22 Ф.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Я обеспокоен Вашим письмом; никаких оттисков я не получал, следовательно, если они посланы уже несколько дней назад, то, очевидно, не дойдут. Так не до-

шла до меня и сверстанная корректура, о к[о]т[орой] я просил: уж не спутали ли Вы моего адреса!

Но как быть теперь? Вы говорите, что будете думать, «как пособить горю»? На что Вы намекаете? Ведь не будете же Вы резать готовые книжки или вновь печатать? Что же Вы можете сделать? Я готов помириться с малым числом; но некоторое количество мне положительно необходимо. Да впрочем, это, кажет[ся], право автора.

Теперь другой вопрос. Очере[дн]ая статья у меня готова, и я мог бы сдать ее, когда захотите. Но я предпочитаю, чтобы она была у меня, чем зря лежала в типографии. Там она абсолютно бесполезна, а я могу еще ее почитать и сократить. Если Вы не собирались ее печатать в ближайшей книжке, то нет смысла Вам ее присылать. Я даже жалею, что Вы не сказали мне этого раньше: я бы не торопился. Но только не слишком ли мы растягиваем, особенно если у Вас в году выходит 3, а не 4 книжки: у меня 2 статьи до 17 окт[ября]: от 17 окт[ября] до созыва 1-й Думы будет тоже две статьи. Дальше я еще ничего не подготавливаю; но если бы писать, я бы написал [по] 2 статьи на 1-ю и 2 статьи на вторую Думу. А там 3 июня — и конец. А если б Вы выпускал[и] книжку, я несколько статей из начала бы выкинул вообще: поэтому я и прое[к]тирую[?], отрезав начало, продлить конец, но для этого не нужно слишком тянуть.

Скажите лишь, каковы Ваши намерения, как в старину мамыши говорили жехникам?

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию. Запись на полях: «7 ст[атьей] 8 + кон[ечу]?» и подчеркивания в тексте, кроме слов «до 17 октября», предположительно рукой Вишняка.

44. Маклаков — Фондаминскому Paris. 1 мая 1931 г.

В. А. Маклаков

Париж, 1 мая 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович, был бы очень рад, если бы Вы мне объяснили, что происходит. Следующая книжка в апреле не вышла, и никаких анонсов об ней нет¹. Мне не хочется об этом спрашивать Вишняка, так как не имею ни малейшего желания настаивать на продолжении своих мемуаров и боюсь, что эти вопросы он может смешать с личным интересом. Но потому Вас я прошу сказать мне с полной откровенностью: что у Вас происходит. С другой стороны у меня уже кое-что заготовлено, и если по каким-нибудь причинам мне приходится разойтись с «Современными записками», то я пока попытаюсь устроить их иначе. Вот что у меня готово:

Вите для двух книжек; в первой книжке общая характеристика его личности и его политической позиции; во второй же история сельскохозяйственных комитетов; в этой второй книжке я попутно говорю о Сипягине² и Беседе³ и наконец о том сельскохозяйственном комитете, в котором я участвовал.

В третьей книжке я говорю о Святополке-Мирском, указе 12 декабря и о роли Витте в этом указе⁴.

В четвертой — эпоха начиная с 18 февраля 1905 г. и кончая 17 октябрём⁵.

Указываю Вам здесь только хронологические грани, но все эти четыре главы связаны одной мыслью, вполне соответствующей тому, что я писал в ранних статьях. На этом я думаю кончить; если я кончу на этом, то вся совокупность статей может иметь один заголовок: «Освободительное движение». Если же был бы смысл продолжать, то есть еще три главы, которые бы я охотно написал; эпоха I-го Виттевского министерства, до созыва I-й Думы, время I-й Думы и затем междудумие и II-я Дума до 3-го июня⁶. Здесь опять кладется резкая грань событиям; с этого момента можно считать первую революцию конченной. Продолжать дальше значило бы говорить уже не о революционной, а о конституционной России — до второй революции; по тому темпу, по которому идут мои воспоминания, это, очевидно, уже вышло бы за пределы человеческой жизни, и если только Вы бы хотели печатать отдельную книжку, то первый том воспоминаний можно было бы на этом закончить.

Теперь буду ждать, что Вы мне скажете о Ваших намерениях.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Подразумевается 46-я книга СЗ, вышедшая из печати 20 мая 1931 г. См.: Маклаков В. А. Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. XII–XIV] // СЗ. 1931. № 46. С. 263–286.

² Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), государственный деятель, управляющий Министерством внутренних дел с 1899 г., министр в 1900–1902 гг.

³ «Беседа» — кружок либерально настроенных земских деятелей (1899–1905). Маклаков был секретарем кружка с 1904 г. См.: Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009.

⁴ 12 декабря 1904 г. был издан царский указ «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка», обещавший расширение прав земств, страхование рабочих, эмансипацию инородцев и иноверцев, устранение цензуры. Указ был опубликован без первоначально имевшегося в проекте пункта о представительстве (часть членов Государственного совета предполагалось избирать), но с твердым заявлением о «незыблемости основных законов империи». Пункт о представительстве был исключен из указа по настоянию С. Ю. Витте.

⁵ 18 февраля 1905 г. был выпущен Высочайший рескрипт на имя А. Г. Булыгина. В рескрипте говорилось об учреждении под председательством Булыгина Особого совещания для обсуждения выраженной в рескрипте монаршей воли «*привлечь достойнейших доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений*». Таким образом, речь шла о созыве законосовещательной Государственной Думы (прозванной «Булыгинской думой»). Булыгинская Дума так и не была созвана, ибо развитие революционных событий вынудило императора Николая II пойти на созыв законодательной думы, что было провозглашено в Манифесте 17 октября 1905 г.

⁶ С. Ю. Витте возглавлял Совет министров с октября 1905 по апрель 1906 г. Государственная Дума первого созыва начала свою работу 27 апреля 1906 г., была распущена царским указом 8 июля 1906 г. Государственная Дума второго созыва функционировала с 20 февраля по 2 июня 1907 г. и была распущена императором 3 июня 1907 г. Одновременно был изменен избирательный закон. Новый избирательный закон обеспечил существенное преимущество «цензовым элементам» и де-факто гарантировал в Думе большинство сторонникам правительства.

45. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 5 мая 1931 г.

5 V 1931.

Villa Beau-Site, Grasse (A[Ipes-]M[aritime])

Дорогой Василий Алексеевич,
я не ответил Вам на первое письмо, ибо по горькому опыту знаю, что писать автору, статья которого не пошла в вышедшем номере, так же бессмысленно, как пытаться объяснить женщине, которая Вам призналась в любви, почему Вы ее отвергаете. На самом же деле ровно ничего не произошло: 46-я книжка выйдет в середине мая — мы отодвинули ее на две недели, чтобы не выпускать следующую книгу в глухое летнее время (47-я выйдет 1-го сент [ября], а дальше пойдет все аккуратно). Ваша статья появится в этой книжке¹, и мы ждем дальнейших статей для следующих книг. Самое лучшее, если Вы пришлете *мне*, что у Вас уже готово. Разумеется, если написанное Вам нужно, пришлите только 1-ю статью. В печать сдавать надо будет в конце мая. Разумеется, я хочу, чтобы Вы написали и следующие три главы — боюсь только Вас сейчас к этому побуждать, ибо печатать их придется только через год. Книгу обязательно выпустим² (набор сохраняется). Надеюсь, что она себя окупит — в крайнем случае придется достать маленькую сумму (книга Ростовцева³ издана очень удачно — не хватило всего 1000 фр.).

Наше издательство процветает — уже выпустили 25 книг, а готовим к печати еще десятки. Надеюсь скоро встретиться с Вами в Париже (в половине июня) — тогда обо всем подробно переговорим.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См.: *Маклаков В. А.* Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. XV] // СЗ. 1931. № 47. С. 322–351.

² Отдельной книгой воспоминания Маклакова в издательстве «Современные записки» изданы не были.

³ См.: *Ростовцев М. И.* О Ближнем Востоке. Париж: Совр. записки, 1931. Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), историк Античности и археолог, публицист; профессор Петербургского университета, академик (1917). С 1918 г. в эмиграции, сначала в Англии, с 1920 г. в США. Профессор Висконсинского университета (Мэдисон) в 1920–1925 гг., профессор Йельского университета в 1925–1944 гг.

46. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 19 мая 1931 г.

В. А. Маклаков

Париж, 19-го мая 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович,
из Ваших писем я не совсем понял, куда мне нужно было послать рукопись¹; но во всяком случае посылаю ее в Грасс, так как, вероятно, ее перешлют. Но вот в чем

дело: если Вы не покинули намерения печатать статьи отдельной книжкой, то нужно думать о конце и не слишком дело затягивать; правда, если возможно кое-что выкинуть из прежнего текста, а мне кажется, что это можно, раз Ваши издания изменяют самый формат, то я это очень охотно бы сделал с предыдущими статьями, которые слишком отражают на себе следы того, что они писались с трехмесячными антрактами. Но на будущее время нужно было бы спешить; до 17 октября у меня выйдет максимум 4 статьи, включая эту; было бы правильней для цельности прибавить еще одну до I-й Думы; и если будет время и охота, то прибавить еще две: о I-й и II-й Думе; в этой последней статье я помешу не только нигде подробно не рассказанный эпизод нашего свидания с Столыпным в ночь роспуска², но еще и то, что только с роспуском II-й Думы совершенно закончился период, называемый «революционным». Все это я пишу к тому, чтобы сказать, что нежелательно слишком затягивать печатанье, пропускать книжки и даже резать статьи надвое. Если та статья, которую я Вам посылаю, показалась бы Вам велика, то я предпочту выбросить из нее 10 страниц, от 33-й до 42-й; их можно выкинуть без ущерба для цельности; но мне кажется, что с точки зрения рядового читателя это будет невыгодно. Вообще должен Вас предупредить, что начиная с этой статьи вся моя манера несколько меняется; раньше я слишком топтался на месте, потому теперь и готов был бы некоторые главы целиком выпустить.

Но признаюсь, одного я не понимаю: в какие же месяцы теперь будут выходить Ваши книжки и будет ли по-прежнему 4 в год.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См. примеч. 1 к п. 45.

² См. примеч. 2 к п. 22.

47. Фондаминский — Маклакову *Grasse. 31 мая 1931 г.*

31 V 1931. Villa Beau-Site, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,

Ваша статья¹ исключительно удачно-блестяща. Но, по совести, я бы выкинул предлагаемые Вами 10 стр. — от 33 до 42-й — они нарушают цельность и почему-то менее яркие, чем остальные. Говорю это искренне, а не думая о размерах статьи. Позвольте условиться так: я попрошу редакцию печатать ее целиком, а если по размерам это будет невозможно, выкинуть 10 стр. Разумеется, если Вы не предпочтете, вне зависимости от размеров, самому эти страницы снять.

Как я вам писал уже, я обязательно хочу, чтобы Вы дали все предполагаемые статьи. Постараюсь, чтобы пропусков больше не было и чтобы статьи не делились. Но для этого Вы должны давать статьи в 25 *печатных* страниц, максимум в 30. А если статья окажется больше, разрешить, как в этой статье, выбрасывать несколько страниц. В крайнем случае, при выпуске отдельным изданием можно будет их добрать — это вопрос нескольких сот франков. Следующая книжка выйдет в начале сентября, и дальше книжки будут выходить регулярно каждые три месяца (4 раза в год).

Характеристика Витте показалась мне не только блестящей, но и верной — я его тоже высоко ставлю (но не Столыпина!).

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См. примеч. 1 к п. 45.

48. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 4 июня 1931 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 4 июня 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович,
совершенно с Вами согласен, что указанные 10 страниц нарушают цельность и что в этом месте они не к чему; мое оправдание, что вообще цельность у меня довольно условная и когда печатанье приходит раз в четыре месяца и то не постоянно, то о цельности общего впечатления думать не приходится; в нормальных условиях правильнее было бы говорить о том, что находится в этих страницах, в соответственном месте; но соответственного места у меня не будет, так как в будущем рассказ сложится иначе, и потому я думал приурочить их к той главе, где личность Витте является как будто бы центром. Тем не менее, особенно раз они и не так интересны, я эти страницы охотно выпущу; не стоит их и набирать, тем более что их трудно выбросить механически; обнаружится некоторая неувязка. Я предлагаю Вам прислать их мне, а я вместо этих 10 страниц напишу одну или две других.

После этой операции статья очевидно выйдет не слишком длинна; но на будущее время я все-таки буду считать как норму 30 страниц; мне трудно, как всякому человеку, который больше говорил, чем писал, придавать своим статьям нужную краткость.

Но из всех Ваших разъяснений я все-таки не понял: каким же образом в 31-м году у Вас выйдут 4 книжки. В сентябре выйдет третья; думаете ли Вы выпустить четвертую в декабре; или за 31-й год ограничитесь тремя, но тогда абоненты могут требовать деньги назад. Итак, присылайте мне мои 10 страниц и поскорее, чтобы я мог все исправить до своего отъезда на каникулы.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

49. Фондаминский — Маклакову *Grasse. 11 июня 1931 г.*

11 VI 1931. Villa Beau-Site, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,
посылаю нужные Вам страницы. Т. к. 20-го я буду уже в Париже, то верните их мне туда (1, rue Chernoviz). Мы выходим не раз в 4 месяца, а раз в 3. Потому 47-я

кн. выйдет в начале сентября, а 48-я в начале декабря — в 1931 г. выйдут 4 книги (1-я — конец января; 2-я — 20-го мая; 3-я — 1-10-го сентября; 4-я — 1-10-го декабря).

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

50. Маклаков — Вишняку

Vichy. 2 июля [?] 1931 г.

2 и[юля?]

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
[3 нрзб] прочел[?] роман[?], и [4 нрзб]. Я сам непременно Вам желал бы послать. Но у меня нет ни книг, ни того нужного[?] материала (уже написанного) — без к[о]т[орого] рецен[зию] писать неприлично. В частности, ни переписки, ни всего того, что использовал как материал в ответ [нрзб]. Поэтому обойдет[есь] без меня. В лесу это к 15 авг[уста] невозможно. Я и вернусь в Париж только к концу августа и буду тогда сразу завален срочной работой. Корректуру «С[овременных] з[аписок]» мне перешлют сюда, а если он выйдет до *10 авг[уста]*, то посылайте *сюда*. После 10 я поеду делать [нрзб], но не знаю, куда.

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Год установлен по содержанию следующего письма. Письмо на бланке: «Hotel Plaza, Hotel des Princes, Sur le parc, Vichy». Письмо сильно повреждено влажностью.

51. Маклаков — Вишняку

Paris. 6 октября 1931 г.

В. А. Маклаков

Париж, 6 октября 1931 г.

Многоуважаемый Марк Веньяминович,
чек на 417 фр. получил; если нужно, пришлю особую расписку.

Но вот что главное: не в первый раз я страдаю из-за своего почерка; Ваше письмо о рецензии я получил уже в Виши, где никаких книг у меня не было; и так как там был назначен срок, и очень краткий, а я не предполагал, что книга выйдет не в августе, а в октябре, то мне пришлось отказаться от этой рецензии; если письмо у Вас сохранилось и Вы дадите его прочесть кому-нибудь, кто лучше разбирает почерка, то Вы увидите, что я вовсе не откладывал поручения до возвращения в Париж, но только Вас уведомлял, что раньше этого возвращения я не мог бы Вашей просьбы исполнить; на это я ожидал или Вашего согласия отсрочить рецензию, либо взятия назад сделанного мне предложения, раз в той форме, в которой я его ~~делал~~ получил, я исполнить его не мог. Вы мне ничего не ответили, ни Руднев, который прислал мне корректуру;

я, конечно, не имел никакого права принимать это молчание за перенесение рецензии в другую книжку, а думал, что Вы ее отдали кому-то другому; поэтому я ничего не делал и, хотя живу здесь в Париже уже больше месяца, даже и не пытался об этом предмете подумать. Вот почему у меня ничего готового нет; и хотя я не знаю, когда крайний срок представления новых рукописей, но так [как] Вам предстоит еще выходить в 31 г., то, следовательно, этот срок не может быть далек; между тем мое свободное время уже прошло, у меня много других срочных дел, и написать что-нибудь для 48-й книжки я не берусь¹. Очень жалею об этом недоразумении, потому что Вам было нетрудно, не поняв моего письма, спросить меня о том, *что* я написал, или, по крайней мере, уведомить меня, *как* Вы его поняли, а не просто молчать². Но сейчас я нахожусь в совершенно том же положении, как и раньше: к *этой* книжке я ничего написать не могу; если хотите к следующей, тогда другое дело.

Вас. Маклаков

P. S. У меня есть против Вас другая претензия, о которой я говорил Фондаминскому [так!]. Вас — не Вас лично, а журнала³.

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Никаких рецензий Маклакова в СЗ в ближайшие годы не появилось.

² Это предложение отчеркнуто на полях и отмечено восклицательным знаком, предположительно рукой Вишняка.

³ Отчеркнуто на полях и отмечено знаком вопроса, предположительно рукой Вишняка.

52. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 6 октября 1931 г.

В. А. Маклаков

Париж, 6 октября 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович,
как было условлено, посылаю Вам рукопись¹; она не длиннее предыдущей, в которой оказалось менее двух листов.

Сейчас я писал Вишняку и сказал, что я Вам говорил об одной моей претензии; на всякий случай, чтобы Вы ее не перепутали, повторяю ее. Я оставляю за Вами полное право указывать мне либо необходимость сокращений в статье, либо желательность выпустить ту или другую неприятную Вам фразу; Вы сами знаете, что я всегда сообразовался с Вашими желаниями, а однажды целую статью выпустил. Такой тактики я готов держаться и впредь; но я совершенно не допускаю, чтобы Вы делали сокращения без моего ведома; для меня и сейчас неясно, в какой момент была выпущена та фраза, которая не согласовалась с правоверным отношением к Столыпину; в ней всего были три строчки, и она только повторяла то, что я уже однажды сказал; если она была выпущена уже в гранках и я этого выпуска не заметил, то, конечно, Вы можете говорить, что я сам виноват; но именно поэтому я буду Вас просить уже раз навсегда присылать мне с первыми гранками и самую рукопись, чего Вы никогда не делали; а если какая-нибудь фраза Вас шокирует, то мне это отмечать; я либо Вам

уступлю, либо мы кончим каким-нибудь компромиссом, или просто на этом разномыслии разойдемся. Но я очень прошу не спекулировать на мою забывчивость; и тем более не делать никаких изменений в тексте после того, как я исправил корректуру.

Пишу Вам, так как считаю именно Вас ответственным за превращение меня в журналиста.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См.: *Маклаков В. А.* Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. XVI–XIX] // СЗ. 1932. № 48. С. 346–377.

53. Маклаков — Вишняку

Paris. 18 февраля 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 18 Февраля 1932

Многоуважаемый Марк Вениаминович, я по сю пору не получил оттисков¹; неужели они еще не готовы, или тут есть какое-то иное затруднение? Вместе с тем не откажите известить меня, собираетесь ли Вы печатать продолжение в следующем номере, и когда в этом случае Вам его прислать².

Вас. Маклак[ов]

Очень интересна, по-мо[ем]у, последняя книжка.

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ См. примеч. 1 к п. 52.

² В 49-й книге СЗ воспоминаний Маклакова нет.

54. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 4 мая 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 4 мая 1932 г.

Дорогой Илья Исидорович, встретил Бунина и узнал, что Вы на юге, потому Вам и пишу. У Вас, должно быть, больше времени, чем у меня, и потому Вы можете его тратить щедрее, чем я; к тому же самое дело касается Вас непосредственно.

Я получил от одного своего знакомого из Ревеля прилагаемое Вам при сем послание. Мой корреспондент — культурный крестьянин, по теперешней терминологии «кулак», бывший членом Уездной Управы, уехавший из России при отступлении Юденича¹; он жил все время в Эстонии и, как узнаю из его письма, даже пописывал в местных газетах. А теперь вдруг его прорвало, он счел себя литератором, написал драму и желает поместить ее в «Современных записках». Я его отговаривал, не видя самой драмы, но советовал ему писать коротенькие статьи на

серьезные темы, о попытках крестьянских коллективов, и советовал помещать эти статьи в «Днях». Об этом я поговорил с А. Ф. К[еренским]. Но из прилагаемого последнего письма видно, что он не унимается насчет драмы. Так вот моя просьба к Вам, не откажитесь на досуге пробежать эту драму и ответить мне, либо прямо ему. Если Вы будете отвечать мне, то напишите все-таки же в такой форме, чтобы я мог это письмо ему прислать, не очень его обижая. Я, по правде сказать, не думаю, чтобы его драма могла мечтать о напечатании, не потому чтобы я ее прочел и не одобрил, а по чисто априорным соображениям; оговариваю это, так как не хотел бы оказывать на Ваше суждение ни малейшего давления ни в ту, ни в другую сторону².

Господину И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии; в период Первой мировой войны — начальник штаба Кавказской армии, с января 1915 г. — ее командующий; в марте–апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта, затем в отставке. Осенью 1918 г. перебрался в Финляндию, затем в Эстонию. В январе 1919 г. провозглашен Русским комитетом в Финляндии, в котором преобладали к тому времени кадеты, лидером Белого дела на Северо-Западе (с диктаторскими полномочиями). В июне 1919 г. назначен А. В. Колчаком главнокомандующим войсками белых на Северо-Западе, возглавил Северо-Западную армию, в августе вошел в состав Северо-Западного правительства. Войска Юденича потерпели поражение осенью 1919 г. под Петроградом, впоследствии были интернированы в Эстонии.

² См. примеч. 1 к п. 55.

55. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 30 мая 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 30 мая 1932 г.

Дорогой Илья Исидорович,
я послал Вам заказным письмом пакет с рукописью Ионова¹; Вы мне ничего не ответили; а он опять от меня требует ответа. Получили ли Вы ее? Я слышал, что Вы были в Париже уже после моего письма, и жалею, что Вас не видел. Во всяком случае ответьте теперь.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Ионов в СЗ не печатался.

56. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 2 июня 1932 г.

2 VI 1932. Villa Beau-Site, Grasse

Дорогой Василий Алексеевич,
как Вы сами понимаете, писания Ионова печатать нельзя, хотя, по совести говоря,

я их почти и прочесть не мог. Я ему сам осторожно напишу, если Вы пришлете мне его адрес. Хотя он и имеется на письме, но я его разобрать не мог. Только прошу Вас написать адрес на машинке — Вас я тоже понять не могу.

Ваши воспоминания мы обязательно печатать будем — из-за сокращения размера журнала у нас образовался большой затор в печатании имеющегося материала. Как только мы составим проект следующего номера, мы Вам напишем и попросим следующую статью¹. Но самое лучшее, если Вы просто пришлете ее мне сейчас.

В конце июня я возвращаюсь в Париж и надеюсь еще встретиться с Вами у Софьи Григорьевны².

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ См.: *Маклаков В. А.* Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. XX–XXI] // СЗ. 1932. № 50. С. 271–287.

² Пети (Petit) (урожд. Балаховская) Софья Григорьевна (1870–1966), жена французского дипломата, русофила Эжена (Евгения Юльевича) Пети, держала нечто вроде салона. Маклаков, Фондаминский, М. А. Алданов и некоторые другие видные фигуры политической и литературной элиты эмиграции встречались по четвергам у С. Г. и Е. Ю. Пети за завтраком.

57. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 7 июня 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 7 июня 1932 г.

Дорогой Илья Исидорович,

Я отослал Вам бумаги, где записан адрес; на память его не помню; если Вы его вырежете и мне его пришлете, то я вспомню; все, что я вспоминаю, — это то, что это было Эстонской губернии и, кажется, Скарятину. Может быть, эти указания помогут Вам расшифровать его каракули.

Что касается до статьи, то я отлично понимаю положение журнала, у которого образовались заторы. Но все-таки же Вам скажу: может быть, не нужно было начинать писать длинную, связанную вещь, либо нельзя делать такие большие антракты. Соображая немножко, что впереди, я вижу, что нельзя выпустить книжку, оборвав рассказ не на логической грани; такой гранью могло быть только 3-ье июня¹ и этим бы закончился 1-й том: но до этой даты должно было быть не меньше шести статей. И если мы сейчас будем делать антракты больше двух книжек, то, может, не стоит продолжать. Во всяком случае, я предпочитаю очередную статью держать у себя. В июне при встрече поговорим.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ 3 июня 1907 г., день роспуска II Государственной Думы. Эта дата считается днем окончания революции 1905–1907 гг.

58. Маклаков — Вишняку

Paris. 25 июня 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 25 июня 1932 г.

Многоуважаемый Марк Веняминович, мне было бы нетрудно исполнить Ваше желание, тем более что у меня даже есть тема из воспоминаний студенчества; но положительно не могу ее [так] исполнить сейчас. В настоящее время наша работа удесятерилась, и я дожидаюсь с нетерпением возможности отдохнуть; во время же отпуска не только не хочу ни о чем думать, но и не мог бы исполнить Вашего желания, так как было бы бесполезно послать Вам черновую рукопись, Вы все равно в ней ничего не разберете. Раньше середины августа я ни о чем подобном думать не могу, да у меня не будет и стенографистки. Так что обойдитесь без меня. Самую Вашу мысль я понимаю и ей сочувствую.

Вас. Маклак[ов]

М. В. Вишняку.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

59. Маклаков — Вишняку

Paris. 16 июля 1932 г.

В. А. Маклаков

Париж, 16 июля 1932 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович, конечно, в такой форме я охотно пойду Вам навстречу; мне и самому было бы неприятно, если бы моей статьи не было в следующей книжке, не потому, что она юбилейная¹, но просто потому, что слишком большие пропуски мне неприятны. То, что можно статью представить к сентябрю, ничего не меняет, так как в августе я писать не стану, а в июле писать не успею. Если же Вы примете статью из «Воспоминаний», то могу Вам ее представить до отъезда, т. е. до августа². Эту статью надо только переписать; по содержанию она обнимала эпоху от смерти Плева³ до рескрипта Булыгина⁴, т. е. эпоху Святополк-Мирского⁵; это было бы слишком длинно для теперешнего уменьшенного размера; мне неприятно ее разбивать, но я все-таки *могу* это сделать, сохранив некоторую ее цельность. Она будет касаться I земского съезда⁶ и Указа 12 декабря⁷; думаю, что тут не будет больше 20 страниц, но зато делить *эти* две части и писать только о земском съезде я бы не согласился: обе эти части слишком связаны, мне и то не очень нравится, что конец этой главы придется искусственно соединять с Булыгиным. Во всяком случае я Вам ее дам до моего отъезда, а там судите сами.

Вас. Маклак[ов]

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult – Paris XVe».

¹ 50-я.

² См. примеч. 1 к п. 56.

³ В. К. Плева был убит 15 июля 1904 г. членом Боевой организации партии эсеров Е. С. Созоновым.

⁴ В тексте явная описка: следует читать не «рескрипта Булыгина», а «рескрипта Булыгину». См. примеч. 5 к п. 44.

⁵ Кн. П. Д. Святополк-Мирский, министр внутренних дел в августе 1904 г. – январе 1905 г. проводил сравнительно либеральный курс; период его пребывания в должности получил в обществе название «весны».

⁶ I-й съезд Союза земцев-конституционалистов состоялся 8 ноября 1903 г. в Москве. Однако Маклаков, несомненно, имеет в виду общеземский съезд (официальное название «Частное совещание земских деятелей») 6–9 ноября 1904 г. в Петербурге (участвовало 104 делегата от 33 губерний), выработавший программу политических реформ: создание народных представительств с законодательными правами, введение гражданских свобод, равноправия сословий и расширение круга деятельности местного самоуправления. Осуществление реформ съезд считал возможным только по почину монарха.

⁷ Имеется в виду Высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., обещавший расширение прав земств, страхование рабочих, эмансипацию инородцев и иноверцев, устранение цензуры.

60. Маклаков — Вишняку

Paris. 27 июля 1932 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Я Вам писал на Земгор, но ответа не получил. Между тем, в воскресен[ье] уезжаю до конца августа.

У меня готова статья¹ в 20 страниц, даже меньше, стр[аниц] в 18. Это глава из воспоминаний, но с *самостоятельн[ым]* значением: т. е. то, что Вы хотели. Хотите ее получить или нет? Предпочел бы ее сдать Вам до отъезда. Но ответьте, т. к. иначе уеду.

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Датируется по почт. шт. Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Vichniak, 122 b[oulevard] Murat (№ 85), Paris»; почт. шт.: «Paris, 27.VII.1932».

¹ См. примеч. 1 к п. 56.

61. Маклаков — редакции «Современных записок»

Б. м. Ноябрь 1932 г.

Современные записки

Зала Сан-Дидье.

Жалею, что не могу лично присутствовать [на] празднике «Современных записок»¹. Стоп. Среди *разнообразных* причин их успеха *собирался отметить* хотел особенно подчеркнуть, что у них определенность политического направления *в них*

не превратилась в партийность, а отсутствие партийности не ~~уподобилось политическому безразличию~~ было политическим безразличием. Стоп².

Одним из старых зол Одной из детских болезней нашей молодой политической общественности была ~~замена широких~~ подмена политических направлений ~~требовательной и искренней~~ нетерпимой партийностью, ~~организованной нечестностью мысли, по выражению Алданова~~³. Стоп. Несмотря на ~~свою~~ верность старым традициям, «Современные записки» в этом отношении сделали большой шаг вперед к политической зрелости. Стоп. И их успех есть ~~символом~~ показателем нашего роста. Стоп. Вот почему я горячо Горячо желаю продолжения и укрепления этого успеха.

Маклаков

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/2). Датируется по содержанию. В архиве Руднева сохранилась также неправленая копия текста поздравительной телеграммы В. Маклакова.

¹ Имеются в виду торжества по поводу выхода в свет 50-го номера журнала.

² Четыре строки отмечены на полях предположительно рукой М. Вишняка.

³ Выражение «организованная нечестность мысли» (полностью «консерватизм — это организованная нечестность мысли») приписывают Б. Дизраэли.

62. Маклаков — Рудневу

Paris. 21 декабря 1932 г.

В. А. Маклаков

21 декабря 1932 г.

Многоуважаемый Вадим Викторович, посылаю Вам копию письма Кинжунцева [так!]¹; видите, моя вторичная попытка успехом не увенчалась, и таких double emploi², конечно, будет очень много. У Кульмана³ я зато отбил Былинина⁴. Послал подписной лист Митьке Рубинштейну⁵ (!), но он пока его не возвращает.

Вас. Макла[ков]

I ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Имеется в виду Г. Г. Кянджунцев; о нем см. в письме Н. К. Кульмана к Рудневу от 26 июня 1935 г. (наст. изд.).

² double emploi (франц.) — букв. бесполезное повторение, в данном контексте — бесполезное обращение.

³ О Н. К. Кульмане см. публикацию в наст. изд. Кульман был активным членом Общества друзей «Современных записок».

⁴ Возможно, говоря о том, что он «отбил» некоего Былинина (неустановленное лицо) у Кульмана, Маклаков подразумевал распределение перспективных кандидатов для подписки на СЗ, в связи с акцией спасения журнала из трудного финансового положения, принятой Обществом друзей «Современных записок».

⁵ Рубинштейн Дмитрий Львович (1876–1936), владелец каменноугольных копей, банкир.

Основатель и директор-распорядитель Русско-французского банка в Петербурге. Был близок к Г. Е. Распутину. В июле 1916 г. арестовывался по обвинению в финансовых спекуляциях, освобожден в декабре 1916 г.

63. Маклаков — Рудневу

Б. м. 20 января 1933 г. [?]

20/1

Дорогой Вадим Викторович!

К великому сожалению, с обратной почтой исполнить Вашего желания не могу. Я сказал, что у меня все г[ото]во; статью¹ только окончательно переписать, что можно сделать в 2 дня, но не с обратной почтой. Но главное: я решил совершенно переделать *вторую половину статьи*. Я бы это уже сделал, если бы не был так завален работой.

Теперь я завтра же отдам переписать *первую* половину; Вы могли бы ее получить в *субботу*. А вторую половину не раньше вторника или среды. Очевидно, это уже слишком поздно; да, но частями едва ли есть смысл присылать? Потому к Вашему *первоначальному* сроку буду готов, но к новому не могу.

Предан[ный] Вам

В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ Вероятно, речь идет о статье: *Маклаков В. А.* Из прошлого: Освободительное движение: [Гл. XXII–XXIII] // СЗ. 1933. № 51. С. 228–250.

64. Маклаков — Рудневу

Paris. 24 января 1933 г.

24 Янв.

Многоуважаемый Вадим Викторович!

Я добыл Вам еще две подписки¹, т. е. 200 fr. Но увы! — это те, что можно было нажать и без борьбы! Я ее нашел вчера; оказалось, что к ней уже много раз приставали с этим, и она всем отказывала. Я ухитрился взять у нее две подписки — одну для нее — 20, rue Spontini, Mme Zoubareff, а вторую она дарова[ла] Союзу Галлиполийцев²: 81, rue de la Faisanderie. Но это покрывает *все*, что можно было с нее получить.

У нее была одна из гукасовских³ карг [?]; я вечно путаю, как кого зовут. Хотел подковать ее, но она уже *подписана*. Может быть, кое-кого поймаю на Татьяне⁴. А пока за мной только *Махонин*⁵. Писать Рахманинову считаю неудобным. Шаляпина пока оставляю за собой, но не надеюсь больше подписать [?]. Или запустите к нему И. [Фондаминского?], к[о]т[орый] более экстраординарен, чем я.

В. Маклаков

Я с Зубар[ево]й⁶ денег еще не получил; но это шанс верный: она сама подписала на месте. Могу, если надо, авансировать.

Позвонил тоже Шаляпину: он выздоровел, но в четверг выезжает. Не знаю, есть ли смысл его навестить до отъезда.

Рахманинов[а] нагреем по его приезде.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Год установлен по почт. шт. Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff, 6 rue Daviel, Paris», адрес отправителя: «57, rue de l'Abbé Groult Paris XVe»; почт. шт.: «Paris 25.I.1933».

¹ См. примеч. 3 к п. 62.

² Союз галлиполийцев, точнее Общество галлиполийцев – русская воинская организация, созданная 22 ноября 1921 г. чинами 1-го корпуса (командующий – генерал А. П. Кутепов) Русской армии генерала П. Н. Врангеля, расквартированными, после эвакуации из Крыма, в военном лагере на Галлиполийском полуострове (Турция). Основано в Галлиполи с целью быть приемником частей 1-го армейского корпуса в случае ликвидации армии и первоначально дублировало его структуру. В состав Общества входили также гражданские лица, находившиеся в лагере в 1920–1921 гг. Общество галлиполийцев имело отделения во Франции, Болгарии, Венгрии, Югославии и некоторых других странах.

³ Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (1872–1969), нефтепромышленник, общественный деятель, издатель. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве (1890), учился на физико-математическом факультете Новороссийского университета (Одесса), завершил образование в Лейпциге, где получил степени доктора естественных наук (геология) и доктора философии. С 1899 г. представлял в Европе деловые интересы своей семьи (добыча и переработка нефти), жил в Лондоне; в 1907 г. основал в Лондоне судостроительное общество Balting Trading Co. В 1924 г. основал в Париже компанию по строительству нефтеналивных судов Les Petroles d'Outre-Mer; в 1925 г. занялся также строительным бизнесом. Издатель газеты «Возрождение» (1925–1940) и одноименного журнала (1949–1974). Один из спонсоров Русского зарубежного съезда (Париж, 1926); с 1926 г. председатель Российского центрального объединения (с 1937 г. – Российского национального объединения).

⁴ Имеется в виду Татьяна день (25 января), день основания Московского университета, традиционный праздник студентов Московского университета.

⁵ Вероятно, Махонин Иван Иванович (1895–1973), инженер-изобретатель в области авиационной и транспортной техники, систем вооружения, дистилляции топлива. В эмиграции с конца 1921 г. Получил во Франции государственную поддержку для работы над инновационными проектами.

⁶ Известна Зубарева (в замуж. Голякова) Людмила Николаевна (1894–1990).

65. Маклаков – Рудневу

Б. м. 29 января 1933 г. [?]

29 я.

Дорогой Вадим Викторович!

Вы мне не ответили, есть ли смысл торопиться, раз все равно набрать мою статью целиком не успеют. Поз[том]у посылаю ее всю сразу, но к намеченному ранее сроку.

Боюсь, она вышла слишком длинна, но вторую ее половину едва ли можно выкинуть; мне кажется, что для читателей она менее скучна, чем первая¹.

Вас. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Год установлен предположительно.

¹ См. примеч. 1 к п. 63.

66. Маклаков — Рудневу
Paris. 18 февраля 1933 г.

В. А. Маклаков

Париж, 18 февраля 1933 г.

Многоуважаемый Вадим Викторович,

Вы не ответили мне на последнее письмо, где я Вам сообщал адреса трех новых абонентов: Зубаревой, Галлиполийского союза и Юркевича¹. Я прибавил, что 200 фр. мне уже внесены; я не получил еще с Юркевича, хотя сказал, что внесу за него свои деньги. Хотел бы знать, послали ли Вы всем этим лицам, и особенно Юркевичу, экземпляр? Если послали, то он от меня не отвернется, да и я готов *за него* заплатить. Таким образом, у меня имеется для Вас во всяком случае 200 фр., а может быть и 300 фр. Желаете, чтобы я Вам их прислал?

А теперь одна просьба, не откажитесь мне сообщить: как это вышло, что в моей статье² в последнем абзаце опять переделки, о которых я не был предупрежден, несмотря на то что просил этого больше не делать без моего ведома? По существу они не важны, а по направлению характерны и для меня совершенно неприемлемы, так как вычеркнуто то, что ~~является моим личным мнением~~ я показывал как мое личное мнение, за которое журнал не отвечает. Хотелось бы знать, почему и кем это сделано?

Если Вы Юрк[евичу] *не* прислали, боюсь, что он скажет, что сам кушает по дешевым ужинам в [2 нрзб] и что ему подписка *не* нужна. Иначе я не смогу сказать, что за него заплатил. Адрес Юркевича: 3, rue Ribéra.

Преданн[ый] Вам В. Маклак[ов]

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Юркевич Владимир Иванович (1885–1964), капитан корпуса корабельных инженеров, инженер-конструктор, изобретатель. В России работал на Балтийском судостроительном заводе. В эмиграции с 1919 г. сначала в Константинополе, с 1922 г. в Париже. Среди прочего спроектировал во Франции трансатлантический лайнер «Нормандия».

² См: *Маклаков В. А. Из прошлого: Освободительное движение*: [Гл. XXII–XXIII] // СЗ. 1933. № 51. С. 228–250.

67. Маклаков — Рудневу
Paris. 27 февраля 1933 г.

В. А. Маклаков

Париж, 27 февраля 1933 г.

Многоуважаемый Вадим Викторович,

на днях я видел Кровопускова¹ и сказал ему, что Вы мне не отвечаете на письмо; он сказал, что Вы очень редко заходите в Земгор; я подумал, что мои письма к Вам не дошли и в субботу, [и.] извещая Вишняка о получении денег, сообщил ему, что у меня есть еще деньги для «Современных записок» и что я не знаю, что

с ними делать, так как Вы мне не отвечаете. Вечером получил Ваше письмо, которое все разъяснило. Извещаю Вас об этом, чтобы ни Вы, ни Вишняк не беспокоились вновь отвечать. Но неужели я в самом деле забыл известить Вас об Юркевиче? Вот и верьте памяти.

Теперь другое дело. У меня нет ни малейшей претензии, если Вы сократили цитату в тех условиях, в которых Вы говорите; жалею, конечно, что Вы мне не позволили сделать это самому; кое-что Вы выпустили *не* из цитаты, и вообще мне было бы легко это сделать, если это стало необходимым, и я предпочитал бы сделать это сам. Но, конечно, в этом беды нет.

Но зато что касается до С. С.², то Ваше письмо привело меня в большое смущение. Напрасно Вы думаете, что я этого не заметил; очень заметил и поневоле сопоставил Вашу поправку с выпуском моей фразы, в которой я писал, что я с С. С. не согласен в оценке. Заметил еще потому, что стараюсь всегда не называть просто «Освобождение»³, когда цитирую не редакторскую статью. Что бы Вы сказали, если [бы] кто-либо процитировал мою фразу, сказав, что так говорят «Современные записки»? Но это к слову. Ваше объяснение меня смущает гораздо больше, чем самый факт.

Во-первых, это сделала редакция, и опять-таки скажу, пренебрегши снести об этом со мной, хотя бы по телефону. Эту формальность я считаю своей единственной гарантией от сюрпризов; а навстречу Вашим желаниям я охотно пошел бы, как всегда ходил. Но смущают меня *мотивы*; Вы сделали это «в интересах мира между сотрудниками»; я этим миром очень дорожу, тем более что это своеобразие именно Вашего издания; никогда бы я не перешел пределов, где мир мог бы быть нарушен; с Милюковым я очень часто не согласен, многие его черты мне не нравятся; но отношусь я к его жизни с полным уважением и ни в какой бы своей критике этому чувству не изменил; психология ренегата мне совсем чужда. Но я хотел бы знать, в чем редакция усмотрела возможность нарушения мира; если я цитировал милюковскую статью, я не только ее не критиковал, но добавил, что, к сожалению, он был прав; слово «~~желание~~» «сожаление» показывает, что я с ним не согласен, но от кого же это тайна, что я с Милюковым сейчас не согласен, особенно после его статьи обо мне в Вашем журнале? На что он мог тут обидеться? Этого мало: в предыдущих статьях я не раз об нем говорил, его называя, и Вы это всегда помещали; почему же Вы не нашли ~~нужным~~ возможным поместить цитату, указавши автора этой цитаты, вернее его псевдоним, причем цитату, от которой он наверное и сейчас не откажется? Поневоле приходится допустить, что нечто переменилось в отношениях журнала к нему. Я не знаю, поступил ли он в скрытые со-редакторы, поставил ли он Вам какие-либо требования, которые Вам придется соблюдать; но во всяком случае это новое отношение к Милюкову не может меня не приводить в смущение. Если бы он участвовал в журнале как редактор, то журнал никогда не мог бы получить того характера, который *Вы* ему дали; конечно, я никогда бы не мог сотрудничать в нем на политические темы. И тут есть для меня совершенно практический вопрос: моя следующая статья доводит дело до 17 октября⁵, потом начинается тот период I Думы, который в общежитии называется «первая Революция»; я его так и собирался озаглавить. Здесь мне поневоле пришлось бы говорить о Милюкове, так как здесь его деятельность уже не под

псевдонимом, да здесь и *мне* приходилось уже с ним сталкиваться. Если в интересах мира об этом нельзя говорить, то, конечно, мне вообще об этом периоде нельзя говорить; и это лучше знать заранее. Поверьте, что здесь нет ни малейшего, как Вы пишете, «недовольства». Здесь есть только изумление от неожиданного сюрприза и сомнение в будущем. Я себя не хочу Вам навязывать, вполне Вас понимаю; думаю, что до сих пор я Вас в Ваших отношениях к Милокову не подводил, но тут начинается поневоле та позиция, которую я назвал «неприемлемой» для меня. Можем разойтись совершенно мирно, но не заставляйте меня работать впустую.

Напомню кстати, что в рецензии об одной из моих предыдущих статей М[илоков] — сам свой псевдоним С. С. раскрыл. Это давало бы мне право прямо о *нем* говорить. Я этого не сделал, именно затем, чтобы не подчеркивать. Но если простое упоминание о его *статье*, где выражена ярко *его* позиция, есть нарушение мира, к[оторое] требует редакционного вмешательства, то дело плохо. Я не могу превратить себя в Милокова и не могу скрывать своего разногласия с ним там, где оно бывает.

Вам пред[анный] В. Макла[ков]

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Кровопусков Константин Романович (1881–1958), экономист, общественно-политический деятель, член партии социалистов-революционеров. В эмиграции с 1919 г. в Константинополе, с 1920 г. в Марселе, с 1921 г. в Париже. С 1921 г. управляющий делами Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора), с 1923 г. член Совета Земгора, с 1924 г. член Эмигрантского комитета.

² С. С. — псевдоним П. Н. Милокова, которым он подписывал статьи в заграничном оппозиционном журнале «Освобождение» (1902–1905).

³ «Освобождение», двухнедельник, орган русских либералов, выходил под редакцией П. Б. Струве в 1902–1905 гг. в Штутгарте, затем в Париже. Всего вышло 79 номеров.

⁴ См.: Милоков П. Н. Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. №. 41. С. 347–371.

⁵ Т. е., до издания императором Николаем II Манифеста 17 октября 1905 г., провозглашавшего созыв народного представительства, гражданские свободы и амнистию по делам о политических преступлениях.

68. Руднев — Маклакову

Б. м. Между 27 февраля и 15 марта 1933 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Хочу Мне трудно было бы отвечать на Ваше письмо, ~~неуклонно~~ следуя ~~всей~~ ~~Вашей~~ ~~логическ[ой]~~ шаг за шагом пункт за пунктом логической нити Ваших доводов-обвинений. Но так ли уж это надо, когда, ~~как мне к~~ — в чем я Вас хочу уверить, — неверна основная Ваша психологическая предпосылка: Вы хотите видеть ~~во всех этих~~ во всей сумме приводимых Вами фактов (устранение в данном тексте ссылки на С. С., когда в других случаях он благополучно оставался; выпуск еще одной фразы, которую я, не сохранив подлинника, не могу точно себе воспроизвести в памяти; и т. д.) какую-то единую линию редакционного поведения ~~в отношении Вас~~, строго обдуманную последовательность, и к тому же

все — под знаком ~~боязни~~ Милокова стеснения Вашей авторской свободы из-за страха Милокова.

На самом деле — ~~все происходит~~ обычно такие вещи происходят гораздо более неизмеримо более случайно, непоследовательно, от случая к случаю. Да и как могло бы быть «Железной» логики, строгой последовательности. Для примера, подумайте только о том, что редакция наша — многочленная, в ней сидят люди разных политических, хотя и однопартийцы, но люди разных темпераментов и политических склонностей, ~~что каждая мелк[ая] незначительная правка рукописи~~ что незначительные купюры в рукописях делаются различными редакторами и ~~во~~ все не всегда обязательно подвергаются коллективному обсуждению и т. д., и т. д. Думаю, в таком порядке и могут совершаться мелкие нелогичности, в которых Вы нас упрекаете. Но Вы сами же говорите, что дело идет о вещах несущественных.

Правда, и несущественные вещи могут получить особое и важное значение, если поскольку[ку] они являются *симптомом* какой-то нездоровой журнальной тенденции. Но *в данном случае* прошу мне верить, что все эти мелочи в данном случае ни в коем случае отнюдь не имеют такого симптоматического значения. В частности, думаю к И Вы, конечно, изволите шутить, строя предпо высказывая когда высказываете предположения о том, что будто, что «С[овременные] з[аписки]» в отношении Вашего сотрудничества позволили себя связать могли бы связать себя чьими-либо требованиями. Когда Вы будете писать очередную статью и Вам (но в ближа, кстати, не в ближайшей книге, где место на этот раз место политического мемуара уже предоставлено А. Карташеву назначено для Карташева¹, и Вам тоже потребует по ходу Ваших воспоминаний придется непосредственно говорить критиковать писать о Милокове и критиковать его политику, — Вы, в присущей Вам манере, культурной и корректной, будете иметь к тому полную возможность свободны это делать. Не удивитесь Вы и тому, что б. м. «С[овременные] з[аписки]» сочтут нужным предостав[ить] возможность в такой же доброй литературной манере ответить и Милокову. Для Вас не секрет, разумеется, что политические взгляды по политическим взглядам Милоков для нас ближе сейчас нам ближе, чем Вы политические взгляды Милокова нам ближе, чем Ваши. Но мы наш point d'honneur в том, что «С[овременные] з[аписки]» не зависят ни от каких внешних давлений и воздействий. В частности, и у Милокова нам приходилось делать небольшие купюры.

Надеюсь, дор[огой] В[асилий] А[лексеевич], эти мои разъяснения окончательно рассеют созд[авшиеся] у Вас неуд[овлетворение] и тревогу. Не зн[аю], чем это объясн[ить]: ка[залось] бы, ред[акция] «С[овременных] з[аписок]» столько уже дока[зывала] свою необ[ычайную] терпим[ость], и ее заб[ота], гл[авным] образом — мирное сожит[ельство] на стр[аницах] журн[ала] люд[ей], в жизни др[уг] др[уга] не переносящ[их]. Ред[акция], кон[ечно], не может не ошиб[аться] в эт[ом] св[оем] объед[инении] полит[ически]. Но неспр[аведливо] предпол[агать] у нее зл[ую] волю, разные игры для разл[ичных] сотр[удников]. Вспом[инаю] Вашу н[оя]б[р]скую телегр[амму] и думаю: а не забыл ли В[асилий] А[лексеевич], за что он приветс[твовал] «С[овременные] з[аписки]».

Публикуется по черновому автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Датируется по содержанию.

¹ Карташев Антон Владимирович (1875–1960), историк Русской церкви и политический деятель; в 1906–1917 гг. — профессор Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге; с 1909 г. — председатель Религиозно-философского общества. С 1917 г. — член партии кадетов, входил в ее ЦК. С июля 1917 г. — обер-прокурор Святейшего синода, после его упразднения в августе 1917 г. — министр исповеданий во Временном правительстве. С января 1919 г. — в Финляндии, где возглавил Русский комитет (с мая — Политический центр), фактически занимавшийся политическим обеспечением армии Н. Н. Юденича. С 1920 г. — во Франции. В 1921 г. избран председателем Национального комитета. С 1925 г. — профессор Русского богословского института св. Сергия в Париже. «Политический мемуар» Карташева «Временное правительство и русская церковь» был напечатан в СЗ (1933. № 52. С. 369–388).

69. Маклаков — Рудневу *Paris. Не позднее 28 февраля 1933 г.*

Дорогой Вадим Викторович!

Мне очень обидно и на Вас, и на Ваших «современцев» за то, что Вы, несмотря на обещания, не сообщаете мне известного Вам адреса, Ф. И. Родичева¹. Неделя, как я это просил, как это мне обещано, а никакого ответа все нет.

Предан[ный] Вам

В. Маклаков

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Родичев Федор Измайлович (1853–1933), крупный землевладелец, юрист, земский деятель; один из основателей и лидеров партии кадетов, член ее ЦК; депутат I–IV Государственных Дум. В марте–мае 1917 г. — министр Временного правительства по делам Финляндии; депутат Учредительного собрания. В 1918 г. в Киеве, член Совета государственного объединения России; в 1919 г. выехал в Сербию в составе делегации правительства А. И. Деникина; с 1920 г. жил в Швейцарии.

70. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 15 марта 1933 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 15 марта 1933 г.

Дорогой Илья Исидорович,

жалею, что Вы так не вовремя уехали и что мне приходится Вам писать. Все равно; так как Вы первый виновник моего вовлечения в «Современные записки», то хочу Вам лично рассказать некоторые недоразумения.

Это вовсе не жалоба; во-первых, не на что жаловаться, а во-вторых, самое недоразумение уже разъяснилось. Но так как Вы можете об нем услышать и не от меня, то предпочитаю Вам заранее сказать, что было. Меня один раз неприятно поразили некоторые редакционные поправки, которые были сделаны в моей статье; я где-то слишком похвалил Столыпина, и это было вычеркнуто. Я тогда же написал не помню кому, что я очень охотно считаюсь с с.-р.-ской психологией, но все-таки же прошу не делать цензурных исправлений без меня; когда угодно изменю

текст так, чтобы он стал для Вас приемлемым. В последней книжке «Современных записок» я заметил новые исправления в самом конце. У меня была цитата из «Освобождения», за подписью С. С. Как вы знаете, это Милюков, тем более что в одной из своих рецензий на мою статью он об этом сам повестил; но, делая цитату, я его не критиковал, а даже похвалил; тем не менее, ссылка на С. С. была вычеркнута, а вместе с ней и часть цитаты. Это мне опять не понравилось, и я привлек на это внимание Руднева; Руднев мне ответил, что сократить цитату пришлось из технических соображений, не умещалось на странице и сделать это пришлось в последний момент. Что же касается до С. С., то это было сделано для поддержания мира между сотрудниками. Вот это последнее меня очень смутило; если для поддержания мира нельзя упоминать о Милюкове, даже о его псевдониме, иначе как его превознося, то я действительно не могу перейти ко второй половине своих воспоминаний. Я и сам никогда не позволил бы себе говорить о Милюкове не только резко, но даже неуважительно; но очень удивляюсь, что такое щепетильное отношение появилось в «С[овременных] з[аписках]»; каюсь, что я даже поставил вопрос: не переменились ли внутренние отношения с Милюковым. На это я получил от Руднева исчерпывающий и очень милый ответ, из которого, если только ответ искренен, я могу вывести одно, что все это простая случайность и что повинен в этом только сам Руднев; словом, этот инцидент я считаю исчерпанным, об чем ему написал и пишу Вам только в порядке наших прежних специальных отношений.

Но у меня есть другая причина Вам писать: Руднев меня предупредил, прося не связывать этого с инцидентом, что в следующей книжке для меня места нет. Вы когда-то меня предупредили, что одну книжку в году Вы выпускаете без меня. Но мне было бы очень неприятно, если бы выпуск пришелся на ближайшую книжку. Следующая моя статья заканчивает целый период. Это последняя глава того отдела, который имел подзаголовок «Освободительное движение»; она и оканчивается словами, что начинается новая глава русской истории; если мне суждено продолжать, то эта новая глава будет озаглавлена «Первая революция». Мне бы очень не хотелось, чтобы через шесть месяцев я бы опять толкался на прежнем месте «Освободительного движения». Пора бы идти более скорым темпом. Впредь я так и пойду, и я это чувствую до такой степени живо, что если только Вы будете выпускать мою книжку, то я выпущу из первой главы «Освободительного движения» целый ряд глав, заменивши их одной общей статьей, а затем пойду хронологически быстрым темпом и пойду до 3 июня. Как видите, конец очень близок, но задерживать меня перед окончанием первой главы и психологически и литературно неправильно.

Я не знаю ваших внутренних редакционных отношений и в какой мере это зависит лично от Вас или даже от целой редакции. В конце концов никакого ультиматума я из этого не сделаю, я хочу только сказать, что я настолько стою за безотлагательное продолжение этой главы, что был бы готов примириться с пропуском двух книжек. Руднев мне сказал, «Вы пришлите нам эту главу, а там мы посмотрим, может быть ее можно пропустить». Глава у меня готова, я могу сдать ее когда угодно, но мне не хочется выпускать ее из рук, если она все равно не пойдет. Может быть, я из нее что-либо выпущу; по объему она равна прежней главе.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

71. Фондаминский — Маклакову

Grasse. 23 марта 1933 г.

23 III 1933. Villa Beau-Site, Grasse.

Дорогой Василий Алексеевич,
я постараюсь оказать все свое влияние, чтобы Ваша статья пошла в ближайшей книжке, и очень советую Вам послать поскорей статью в редакцию. Но далеко не уверен, что мои старания увенчаются успехом. Дело не в доброй воле редакции, а в физической невозможности вместить весь материал. Вы, вероятно, не заметили, что количество страниц в журнале уменьшилось (с 560 до 480), что в 1932 г. вышло не 4, а 3 кн. А для нас это пропажа 800 стр.! Благодаря этому страшный затор. Ряд статей лежат больше года (и каких! — Ростовцева!). Так что положитесь на наше доброе желание напечатать Вас и не рассердитесь, если это не удастся. Но обязательно пошлите статью — это всегда увеличивает шансы попасть в номер.

Разумеется, мы хотим издать Вашу книгу. Весь вопрос только в том, найдем ли мы складчика, который согласится оплатить типографию, — в последнее время они боятся брать на себя весь риск и требуют, чтобы автор брал на себя часть расходов. Об этом мы поговорим при свидании.

Представляю, с каким азартом спорят по четвергам о немецких событиях¹.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Речь идет о традиционных завтраках по четвергам у С. Г. и Е. Ю. Пети. Немецкие события — приход к власти в Германии национал-социалистов.

72. Маклаков — Рудневу

Paris. 11 апреля 1933 г.

Париж, 11-го апреля 1933 г.

Многоуважаемый Вадим Викторович,
против рожна не попрешь. Я подчиняюсь и в конце концов понимаю, что Вы не можете сделать то, чего мне хотелось. Но к какому времени сдать Вам статью для 53-го номера и куда?

Судя по последнему фельетону Милоюкова¹, ему все-таки хотелось бы исправить Вас от уклонов и удержать на *своей* генеральной линии; а так как я очевидно «уклон», то и не удивляйтесь, что я становлюсь мнительным всякий раз, когда усматриваю Ваше желание не огорчать Милоюкова. Так было и в прошлый раз. Но все это Plus quam perfectum².

Преданн[ый] Вам Маклаков

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (PAL. MS. 1500/5). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XV».

¹ Вероятно, речь идет об отклике Милокова на 51-ю книгу СЗ: *Милоков П. М.* «Орган демократии» или «свободная трибуна»? // ПН. 1933. 6 апр. № 4397. С. 2.

² *Plus quam perfectum* (лат.) — давно прошедшее, неактуальное.

73. Маклаков — Рудневу *Paris. 18 апреля 1933 г.*

Париж, 18-го апреля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,
воистину воскрес.

А теперь отвечаю по пунктам.

Вы получите рукопись не позже 5-го мая на Ваше имя в Земгор; если этот адрес не годится — укажите. Думаю, что там меньше 25-ти страниц, но если бы оказалась одна или две лишние, на этот раз не взыщите, тут конец целого периода, который разбивать неудобно.

Очень сожалею и удивляюсь, что доставил Ф. И. [Родичеву] несколько тяжелых минут. Удивляюсь потому, во-первых, что мы с ним, хотя редко, переписывались, и он про это мне не говорил. А затем и самые поводы. Я прочел 45-ю книжку; ни одним словом старик Любенков¹ Тверского адреса² не порицал, тем менее мы, тогдашняя молодежь. Речь шла не об адресе, а об ответе Государя³; мы все были ярые конституционеры, кроме отца и сына Любенковых; отец считал, что самодержавие еще можно улучшить; если бы он этого не думал, то не мог бы быть поклонником Александра II. Но во всяком случае, едва ли Тверской адрес мог говорить прямо о конституции; *тогда так* ясно не говорили, а поскольку говорили о расширении компетенции Земства, старый Любенков мог только сочувствовать и радоваться, как в свое время он одобрял конституцию Лориса Меликова⁴; так что здесь Родичев впал в недоразумение. Что же касается до I Думы, то кажется, я об ней писал во французском предисловии; но я и в России всегда ее осуждал и не раз об этом говорил с самим Ф. И. [Родичевым]. Даже на Выборгском процессе, где моей речью остались очень довольны и подсудимые мне аплодировали, я, в отличие от других адвокатов, ни одного комплимента I Думе не сделал⁵. Я отдавал справедливость ее таланту, ее благородству, но ее политическую позицию считал совершенно ошибочной. Опять-таки, это не ново, и я не вижу, почему он огорчается.

Я очень рад, что Вы сознательно принимаете мой уклон. Конечно, это уклон для Вас; я это сам сознаю, но в чем я уверен, это то, что я с этим уклоном иду в том же направлении, что и Вы, и что у меня близости с Вами *больше*, чем разницы; мне было бы неприятно, если бы Вы этого не сознавали. Сам Милоков в «Последн[их] новостях» вздумал однажды изобразить меня ренегатом, но на этой позиции не удержался. Это было слишком несправедливо и глупо. К тому же, моей теперешней позиции я держался и с 1905 г., о чем в партии хорошо знали. Если мне суждено продолжать у Вас писать мемуары, то это будет ясно во втором отделе; мне придется там не только критиковать, но и объяснять *свою* линию, там мне придется часто отмежевываться от Милокова, и я рад тому, что этому вы не помешаете. Но зато я могу обещать, что обидного я для него никогда ничего не скажу.

Я говорил Фундаминскому [так], но не знаю, передал ли он Вам об этом, что, когда началось печатание моих воспоминаний, А. Гукасов собирался издавать ежемесячник в конкуренцию Вам и просил меня печатать мои мемуары у него. Я тогда от этого ~~отклонился~~ уклонился, именно потому, что считал себя солидарным с Вашей, а не с его линией, и это, может быть, было одной из причин, почему он эту мысль забросил.

Приберегаю к концу свою атаку на Вас.

Разбойник Фундаминский передал Вам мое письмо; а у меня копии не сохранилось, могу поэтому объясняться только предположительно. Во всяком случае, я не могу сказать того, что не думал, а у меня и в мыслях не было заподозривать Вашу искренность; но очень часто из простой вежливости или миролюбия смягчают неприятную истину; ссылаются на болезнь, когда не желают печатать и т. п. Я Ваши объяснения принял и на них успокоился. Из предосторожности я мог сказать, что я успокоен только, поскольку Вы мне *не золотили пилюлю*; вероятно, моя фраза помещена в такой комбинации, и поэтому она была не обидна даже и не в прощенные дни.

Предан[ный] Вам В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XV». Существует еще одна копия этого письма (РАЛ. MS. 1500/3), без рукописной правки.

¹ Любенков Лев Владимирович, московский мировой судья в 1875–1899 гг., пользовался огромным авторитетом. Маклаков был завсегдаем кружка, собиравшегося у Любенкова.

² Имеется в виду адрес Тверского губернского земского собрания, принятый по предложению Ф. И. Родичева по случаю восшествия на престол императора Николая II в 1894 г. В адресе в весьма мягкой форме говорилось о необходимости народного представительства.

³ 17 января 1895 г. в речи перед представителями от земств и дворянства, император Николай II предостерег их от «бессмысленных мечтаний об участии в делах внутреннего управления» и заявил, что «будет охранять начала самодержавия». Это был по сути ответ на адрес тверских земцев Ф. И. Родичев, как инициатор адреса, по повелению императора был лишен права принимать участие в сословных и общественных собраниях, а следовательно, и в выборах. Права ему были возвращены лишь осенью 1904 г.

⁴ Лорис-Меликов Михаил Тариэлович, гр. (1825–1888), министр внутренних дел в 1880–1881 гг. Под «конституцией» Лорис-Меликова подразумевается проект «призвания местных людей к участию и разработке необходимых для настоящего времени мероприятий», которое, как он докладывал императору Александру II, «является именно тем верным средством, которое полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой». Объективно проект Лорис-Меликова означал первый, хотя и очень робкий шаг в сторону созыва народного представительства. Император проект одобрил, но в тот же день, 1 марта 1881 г., был убит членами революционной организации «Народная воля». Его наследник император Александр III от каких-либо поползновений в направлении ограничения власти российских самодержцев отказался. Лорис-Меликов был вынужден уйти в отставку.

⁵ Выборгский процесс — процесс по делу о воззвании членов I Государственной Думы, призывавшего, в знак протеста против роспуска Думы, не платить налогов, отказываться от службы в армии и т. д., состоялся 12–18 декабря 1907 г. в Петербурге. Получил название Выборгского, поскольку воззвание было составлено и подписано в Выборге. На процессе Маклаков, выступавший в качестве одного из защитников, произнес свою самую знаменитую судебную речь. Интересно, что Маклаков к воззванию относился отрицательно. Он считал его недопустимым для «конституционной» партии, ведь роспуск Думы с точки зрения

юридической был вполне законен. Выход из положения он нашел в том, что встал на чисто юридическую точку зрения, не затрагивая вопросов политических, и свою речь построил на том, что нельзя составителей воззвания преследовать как соучастников распространения, чего добивалось обвинение. Это влекло за собой обвинение по другой, более тяжелой статье. Соглашение между составителями и распространителями было не доказано, да его и не существовало на самом деле. Суть речи Маклакова — характерная для него защита права, законности — причем защита ее от тех, кто, собственно, и должен ее блюсти; однако в данном случае «блюстители» попрали закон в угоду «государственным» интересам. См. подробнее — Выборгский процесс. СПб., 1908; Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 18–19.

74. Маклаков — Рудневу *Paris. 22 июля 1933 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 22 июля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович, третьего дня я встретил Милюкова, который спросил меня, получил ли я письмо Родичева и как смотрю на то, чтобы его напечатать. Я мельком ответил, что *не считаю себя вправе распоряжаться*¹ этим письмом, так как я не получал его ни от самого Родичева, ни от его дочери². Я не считал секретом то, что Вы мне сказали по телефону, и потому сообщил Милюкову, что «Современные записки» что-то о Родичеве готовят и что, по-моему, было бы желательно этого рода воспоминания сосредоточить в одном месте.

Сообщаю Вам это для сведения. Письмо Родичева ко мне прислал Гронский, т. е. из «Последних новостей»³, и очевидно Милюков прочел его раньше, чем я. Вы не предупреждали меня, что наш разговор секрет, да и по существу он мне не кажется секретным, но мне сейчас кажется, как бы у Вас не вышло несогласованности.

Пред[анный] Вам Макл[аков]

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Подчеркивание предположительно рукой Руднева.

² Речь идет о неотправленном письме Ф. И. Родичева В. А. Маклакову от 18 февраля 1932 г. Родичева Александра Федоровна (1883–1971), младшая дочь Ф. И. Родичева, с 1920 г. в эмиграции в Швейцарии.

³ В собрании Маклакова в Гуверовском архиве находится, наряду с машинописной копией письма Родичева, сопроводительная записка П. П. Гронского, на бланке ПН: «Дорогой Василий Алексеевич. Дочь покойного Ф. И. Родичева прислала мне копию письма его к Вам, датированного еще 18 февраля 1933 г. [так в тексте, на самом деле — 1932 г.]. Разбирая бумаги отца, она нашла и это письмо. Пересылаю Вам его; в нем есть много интересных замечаний по поводу Ваших статей в “Современных записках”. Искренне Вам преданный Пав. Гронский» (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 11. F. 15). Гронский Павел Петрович (1883–1937), юрист, приват-доцент Петербургского университета, член ЦК партии кадетов с 1916 г., депутат IV Государственной Думы; с конца 1917 г. на белом Юге, где принимал деятельное участие в работе Национального центра, был заместителем начальника

управления внутренних дел Особого совещания при А. И. Деникине. В эмиграции с декабря 1919 г., член Парижской демократической группы партии кадетов, затем Республиканско-демократического объединения; преподавал в ряде русских и французских учебных заведений; председатель русской Академической группы в Париже; сотрудник ПН.

75. Маклаков — Рудневу

Paris. 31 июля 1933 г.

В. А. Маклаков

Париж, 31 июля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович, я получил письмо от Родичевой, в котором она меня благодарит за то, что я согласился на напечатание письма Федора Измайловича ко мне в «Современных записках»; она ссылается на Вас. Боюсь, что моя глухота ввела Вас в некоторое заблуждение. Я нисколько не возражаю против того, чтобы Вы это письмо напечатали, и очень ценю Вашу деликатность, что Вы не хотели этого делать, со мной не поговоривши и, насколько я понял, не дав мне возможности, буде я захочу, что-нибудь ответить^{*)}. Но я не понял Вашего обращения так, будто Вы у меня спрашиваете разрешения. Я не считал бы себя вправе давать разрешение на печатание того, что мне не принадлежит. От Родичева письма я не получал, дочь его послала это письмо не мне, и я в глаза не видал его подлинника. Какие же тут у меня на него права? Это письмо все равно что дневник Родичева или какой-нибудь черновик. Если Вы считаете его интересным, печатайте на здоровье, никаких возражений не имею¹; но мне не хотелось бы, чтобы Вы сделали какую-нибудь оговорку, какую можно было бы истолковать в том смысле, что я претендовал на право этим письмом «распоряжаться», а тем более брал на себя «инициативу его напечатания». Тут небольшой нюанс [так], но надеюсь, для Вас он не имеет значения; а мне вообще не свойственно отдавать в печать личную переписку со мной. Если бы это письмо *нормальным* путем дошло до меня, я, наверное, его бы в печать не давал; буде родственники не попросили бы меня вообще возвратить им всю переписку, которая у меня была с Родичевым; так же, как это я сделал с перепиской Винавера²; тогда *они* уже распоряжаются ею *как хотят*.

Пред[анный] Вам Мак[лаков]

^{*)} Чего делать *не собираюсь*.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe». Слова «никаких возражений не имею» подчеркнуты, отрывок текста от слов «возражений не имею» до «вообще не свойственно» выделен на полях — предположительно рукой Руднева.

¹ Письмо Родичева было напечатано в СЗ (1933. № 53. С. 278–284).

² Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863–1926), юрист, депутат I Государственной Думы, один из лидеров партии кадетов. В 1919 г. вошел в Краевое правительство в Крыму в качестве министра внешних сношений. С 1919 г. в эмиграции, состоял в парижской группе кадетов левого толка, возглавлявшейся П. Н. Милоковым.

76. Маклаков — Вишняку

Paris. 2 декабря 1933 г.

В. А. Маклаков

Париж, 2 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Марк Веньяминович, возвращаю Вам с благодарностью «Господина из Сан-Франциско»¹, а также и корректуру.

Я предвидел, что отмеченный редакцией абзац ее смутит; я сам очень и очень смягчил первоначальный текст; если и в *этом* виде он Вам показался слишком резким, смягчу его *еще больше*. В сущности, его резкость была *умышленна, подобно тому* как резкость знаменитой струвевской фразы «пойдем на выучку к капитализму»², которая производила сенсацию тогда, когда Вы бегали еще под столом. Но если тем не менее Вам и в этой форме *это* покажется слишком резким и Вы не сочтете достаточным оговорить себя каким-нибудь редакционным примечанием (я не обижусь ни на какую резкость), то дальше в своей уступчивости я все-таки идти *не могу*; это значило бы отказаться не от фразы, а от самой мысли. Я предпочту тогда совсем не помещать присланной Вам статьи.

Я исправил ее на самой корректуре, но во всяком случае для ясности прикладываю Вам новый текст на машинке.

Если Вы без предвзятости отнесетесь к этой фразе, то ввиду всех сделанных мной оговорок она не должна вас смущать. Я потому-то и говорю о *трагизме* — что в интересах России те, кот[орые] *нас возмущают*, — оказались *правее*, чем те, к[ото-ры]м мы сочувствуем. Мое отрицательное отношение к пользе Революции в *тогдашней* России, укорененное в том, что всякая Революция привела бы к *большевизму*, заставляет меня это думать. И я это называю «трагизмом» именно потому, что личные симпатии располагались иначе. В «Сборнике по истории средних веков», к[о]т[орый] когда-то вышел в 2-х томах под председательством П. Г. Виноградова, я писал «О завоевании Англии норманнами». Книга вышла в 96 году, я там высказал ту же мысль³. «Трагизм» события был в том, что все симпатии были на стороне Гарольда, что Вильгельм был лжец и *зверь*⁴. А между тем победы Вильгельма оказались полезны для Англии, и потомки тех, кто его проклинал, считают его Великим Королем. Ту же мысль, что я высказал еще студентом, я повторяю теперь на старости. И от мысли я не откажусь, лучше брошу писать, нельзя — так нельзя, в претензии не буду.

Искренне вам преданный

В. Маклак[ов]

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ «Господин из Сан-Франциско» — рассказ И. А. Бунина. Здесь речь явно об одноименном сборнике Бунина (Париж: Русская земля, 1921).

² Маклаков цитирует часть действительно знаменитой фразы П. Б. Струве «признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» из его книги «Критические

заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) — первого манифеста марксизма в российской легальной литературе.

³ Имеется в виду издание: Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей/Под ред. П. Г. Виноградова. М., 1896. Вып. 1. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась, число выпусков выросло до четырех. Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), выдающийся историк-медиевист, профессор Московского и Оксфордского (с 1903 г.) университетов, академик Петербургской АН (1914).

⁴ Вильгельм I Завоеватель (1027 или 1028–1087), герцог Нормандии с 1035 г.; в 1066 г. высадился на побережье Англии и в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г. разбил войско англосаксонского короля Гарольда. Гарольд был убит в бою.

77. Маклаков — Вишняку

Paris. 6 декабря 1933 г.

В. А. Маклаков

Париж, 6 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Марк Веняминович, все хорошо, что хорошо кончается, и я вопрос считаю исчерпанным. Но не могу хотя бы молчанием согласиться с Вами, что прежняя редакция «в журнале, который Вы редактируете» была бы «не эстетична»; я очень считался сам с идеологической связью Вас с теми, кто хотел революцию 905 г. Но раз Вы не партийный журнал и допускаете в этом пункте разногласие, то самая *искусственно* обостренная моя формула не могла, однако, ни в чем оскорбить Вашей идеологии. Не забывайте, что я говорю о «трагизме». Для людей, которые принципиально осуждают и цели, и методы революции, нет ничего трагического в том, что их раздавили. Это нормальное и отрадное явление, подобно тому, как никто не жалеет во время войны о потерях противников. Когда я говорю, что победа над революцией была трагизмом, то это большой *hommage*¹, который я отдаю всем тем, кто тогда руководился *действительно* идеологией Вашей партии. Делаю эту оговорку потому, что в одной кампании сидели и идеалисты, и большевики, и идеалисты сами не могли предвидеть, к чему бы привела их победа. Если бы мы могли задним числом переделывать историю и предвидеть то, чего не произошло, то я сейчас скажу, что победа революции в феврале 917 г. оказалась несчастьем России, и в этом ее «трагизм», так же, как трагизм в том, что *счастьем* России в 905 г. оказалась победа реакции.

Предан[ный] Вам Макла[ков]

М. В. Вишняку

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ дань уважения (франц.).

78. Маклаков — Рудневу
Paris. 21 февраля 1934 г.

В. А. Маклаков

Париж, 21 февраля 1934 г.

Дорогой Вадим Викторович,
Рубинштейну¹ я написал, не без внутренней тошноты. Что касается Юркевича², то лучше, если бы Вы обратились к нему сами; его адрес: 3, rue Ribéga. Это инженер, который прославился тем, что по его чертежам был построен «Нормандия», самый дорогой и самый бесполезный пароход французского правительства.

Ваш Маклак[ов]

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Вероятно, имеется в виду Я. Л. Рубинштейн (о нем см. публикацию в наст. изд.).

² См. примеч. 1 к п. 66.

79. Маклаков — Рудневу
Paris. 1 июня 1934 г.

Дорогой Вадим Викторович,
получил для «С[овременных] з[аписок]» — 1000 fr. от Рахманинова. Что с ними делать?

Ваш Маклаков

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff 6, rue Daviel Paris», адрес отправителя: «57, rue de l'Abbé Groult Paris XVe»; почт. шт.: «Paris, 1.VI.1934», «Paris, 2.VI.1934».

80. Руднев — Маклакову
Б. м. После 1 июня 1934 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Получил сейчас Ваше письмо, с доброй вестью о рахманиновском даре. Большое спасибо и за весть, и, прежде всего, за проявленную Вами в этом деле о 1000 fr. Большое, душевное спасибо. Знаем, что только Вашему настойчивому воздействию на Рахманинова мы обязаны положительным результатом хлопот.

Звонил к Вам по телефону, чтобы поблагодарить Вас и условиться, когда зайти, — но Вас не застал. Что, если я к Вам зайду во вторник, во второй половине дня, предварительно, разумеется, справившись, свободны ли Вы? Тогда же поговорим и об очередных делах литературных.

Публикуется по черновому автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Датируется по содержанию.

81. Маклаков — Фондаминскому

Paris. 1 июля 1934 г.

В. А. Маклаков

Париж, 1 июля 1934 г.

Дорогой Илья Исидорович,
завтра я уезжаю в отпуск; если будете мне отвечать, пишите на мой адрес: 5, rue Reguу, я еще не знаю, где я остановлюсь.

Хочу поставить Вас в курс того, что я сделал. С тех пор, как зимой Вы говорили мне про книгу, я стал к этому готовиться и поневоле увлекся. В результате книга будет готова к осени; мне остается только первая глава, которую я напишу во время вакантов. Она вся радикально переделана в связи с тем, что печаталось; до такой степени, что пользоваться печатным текстом для набора придется только на 20 или 30 страницах; все остальное написано вновь. Прибавлены две главы; о моем студенчестве и та первая глава, которую еще не написал, где я буду говорить о своих юношеских наблюдениях над старшим поколением; в нее войдут и воспоминания о Любенкове и Голохвастове¹ и еще много другого. Вся эта книга будет объединена одной мыслью, и для меня в этом ее интерес. Доходит время до 1-й Государственной Думы, но последняя глава посвящена оценке нашей конституции 906 г.²

Теперь вот что: если «Современные записки» будут выходить, то у меня готово и написано книжек на 6. Поэтому я дожидаться с этим не хочу; если возможность издания отдельной книжки осуществится, то я это сейчас сделаю, а если окажется, что, несмотря на неблагоприятные внешние условия, книжка может разойтись, то я, может быть, напишу и 2-ю, начиная с 1-й Думы до войны, под заглавием «Россия при конституции». А затем уже наверное же напишу третью, начиная с войны и кончая изгнанием. Но я могу ее не писать, из первых двух книжек будет ясно и то, что произошло и как я к этому отношусь.

И во всем том, что я делал, Вы виноваты, но я Вас не виню; но зато серьезно прошу Вас подумать, есть ли какие-нибудь шансы такую книжку издать, ибо если нет, то я все-таки же напишу первую главу, предоставив издать все это уже после моей смерти, на писание этой главы не буду тратить летнего отдыха.

Скажите же мне по всему этому Ваше мнение.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Голохвастов Павел Дмитриевич (1838–1892), историк-славянофил, публицист, филолог. Служил мировым судьей в Звенигородском уезде. По поручению министра внутренних дел Н. П. Игнатъева (назначившего его чиновником особых поручений) в 1882 г. составил проект манифеста о созыве Земского собора, однако после того, как эта идея была отвергнута императором Александром III, вышел в отставку.

² Имеются в виду Основные законы 23 апреля 1906 г., согласно которым Россия де-факто становилась конституционной монархией, хотя самого ненавистного императору Николаю II слова «конституция» в тексте Основных законов не было.

82. Фондаминский — Маклакову*Leysin. 12 августа 1934 г.*

12 VIII 1934. Hôtel Belvédère, Leysin

Дорогой Василий Алексеевич,
 простите, что не сразу отвечаю: вот уже полгода, как я живу в Швейцарии, в санатории с больной женой. А письмо Ваше мне переслали сюда не сразу, и не сразу взялся за ответ. Книгу Вашу, насколько я могу судить по зимним переговорам, издать можно, в особенности если Вы согласитесь часть расходов взять на себя (в надежде, что эти расходы покроются продажей). Для того чтобы дать Вам ответ, я должен буду вступить в переписку со «складчиками» (издание будет «Соврем[енных] записок»). Но прежде чем сделать это, я хотел бы получить от Вас ответ на два вопроса: 1) количество *знаков* (Вы знаете, что их надо считать с промежутками между словами — в этих скобках 63 знака) в Вашей книге; 2) согласны ли Вы внести на издание сумму не больше 3 тыс. франков. На второй вопрос Вы можете ответить откровенно, ибо я буду защищать Ваши интересы *до конца*. Буду стараться, чтобы Вам не пришлось вносить ни сантима. А если это не удастся, буду отстаивать каждый франк. Разумеется, я не подпишу соглашения, не сообщив Вам условий и не получив Вашего согласия. Цифру 3 т. я называю, исходя из того, что в книге 20 листов (формата «Совр[еменных] зап[исок]») — в таком случае это максимальная цифра. До получения от Вас ответа я вступать в переписку со складчиками не буду, тем более что сейчас «каникулы». Очень горжусь тем, что по моей «вине» Вы написали книгу, и рад буду все сделать, чтобы она вышла в свет.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

83. Фондаминский — Маклакову*Grasse. 21 октября 1934 г.*

21 X 1934

Villa Beau-Site, Grasse (A[lpes-]M[aritimes])

Дорогой Василий Алексеевич,
 я получил Ваше письмо в Leysin, но при всех усилиях трех лиц (Ам. Ос. [Фондаминской], меня и Зензинова) разобрать его не мог. Т. к. Вы были в разъездах, а я тоже должен был по делам уехать в Данциг, то я отложил этот вопрос на осень. Сейчас я перевез Амалию Ос[иповну] в Грасс и останусь здесь две недели — потом опять уезжаю в Данциг. Хочу использовать это время, чтобы попытаться издать Вашу книгу. Потому прошу Вас снова ответить мне на два вопроса — но на этот раз на машинке: 1) Сколько листов в Вашей книге (считая по 40 т. знаков в листе); 2) Какую сумму Вы согласны затратить на издание (я предлагаю до 3 т. фр.). Побочный вопрос: готова ли Ваша рукопись к печатанию и, если нет, когда будет готова.

Повторяю, что уже писал: я буду защищать Ваши интересы как лев и не подпишу договора, не получив Вашего согласия. Но для ведения переговоров мне надо знать, на что я могу идти.

Амалия Ос. [Фондаминская] чувствует себя значительно лучше, но должна еще всю зиму провести здесь. Потому и я могу бывать в Париже только проездом. Зиму я проведу частью здесь, частью в Данциге.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

84. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 2 ноября 1934 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 2 ноября 1934 г.

Дорогой Илья Исидорович,
я перед Вами виноват гораздо больше, чем Вы передо мною, и у меня нет таких уважительных отговорок, как у Вас. И тем не менее я две недели Вам не отвечал и तो роплюсь теперь, чтобы письмо Вас застало.

Мне вообще представлялось, что положение русских повсюду делает вопрос об издательстве праздным; кто теперь может книги покупать и кому стоит их издавать; и я работал, не очень торопясь, как будто только затем, чтобы оставить рукопись своим наследникам. Но раз Вы мне об ней напоминаете, то скажу следующее:

Я затрудняюсь сказать, сколько в моей книге будет листов, так как, написав новые главы, вижу, что кое-что приходится переделывать в следующих в смысле сокращения, и эту работу я не кончу раньше Рождества. Следовательно, пока бы я мог сказать только очень приблизительно.

Кроме того повторяю то, что писал в не разобранным Вами письме. Я удивился, когда узнал, что хотят издавать «Современные записки»; я думал, что Вы издательством больше не занимаетесь. Но тут меня смущает одно: в какой мере и здесь будут действовать политико-цензурные условия. А затем очень жалею, если Вы сюда не приедете. Я хотел бы не только с Вами обо многом поговорить, но и дать Вам кое-что прочесть в том, что уже готово. Вам будет ясен общий характер книги.

Мой поклон Амалии Осиповне [Фондаминской]. Она хорошо сделает, что проведет зиму на юге. У моей сестры был тоже туберкулез в свое время, от которого она радикально излечилась.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

85. Маклаков — Рудневу

Б. м. 7 ноября 1934 г.

7 Nov.

Дорогой Вадим Викторович!

Если Вы дотянете до весны, то уверен, что Р[ахманинов] ту же сумму даст. Но интереснее Детердинг¹. На ~~Лидию~~ Лидию Павловну² рассчитывать нечего. Ей все говорила моя сестра, но раз она не реагировала сразу, то едва ли это сделает. Она — дама недостаточно серьезная. Но вот что предлагает моя сестра. У Детердинга, Henri, есть секретарь — русский, кн. Сумбатов. Я его лично тоже немного знаю, с сестрой он хорош. Он человек культурный и может помочь, поговорить непосредственно с Детердингом. Моя сестра охотно ему напишет; но как писать и о чем просить? Обидно просить об одной тысяче, но он не пойдет на 26 тыс[яч]. Как лучше поставить дело? Я Вам советую вопрос этот решить [?] с моей сестрой, и не откладывайте. Скоро она уедет на месяц или два. Пока же здесь и Сумбатову готова написать.

Преданн[ый] Вам

В. Маклаков

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Год установлен по содержанию. Внизу приписка рукой Руднева: «Тел. Р. О. Jasmin 04–02». На оборотной стороне — отрывочные записи Руднева, предположительно перечисляющие возможных меценатов.

¹ Детердинг (Deterding) Генри (1866–1939), крупный предприниматель, «король нефти». С 1902 г. — генеральный директор нидерландской нефтяной компании «Ройял датч». С 1907 по 1936 г. возглавлял англо-нидерландскую нефтяную компанию «Ройял датч-Шелл». В архиве Руднева сохранилась машинописная копия письма к Детердингу конца 1934 г. на английском языке с просьбой о финансовой поддержке для СЗ (см.: наст. изд. Т. 1. С. 99–100).

² Детердинг (урожд. Кудеярова, в первом браке Багратуни) Лидия Павловна (1904–1980), жена Г. Детердинга, благотворительница, общественный деятель.

86. Маклаков — Рудневу

Paris. 5 декабря 1934 г.

В. А. Маклаков

Париж, 5 декабря 1934 г.

Дорогой Вадим Викторович,

во-первых, частный вопрос.

Я не был в курсе Ваших переговоров с Федоровой; но вчера она мне сказала, что ждет от Вас каких-то дополнительных сведений, которых Вы ей не прислали; боюсь, нет ли здесь недоразумения, и потому спешу Вас об этом уведомить.

Но главное совсем не в этом; прилагаю Вам при сем письмо на Ваше имя Долгорукова¹; он представил его в мое распоряжение, отдать ли Вам в таком виде или просить сделать какие-нибудь изменения. Я предпочитаю сказать все начистоту, но пока Вам лично, не для доклада Вашим сотоварищам; раньше этого хотел бы с Вами говорить.

Дело вот в чем: весной я получил от Долгорукова письмо, в котором он жаловался на Коковцева², назвавшего имя его покойного брата³ в связи с кадетской интригой против займа⁴. Говорил, что слышал от брата, что это неправда и советовался со мной, как воздействовать на Коковцева, чтобы он это исправил; причем спрашивал меня, который в 1906 одновременно с П. Д. Долгоруковым был в Париже, что там действительно происходило?

На это я ответил приблизительно следующее: во-первых, что туманный намек Коковцева⁵ совершенно исчезает за другим фактом, который он, по-видимому, не заметил, а именно за тем, что Милюков, реферируя в «Последних новостях» книгу Коковцева, подтверждает, что Долгоруков вместе со мной (которого Коковцев не назвал) против займа «интриговал» и что Коковцев напрасно ставит это на счет кадет, ибо кадетский комитет тогда нас «дезауировал». Со стороны Милюкова все это не только неправда, может быть неумышленная, но во всяком случае прием весьма сомнительный, так как он на покойного Долгорукова взваливал не только несуществующие интриги, но и порицание партийных товарищей. Я писал Долгорукову, что ему было бы гораздо правильной войти в переписку с Милюковым и просить *его* исправить ту неправду, которую *он* допустил. Но, во-вторых, нельзя просто ограничиться отрицанием факта; в той форме, о которой рассказывала русская сплетня, интриги против займа не было, но тем не менее кое-что было, и я не могу даже на вопрос ко мне Долгорукова ответить просто «да» или «нет». Но у меня готова глава об этом эпизоде, я ему посылаю с условием никому ее не показывать, но из нее он увидит, *что* действительно было и *что* он хочет опровергать. Уже осенью я получил ответ. Долгоруков очень просил меня поскорее напечатать эту главу, говорил, что с Милюковым ему разговаривать не хочется и, когда он был в Праге, он с ним не виделся. Но так как по моим словам он знал, что если только моя глава появится у Вас, то очень не скоро, ввиду медленности печатания и наконец хронологического порядка событий, то он просит меня ввиду экстренного интереса напечатать ее не в очередь немедленно.

Я ответил ему, что лично никаких возражений против этого не имею и готов это сделать, но что инициатива этой просьбы должна исходить от него. Так и нужно мотивировать, что ввиду неточных сведений, появившихся в книге Коковцева, он обратился ко мне, и т. д. Кроме того, я сказал, что я прошу его об этом написать в «Современные записки» *самому*. Тут щекотливый пункт. В своей главе я не могу не упомянуть о том, что я возражаю не столько Коковцеву, сколько Милюкову; не могу не коснуться и вопроса о якобы состоявшемся нашем дезауировании. Словом, что у меня будет несколько фраз, направленных против Милюкова. Между тем я чувствую, что полемика с Милюковым Вас вообще стесняет; особенно Вишняка, который после закрытия «Дней»⁶, по-видимому, собирается писать в «Последних новостях» и уже с Милюковым обменивается там комплиментами. Все это я говорю *Вам* в объяснение и, конечно, этого не писал Долгорукову. Я вовсе не хочу иметь вид человека, который специально собирается грызть Милюкова, как он это, по-видимому, *сам* думает. Так или иначе я *от себя* просить Вас о выделении этой статьи не хотел, да и вообще не знал, буду ли я у Вас продолжать свои воспоминания, или они Вам более не ко двору.

На это мне ответил Долгоруков письмом, с приложением письма к Вам, которое я Вам и отсылаю. Вот что пишет мне Долгоруков по поводу того, что он письмо не отослал сразу к Вам. «Для меня неясно, насколько практичен избранный путь; во-первых, политически я, может быть, дальше Вас от редакции “Современных записок”, а затем с моей стороны это была бы лишь просьба, которую они могут отклонить, а с Вашей стороны это будет непререкаемое требование автора».

Как видите, Долгоруков очень далек от тех мотивов, по которым я хотел переложить именно *на него* разговоры с Вами. Между прочим, Долгоруков кончает свое письмо ко мне такими словами: «Расхождение наше с Милюковым мне очень больно, и не только потому, что занятую им позицию считаю вредной с общественной и политической точки зрения, но и потому, что знаком с ним 58 лет, а мне 68, он был товарищем по гимназии и университету моего старшего брата».

Теперь заключение. Я не хочу иметь вида человека, который отказался бы реабилитировать память Долгорукова, тем более что из моих воспоминаний ясно, что если кто-либо в эпизоде с займом виноват, то это только я, а никак не Долгоруков. Я бы мог поэтому исполнить желание Долгорукова и самому написать Вам предложение очистить память покойного напечатанием моих воспоминаний. Этим я одним⁷ за отказ возложил бы на Вас. Вы понимаете, что мне этого не хочется, и я хотел бы все дело уладить миролюбиво. Но потому раньше посылаю все Вам и прошу Вас сказать мне свое мнение, в какой мере, *что* возможно. После этого мне придется дать Долгорукову какой-нибудь ответ, по существу, если бы мы даже и интриговали против займа, никто нам этого в вину теперь не поставил бы. Я плохо понимаю Долгорукова, к[о]т[орый] считает своего брата «опозоренным». Но меня еще больше удивил Милюков, кот[орый] без всякой надобности счел нужным все это повторить и подчеркнуть, будто мы были «дезаурированы». Он это еще раз повторил уже лично про меня одного, добавив, что он участвовал в «осуждении» меня, и что будто это доказывает, что я был левее его. Зачем он все это говорит, когда *это неправда* — я не знаю. Кое-что он забыл, а главное: Юпитер, ты сердись... Но из всех форм защиты Долгорукова — я считаю единственно возможной откровенный рассказ о том, что было. Было 4 человека, это все знают — я, Долгоруков, Нессельроде⁸ и Кальманович⁹. Долгоруков и Нессельроде умерли, Кальманович — где-то в России, и я *остался* один. Мне невозможно молчать. Я могу не ответить Коковцеву, не ответить Милюкову, но не могу не ответить Долгорукову¹⁰... Итак, подумайте.

Вас. Маклак[ов]

Возможно, что Вы предварительно хотели бы ознакомиться с этой главой; она в Вашем распоряжении.

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Письмо на бланке с адресом: «19, place du Commerce — Paris XV».

¹ Долгоруков Петр Дмитриевич, кн. (1866–1951), помещик; земский деятель, один из основателей и член ЦК партии кадетов; депутат I Государственной Думы, был лишен избирательных прав за подписание Выборгского воззвания. С ноября 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Праге. В 1945 г. арестован СМЕРШем («Смерть

шпионам» — советская контрразведка), вывезен в СССР и приговорен «за принадлежность к контрреволюционной организации» к 5-летнему тюремному заключению. Заключение отбывал во Владимирской тюрьме, как инвалид 1-й группы находился в тюремной больнице. Несмотря на то что срок заключения истек в июне 1950 г., был оставлен в тюрьме, где и скончался.

² Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич (1853–1943), граф (1914), государственный деятель и финансист. На государственной службе с 1873 г.; сенатор (1900), статс-секретарь (1905), член Государственного Совета (1905); в 1896–1902 гг. — товарищ министра финансов; в 1904–1905 и 1906–1914 гг. — министр финансов; в сентябре 1911 — январе 1914 г. — председатель Совета министров; с января 1916 г. — председатель 2-го департамента Государственного совета. В 1917 г. член Совета Русского для внешней торговли банка. В ноябре 1917 г. уехал в Кисловодск; в мае 1918 г. вернулся в Петроград; в июне 1918 г. был арестован ЧК, причем его допрашивал председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий; в июле 1918 г. освобожден; в начале ноября нелегально перешел границу с Финляндией и перешел на положение эмигранта. Через Швецию и Англию добрался до Франции, где стал председателем правления International Bank of Commerce (бывшее отделение Петроградского международного коммерческого банка [Париж]). В 1933 г. в Париже выпустил воспоминания «Из моего прошлого. 1903–1919» (в 2 т.).

³ Долгоруков Павел Дмитриевич, кн. (1866–1927), помещик; участник земского движения, один из основателей и член ЦК партии кадетов (в 1905–1907 гг. — председатель ЦК); депутат II Государственной Думы. Участник Белого движения. В эмиграции с осени 1920 г., жил в Константинополе, Белграде, Париже, Варшаве. Дважды нелегально переходил советскую границу, один раз был арестован, но не опознан и выслан из страны (1924), вторично (1926) узнан и после 11-месячного заключения в Харьковской тюрьме расстрелян «в ответ» на убийство советского полпреда в Польше П. Л. Войкова.

⁴ Павлу Д. Долгорукову поступила в вину поездка во Францию в 1906 г. с целью противодействия получению русским правительством займа от французских банков. Долгоруков, как и другие кадеты, считал, что займы должны получаться только с согласия народного представительства.

⁵ В мемуарах В. Н. Коковцова о попытке Павла Д. Долгорукова вместе с другим оппозиционером, гр. А. Д. Нессельроде, помешать заключению российским правительством займа на самом деле говорилось вполне определенно, хотя и коротко. См.: *Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг.* М.: Наука, 1992. Кн. 1. С. 139–142.

⁶ Еженедельник «Дни» прекратил свое существование в 1933 г.

⁷ одиум (лат. odium) — нареканья.

⁸ Нессельроде Анатолий Дмитриевич, гр. (1850–1923), крупный землевладелец, коллекционер, меценат; служил в Министерствах юстиции, финансов, иностранных дел; был товарищем (заместителем) прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты; вышел в отставку по семейным обстоятельствам. Жил в своем имении в Саратовской губернии, избирался уездным предводителем дворянства, был видным земским деятелем. В конце 1905 или начале 1906 г. уехал во Францию, объявил о своем разрыве с русским правительством в знак протеста против правительственного террора, демонстративно сложил с себя звание камергера. Натурализовался во Франции (вторым браком был женат на француженке).

⁹ Кальманович Самуил Еремеевич (1858 — не ранее 1930), присяжный поверенный, общественный деятель. Принимал участие в качестве защитника в ряде политических процессов, в том числе совместно с Маклаковым. Участник Белого движения, товарищ министра юстиции Северо-Западного правительства. Эмигрировал, затем вернулся в СССР.

¹⁰ Письмо кн. Долгорукова к Рудневу от 17 ноября 1934 г. сохранилось в американской части архива Руднева (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). В первой части письма речь идет о публикации мемуарной статьи о Е. К. Брешко-Брешковской (см.: *Долгоруков П. Д. Три встречи: Памяти Е. К. Брешко-Брешковской* // СЗ. 1934. № 56. С. 398–402); Долгоруков

продолжает: «А затем вот еще какое дело. Гр. Коковцев, очевидно, по неведению, в своих воспоминаниях написал, что мой брат Павел с Маклаковым интриговал в 1906 г. в Париже против заключения там русского правительственного займа. Со слов моего брата я знаю, что этого не было. Я обратился с разъяснением к В. А. Маклакову. Он написал мне, что весь этот эпизод подробно описан в его воспоминаниях, идущих в “Соврем[енных] записках”, но что до этой части воспоминаний очередь не дойдет, пожалуй, раньше года и что, если я хочу, базируясь на ней, реабилитировать моего брата, то чтобы я обратился в редакцию журнала с просьбой напечатать эту часть воспоминаний в первую очередь и вне очереди. При этом он уполномочил меня заявить, что он с своей стороны согласен на такую перестановку. Так вот, Вадим Викторович, я очень просил бы сделать таким образом, если это возможно. Торопиться с этим вопросом заставляет меня престарелый наш возраст, особенно Коковцева. А затем реабилитация эта важна для меня и потому, что мы лишились теперь решительно всего, и единственное, что у нас осталось, — это наше доброе имя. И, наконец, даже с точки зрения общественной и исторической восстановления истины в этом эпизоде имеет некоторое значение. Всего хорошего. Жму Вашу руку. Преданный Вам П. Долгоруков».

87. Маклаков — Рудневу

Paris. 19 января. Б. г. Не позднее 1935 г.

19 я.

Дорогой Вадим Викторович!

Какой Вы греховодник, что забыли про письмо из Мексики. Оно было очень спешное, и боюсь, что теперь срок пропущен.

Теперь к делу.

«Личное» одолжение Вам (о Г. Е. Львове) с удовольствием сделаю. Но по правде я Вас не понимаю. Я не хотел этим вредить Львову, напротив: хотел назвать его прекрасным русским политиком, каким он и был. И мне жалко не отдать ему этого *hommage*. Но сказать только *это* было тоже невозможно. Я и сказал то, с чем Вы согласны. Что я не сказал — сам я фраз[у] переменял, сказав вроде следующего [?], — «прекрас[ный] человек», сами качества кот[орого] мешали ему в то исключительно трудное время, в к[о]т[ором] общее доверие привело его к власти, и которое требовало совсем другого характера»... Но чем править, могу все выброс[ить]. Вы, конечно, правы, что моя характеристика недостаточна, суммарна, но она и правильна, и полит[ически] честнее¹.

Теперь — сократить. Я не отказываюсь. Не потому, что первые страни[цы] были не нужны, но они не новы. Нечто подобное я раньше уже говорил, но печатание так затянули, что для цельности впечатлений не первый раз *повторяюсь*. Это одна из причин, поч[ему] я не мог бы печатать все это отдельной книгой. Но тут я Вас не понял; Вы говорите «5-страничный». Постараюсь исполнить Ваше желание и выкинуть 5 стран[иц] или, если не 5, то 3... Говорю наобум; может быть, и больше — не знаю. Но тогда верните мою рукопись; это нел[язя] механически сокращать. Надо будет заменять и переделыв[ать].

За критические замеч[ания] благодарю. Проверю.

Вот кажет[ся] все. Рахма[нинов] не дает.

Вас. Маклаков

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult – Paris XVe» (см.: Илл. 10).

¹ Львов Георгий Евгеньевич, кн. (1861–1925), землевладелец, лидер земского движения; депутат I Государственной Думы; вступил в партию кадетов, однако вскоре ее покинул, сохраняя, впрочем, «большие личные отношения с кадетизмом» (П. Н. Милоков). Глава Временного правительства в марте – июле 1917 г. В 1918 г. эмигрировал во Францию, в декабре 1918 – июле 1919 г. – председатель Русского политического совещания в Париже; член Русской политической делегации за границей. Председатель образованного в феврале 1921 г. Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей.

88. Маклаков – Рудневу *Paris. 13 февраля 1935 г.*

13 Ф.

Дорогой Вадим Викторович!

Вот в чем дело. «Иллюстр[ированная] Росси[я]» обратилась ко мне с просьбой написать статью для 20-летия смерти Витте. Мне некогда. Но я им указал, что я о нем писал в «Современных записках»¹. Они просят разрешения взять оттуда некоторые выдержки и напечатать. Я лично не имею возражен[ий]: при условии, что будет указано, что это взято у Вас, из «С[овременных] з[аписок]». Они на это охотно идут. Но я не знаю, согласны ли Вы на это! Не только в том смысле, что Вы имеете право не соглашаться (я думаю, что через 2 года перепечат[ку] делать можно), но просто в моральном. Я сказал им, что спрошу у Вас. И прошу Вас мне ответить скорее. Я думаю, что если Вы разрешали печатать *раньше*, чем у Вас появитс[я], то тем более нет оснований запретить печатать *post factum*. И [ведь] это реклама.

Ответьте, пожалуйста, поскорее, т. к. событие приближается².

В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ «Портрет» и анализ государственной деятельности С. Ю. Витте см.: *Маклаков В. А. Из прошлого // СЗ. 1931. № 47. С. 323–351; 1932. № 48. С. 346–354.*

² Фрагмент воспоминаний Маклакова о Витте был напечатан в «Иллюстрированной России» (1935. 16 марта. № 12 [594]. С. 1–3) под названием «Граф С. Ю. Витте (Выдержки из воспоминаний В. А. Маклакова)». Публикация в самом деле могла служить рекламой. В редакционном предисловии говорилось: «Воспоминания из прошлого [так! – О. Б.] В. А. Маклакова, печатающиеся с 1929 года в журнале “Современные записки”, представляют исключительный интерес и являются серьезным вкладом в русскую историю» (Там же. С. 1).

89. Маклаков – Рудневу *Paris. 1 марта 1935 г.*

1 М[а]р[та]

Дорогой Вадим Викторович,

я оставил для Вас рукопись на Пушкинском комитете¹, где я быть не мог, но и Вы не были. Теперь я унес ее домой. Если она Вам нужна, куда ее прислать?

Вы также ушли, а п[отому] я говорю, я Вам писал, что Р[ахманинов] опять *все* отдает на благотворит[ельность] и что концерт опять идет под флагом моей сестры². Значит, как будто, все будет по-старому.

В. Макла[ков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по почт. шт. Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff 51 rue George[s] Sorel, Boulogne s[ur] Seine», адрес отправителя: «57, rue de l'Abbé Groult Paris XVe»; почт. шт.: «Paris, 2.III.1935», «Boulogne-Billancourt, 3.III.1935».

¹ Центральный Пушкинский комитет был образован в Париже в феврале 1935 г. для подготовки празднования 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина. Хотя юбилей смерти, возможно, не самый лучший повод для праздника, тем не менее он стал для эмигрантской общественности поводом для того, чтобы отдать дань роли Пушкина в русской культуре. Председателем президиума Пушкинского комитета был избран В. А. Маклаков, товарищами председателя — П. Н. Милоков, М. М. Федоров, И. А. Бунин. За два года подготовки к празднованию в Комитет вошли многие видные деятели эмиграции, преимущественно парижане: Георгий Адамович, Константин Бальмонт, Александр Бенуа, Владимир Бурцев, Мария Германова, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Сергей Рахманинов, Марина Цветаева, всего 60 человек.

² Маклакова Мария Алексеевна (1879–1957), незамужняя сестра В. А. Маклакова, его «домоправительница», принимала активное участие в различных культурных и образовательных начинаниях русской эмиграции.

90. Маклаков — Рудневу

Paris. 4 апреля 1935 г.

4 ап.

Дорогой Вадим Викторович!

Порядка ради сообщите мне, дошла ли до Вас моя рукопись — я послал ее на Daviel. Но Вы меня не известили и не сказали, достаточно ли сокращений.

О Вашем деле — говорил со всеми, от кого это зависит, и надеюсь, Федоров II Ваш; Р[ахманинов] у я сам[ом] у сказал на концерте — но там было неудобно говорить.

В. М.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по почт. шт. Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff 6, rue Daviel Paris», адрес отправителя: «57, rue de l'Abbé Groult Paris XVe»; почт. шт.: «Paris, 5.IV.1935».

91. Маклаков — Рудневу

Paris. 21 апреля. Б. г. Не позднее 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Посылаю Вам корректуру; простите, что задержал. Хотел посмотреть, что можно еще выбросить, и не успел. Но у меня к Вам просьба. Мне хочет[ся] до лета дописать всю первую часть, до созыва Думы. Так как рукопись у Вас и Вы едва ли мне сможете

ее вернуть, то пришлите мне один экземпляр сверстанной корректуры. А то в моем ко[м]пле[к]те будет дыра, т. к. копию я при переделке куда-то выбросил.

Вас. Маклаков

21 А[п]р.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

92. Маклаков — Рудневу *Paris. 2 июля 1935 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 2 июля 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Я получил год тому назад письмо от некоего Гофштетера, в котором он мне пишет между прочим, что прислал Вам («Современ[ным] запискам») для напечатания рукопись под заглавием: «Что есть истина (шаткость марксистской теории познания)». Это его письмо я положил в карман, в котором его обнаружил сейчас, уже через год. Написал ему на всякий случай, не зная, жив ли он и не переменял ли адреса? Теперь получаю от него ответ, где он повторяет свою просьбу справиться у Вас, имеется ли у Вас эта его рукопись, и в таком случае просить Вас ее ему вернуть. Чтобы облегчить Вам это, я предлагаю Вам прислать ее мне; я ему буду писать и, следовательно, могу эту рукопись отослать. Этот Гофштетер, по-видимому, сотрудничает и в других журналах, кажется, в «Пути»¹.

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Речь идет об Ипполите Андреевиче Гофштетере (1860–1951), публицисте, в 1880–1890-х гг. участнике народнического движения; в России печатался в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «С.-Петербургских ведомостях», затем в «Новом времени»; в эмиграции публиковал в «Пути» статьи на религиозно-философские темы. В СЗ не печатался. В архиве Руднева сохранились две недатированные почтовые открытки Гофштетера; в первой автор спрашивается о судьбе своей рукописи, а во второй просит ее вернуть (РАЛ. MS. 1500/4).

93. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 10 июля 1935 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 10 июля 1935 г.

Дорогой Илья Исидорович,

очень хотел бы продолжать с Вами разговор, начатый в тот раз; мне кажется, является возможность договориться. Но я позабыл Вас адрес и пишу на ура. Был бы очень Вам благодарен, если бы Вы мне сообщили, когда можно было бы с Вами повидаться.

И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

94. Маклаков — Рудневу
Paris. 10 июля 1935 г.

В. А. Маклаков

Париж, 10 июля 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Я Вам писал уже давно; но Вы мне ничего не ответили. Я передавал Вам просьбу Гофштетера вернуть ему его рукопись, посланную в «Современные записки», «Что есть истина». Он жаловался, что Вы ему не отвечаете. А второе от себя: когда же Вы мне пришлете оттиски¹?

Преданный Вам В. Макла[ков]

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ См.: *Маклаков В. А.* Из прошлого // СЗ. 1935. № 58. С. 258–273.

95. Маклаков — Рудневу
Paris. 20 июля 1935 г.

В. А. Маклаков

Париж, 20 июля 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!

В Пушкинском комитете я только передаточная инстанция и ни за какие бумаги, мною подписанные, не отвечаю, и записки, о которой Вы пишете, я не только не составлял, но с нею даже не знаком и в первый раз услышал про Дубровского от Вас¹. Говорите лучше с Федоровым².

И все-таки я думаю, что нужно разрушить Карфаген, иными словами, прислать мне оттиски.

Преданный Вам В. Макла[ков]

В. В. Рудневу

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Возможно, оперный певец Жорж (Георгий П.) Дубровский (1892–1974), выступавший иногда на праздниках русской культуры.

² Федоров Михаил Михайлович (1858–1949), финансист, товарищ министра торговли и промышленности в правительстве С. Ю. Витте; в годы Первой мировой войны — член Центрального военно-промышленного комитета. В качестве представителя московской организации партии кадетов был направлен в ноябре 1917 г. в Новочеркасск для оказания помощи антибольшевистским силам; способствовал созданию Добровольческой армии; председатель Национального центра, член Особого совещания при генерале А. И. Деникине. С 1920 г. — в эмиграции, жил в Париже, продолжал принимать участие в политической деятельности как член Русского национального комитета. В этом качестве участвовал в 1926 г. в Зарубежном съезде в Париже. Сотрудник, затем редактор (с 1929 г.)

журнала «Борьба за Россию» (1926–1931), основатель и глава ряда фондов и ассоциаций. В 1922 г. Федоров основал и возглавил Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (т. н. «Федоровский комитет»), который оказывал содействие молодым русским эмигрантам (главным образом военным) в получении ими высшего образования. Товарищ (заместитель) председателя Юбилейного Пушкинского комитета.

96. Фондаминский — Маклакову
Paris. 27 августа 1935 г.

27 VIII 1935

130 av[enue] de Versailles, Paris XVI.

Дорогой Василий Алексеевич,

в ближайшее время мы начнем готовить публику к «вечерам» журнала «Совр[еменные] зап[иски]» и с этой целью вести газетную кампанию. Для этого нам нужны имена лекторов и их темы. Позвольте сейчас не спорить с Вами, будете ли Вы делать доклад и на какую тему. Я надеюсь, что Ваш слух окрепнет и что Вы уступите натиску друзей и публики. Но сейчас идет не об этом речь. Сейчас идет речь только о том, чтобы дать нам возможность в нашей кампании указывать Ваше имя в числе лекторов и предполагаемую тему. Это нам необходимо для успеха наших «вечеров». А от успеха «вечеров» зависит судьба журнала. Потому Вы отказать нам не можете. Обещаю Вам, что мы не будем настаивать на Вашем выступлении на том основании, что оно уже анонсировано. На всякий случай сообщаю Вам имена уже согласившихся лекторов: проф. Давыдов¹, пр. Ростовцев, Алданов, Бунин, Милоков, Керенский, Жаботинский², Степун. Предполагаются еще выступления ген[ерала] Головина³ и Мережковского. Темы будут аполитичные. Если Вы не будете возражать, мы озаглавим Вашу тему: «Судьба Л. Толстого». Если придумаете что-нибудь более острое, сообщите поскорее. Когда будете писать, примите во внимание, что мне придется Ваше письмо *читать*. Ваше молчание приму за согласие на тему.

Сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Давыдов Константин Николаевич (1877–1960), зоолог и эмбриолог, в России приват-доцент Петербургского университета, затем профессор Пермского. С 1922 г. в эмиграции, с 1923 г. — в Париже. Читал лекции в Сорбонне, работал в различных исследовательских учреждениях в Париже и в Индокитае. С 1949 г. член-корреспондент Парижской АН.

² Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880–1940), прозаик, поэт, переводчик, публицист; один из лидеров еврейского национального движения, основоположник и идеолог ревизионистского течения в сионизме.

³ Головин Николай Николаевич (1875–1944), военный историк и теоретик, генерал-лейтенант (1917); участник Первой мировой войны, высшая должность — начальник штаба Румынского фронта. В декабре 1918 г. — первой половине 1919 г. в Париже и Лондоне в качестве помощника министра иностранных дел колчаковского и деникинского правительств

С.Д. Сазонова по военным вопросам; летом — осенью 1919 г. — начальник штаба армии А.В. Колчака; с 1920 г. — в эмиграции во Франции. Автор многочисленных работ по истории Первой мировой и Гражданской войны, преподавал в различных военно-учебных заведениях русских эмигрантов, принимал активное участие в их создании.

97. Маклаков — Рудневу
Paris. 28 ноября 1935 г.

Париж, 28 Ноября 1935 года.

Дорогой Вадим Викторович,
глава у меня готова. Вышло меньше листа (19 страниц письма). Куда ее послать? Но почему Вы не прислали мне последней книжки, если я продолжаю быть Вашим сотрудником и даже если не сообщником, то «попустителем» в **выбирании** обирании публики. (Намек на мою лекцию.)

Преданный Вам В. Макла[ков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

98. Фондаминский — Маклакову
Paris. 29 ноября 1935 г.

29 XI 1935

Дорогой Василий Алексеевич,
посылаю билет на банкет Мережковского. Ваше участие *необходимо*. Если хотите, уплатите стоимость обеда (25 фр.). Но это не обязательно. Будете посажены высоко и почетно¹.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Банкет по случаю 70-летия Д. С. Мережковского состоялся 14 декабря 1935 г. в Париже (Хроника. Франция. Т. 3. С. 123).

99. Маклаков — Рудневу
Paris. 2 декабря 1935 г. [?]

2 Дек.

Дорогой В[адим] В[икторович]!

Хотел сегодня Вам послать рукопись, но забыл ее дома. Пошлю завтра.

Теперь по серьезному делу. Вы совершенно правы. Того, что случилось, не предвидел. Помню, как Авксентьев был уверен, что против Р[убинштейна?]¹

маленькая кучка. Он сделал ту же ошибку, что Николай II перед Революцией. И вопли кучки нашли *отклик*, и я не знаю, на чьей стороне *эмиграция*. Большинство не всегда за правду, и глас народа не всегда Божий голос. И Вы правы в том, что, если б Р[убинштейн?] меня *попросил*, я бы не отказал; но согласия его со мной работать было недостаточно. Вышло бы, что я выступил *против него*. Что[?] это[?] пришлось.

Я сочувствую Вашей мысли об обращении. Но оно должно выйти только от третьих, незаинтересованных, *незамешанных* лиц. И я Вам скажу: я уже этого подписать не могу. Я в глазах правых уже сторона, ответчик [?], сообщник и т. д. Таким сейчас является и *Кокковцев*. Если протест во имя достоинства русского имени, во имя христианства, даже не протест, а призыв, с указанием на моральную опасность, на потерю *съездов* [?] с нами, на *провокационный* характер этой кампании (против безобразной [?] статьи Ренникова²), кот[орая] молодежь подведет под репрессии и пойд[ет?] у Вас, то это было бы моральным нашим спасением. Но кто может это написать? Я не могу: у меня разлилось слишком много желчи. Надо бы взять человека вроде Б. Зайцева, т. к. [?] у [?] него [?] друг [?] С. М. Зернова³, и отличный при этом. Я сказал ей про Вас. Она может Вам позвонить[?]. Ее можно использовать для «богемы».

Пред[анный] Вам

В. Макла[ков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен предположительно. На бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Возможно, речь идет о Я. Л. Рубинштейне и той кампании, которая развернулась в связи с его выдвижением на пост представителя русской эмиграции при Нансеновском офисе после смерти прежнего представителя К. Н. Гулькевича в 1935 г. Правые круги эмиграции резко выступали против кандидатуры Рубинштейна, считая, что еврей и к тому же левый не может представлять русскую эмиграцию.

² Ренников (наст. фам. Селитренников) Андрей Митрофанович (1882–1957), писатель, драматург, журналист. В России — сотрудник газеты «Новое время». Участник Белого движения. В эмиграции с 1920 г. в Белграде, где сотрудничал в «Новом времени» М. А. Суворина, с 1926 г. в Париже. Фельетонист газеты «Возрождение».

³ Зернова Софья Михайловна (1899–1972), общественный деятель; с 1921 г. в эмиграции, сначала в Константинополе, в 1921–1925 гг. — в Белграде, где окончила философский факультет университета, с 1925 г. — в Париже. Одна из основательниц Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД), в 1926–1931 гг. — его секретарь. В 1925 г. создала Центр помощи русским эмигрантам в Париже, была до конца жизни его бессменным генеральным секретарем.

100. Маклаков — Рудневу

Paris. Б. д. Не позднее 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!
посылаю Вам переделанную рукопись. Фразу, Вам неприятную, я просто вычеркнул; указанные «погрешности» исправил. Что касается до сокращений, то 5 страниц не натянул; по-моему, их все-таки больше 3 страниц. Из первых 5 страниц,

выкинув почти 2 страницы; затем дальше мелким куском в 3 местах (7, 10, 15) — еще страница; и мелкими сокращениями, к[о]т[орые] сосчитать трудно, еще что-нибудь. Но больше не могу; и вообще если смотреть правку — грех пополам — то я свою половину вношу. Конечно, можно было бы выкинуть еще целые эпизоды, но на это моя рука не подымается.

В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

101. Руднев — Маклакову *Б. м. После 2 января 1936 г.*

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич, в своем заседании 2 января с. г. Комитет Дня русской культуры¹ рассматривал обращенную к нему Пушкинским комитетом просьбу о ссуде в 5000 франков, необходимую ему для начала работы по подготовке юбилейного издания избранных сочинений Пушкина.

Большинством 7 голосов против 6, при 1 воздержавшемся, было принято постановление об условном ассигновании Пушкинскому комитету 3000 фр. — с тем, однако, чтобы деньги не были ему отпущены теперь же из кассы Комитета Д. Р. К., а на эту цель были обращены могущие поступить в будущем платежи от должника Комитета — ~~Русского музыкального общества~~ Очага русской музыки.

Нам, нижеподписавшимся, несогласным с принятым постановлением, — было отказано, со ссылкой на принцип состоявшегося закрытого голосования, в занесении в протокол мотивов нашего несогласия. Считая для себя необходимым зафиксировать письменно эти мотивы, мы обращаемся к Вам, как к председателю Комитета Д. Р. К., с просьбой присоединить это наше заявление к делам Комитета, если невозможно присоединить его к протоколу собрания.

Вышеуказанное решение вопроса о ссуде Пушкинскому комитету мы считаем и продолжаем считать в высшей степени нецелесообразным практически и к тому же крайне неловким к близкой по целям общественной организации.

Казалось бы, мысль об юбилейном, общедоступном по цене издании сочинений Пушкина должна была встретить особое сочувствие со стороны Д. Р. К., с самого начала связавшего свою деятельность с именем поэта: посильная помощь в этом деле Пушкинскому комитету явилась бы одной из форм участия самого Комитета Д. Р. К. в предстоящих юбилейных празднованиях и целесообразным использованием для этой цели части его средств. Но даже если бы большинство Комитета Д. Р. К., по тем или иным, ~~нам неизвестным~~ основаниям, нами во всяком случае не разделяемым, усвоило отрицательное отношение к начинанию Пушкинского комитета, — приходится признать по меньшей мере неудачной самую форму постановления Комитета.

Оно равносильно, конечно, фактическому *отказу* в содействии Пушкинскому комитету. Нельзя в таком случае не пожалеть, что вместо прямого и открытого [разговора] о теме заявления Комитет Д. Р. К. в принятом большинством одного голоса постановлении *как бы укрылся* высказался за *фиктивное* по существу ассигнование Пушкинскому комитету, ибо только таким *мнимым* ассигнованием является отсылка к проблематической возможности поступления когда-то платежей по старой ссуде от давно уже неисправного должника Комитета. Мы не удивимся поэтому, если такое постановление вызовет у Пушкинского комитета, просившего о реальной ссуде на совершенно неотложные расходы, только законное чувство горечи.

А между тем, нужно ли доказывать, насколько самый смысл предстоящего общеэмигрантского чествования памяти нашего национального поэта повелительно требует более, чем когда-либо, дружной и согласованной работы всех причастных к этому торжеству русских общественных организаций. И пример такого тесного сотрудничества должны показать прежде всего находящиеся в Париже центральные организации — Комитет Дня русской культуры и Пушкинский комитет. Благодаря бесспорно в глазах всех авторитету лица, возглавляющего оба Комитета, и ввиду вхождения в них ряда одних и тех же лиц, плодотворное сотрудничество между ними, мы хотим верить, легко, при наличии к тому доброй воли, достижимо в интересах общего дела.

Академический союз

Центральный комитет помощи студентам

Объединение з[емских] и г[ородских] деятелей

Народный университет

Редакция «Современных записок»

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Машинописный текст с поправками рукой Руднева. Год установлен по содержанию.

¹ Комитет Дня русской культуры, точнее, Комитет по устройству Дня русской культуры во Франции — общественная организация, занимавшаяся подготовкой дней русской культуры, ежегодно отмечавшихся во Франции и в некоторых других странах, где проживали русские эмигранты, в день рождения А. С. Пушкина. Председателем этого комитета, как и Пушкинского комитета, был В. А. Маклаков.

102. Фондаминский — Маклакову

Paris. 15 января 1936 г.

15 I 1936

Дорогой Василий Алексеевич,
 писатель Сирин — Владимир Владимирович Набоков, сын убитого Набокова¹ — собирается приехать в Париж (из Берлина) на две недели. 8-го февраля мы устраиваем его вечер, ибо он очень нуждается. 26-го янв[аря] он выступает в Брюсселе. Поэтому из Берлина он должен выехать 21-го января. Он подал прошение о визе во Францию, и ему обещали ее дать. Но он опасается, что виза вовремя не будет дана, и он не сумеет вовремя выехать. Он просит похлопотать в Министерстве иностранных дел, чтобы визу поскорей выслали. Просьба к Вам, а Вы не можете отказать сыну Набокова! Позвоните в Министерство или пошлите *пневматичку*

с просьбой немедленно послать разрешение на визу (в Берлин, во французское консульство) Vladimir Nabokoff. Можете *поручиться*, что это «большой русский писатель», что он едет по «литературным делам» (о вечере писать не надо), что он «вовремя, по истечении визы, покинет Францию» и т. д. Перед Вами ручаюсь я (он остановится у меня). В Министерстве должен быть запрос о визе из Берлина.

Извините, что беспокою Вас, но не могу не исполнить просьбы Набокова и сам прошу Вас, ибо искренне люблю Сирина и хлопочу о его вечере.

Искренне люблюсь Вашим мужеством и от души желаю Вам бодрости и энергии.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), юрист, член ЦК партии кадетов с момента ее основания. В 1917 г. — управляющий делами Временного правительства; в 1918–1919 гг. — министр юстиции Крымского краевого правительства. С апреля 1919 г. в эмиграции, издавал в Лондоне совместно с Милоковым журнал «New Russia». С 1920 г. — в Берлине, редактор газеты «Рулъ», занимал правые, сравнительно со сторонниками Милокова, позиции. Активно участвовал в различных эмигрантских организациях. Погиб при покушении на Милокова во время его публичной лекции в Берлине от руки офицера-черносотенца.

103. Маклаков — Рудневу *Paris. Не позднее 23 февраля 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович!

Возвращаю Вам корректуру. Если бы Вы знали, сколько я для Вашего удовольствия вычеркнул из первоначального текста, то бы не просили меня о новых смягчениях. Я считаю теперешнее поведение Милокова в этом вопросе некорректным и хот[ел] ему это показать. Но спорить с Вами не буду; все останется в таком порядке [?]. У Вас же я исправил самые мелочи.

Стр. 11: Вы не хотите слова непонятно[го] «камлания». Не нужно; но нельзя говорить «утверждение», когда их было *несколько*, и я их перечислил. И вообще, если сказать, как Вы исправили, «этого утверждения», то выйдет, будто Долгоруков¹ обиделся только на то, что Милоков сказал о «дезауирова[нии]»; обида П. Д. Д[олгорукова] *больше*. И потому я говорю «новых и систематических утверждений»... Хотите слово «систематических» заменить словом «повторных» — не возражаю. Но дальше этого в уступках не иду.

Затем в конце. Вы не хотите «без всяких прав и повода». Не понимаю, почему Вы за Милоковым признаете *право* говорить неправду, что соглашаетесь[?]. Потому не уступаю слов «без всякого повода». Они не обида, а извещ[ение].

Тем врем[енем] согл[а]сит[есь], что Милоков, публично устанавливая то, чего не знает, не пожелал ведь меня об этом спросить? Потому, что это *политика*. Я для Милокова чужой, и вот он взводит напраслину. Повод — мои нападки на Милокова в Вашем журнале. Это сведение партийных счетов. Но какой повод лгать на Долгорукова, на покойника, к[о]т[орый] его, Милокова, не осуждал? Никакого, и это я хочу подчеркнуть, и в этом Вы мешать мне не можете.

Вас. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Речь идет о кн. Петре Дмитриевиче Долгорукове.

104. Маклаков — Рудневу *Paris. 24 февраля 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович,
с Милоковым дело улажено. Он будет писать раньше; а я[ем]у дам черновик моей статьи у Вас, с условием, что он им не будет пользоваться, а только избежит того, что оказалось бы ложью¹. Коковц[ев], как[я] это понял, ответит о том, что никакой Комитет нас не дезавуировал, а кадетск[ий] пакт дезавуировал не *нас*, а деятельность *Франко-русского* комитета², от кот[орого] он нас недостаточ[но] отделял.

Но что же его *не* смягчило? *Что же* Помните, что я все смягчил, что Вы хотели? А если ему все же неприятно, то *он* виноват сам. Почему он меня не спросил, прежде чем писать обо мне по слухам. Если я пишу о нем, то только на основе его слов и поступков; я не обижаюсь, когда меня строго ценят, но негоже, когда Милоков про меня лжет! Хотя готов признать его *bona fides*³, но не понимаю, как он меня не спросил. Это «генеральство».

Я не забыл Рах[манинова], но к своему изумлению [?] я не видел Рахманин[ова].

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по почт. шт. Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff. 51, rue Georges Sorel. Boulogne (S[eine])»; почт. шт.: «Paris, 24.II.1936», «Boulogne-Billancourt, 25.II.1936».

¹ Речь идет о статьях, посвященных отношению русских либералов к займу русского правительства во Франции в 1906 г. Статья В. А. Маклакова появилась в СЗ (1936. № 60. С. 263–275) и стала заключительной в цикле «Из прошлого». Номер вышел в свет 28 февраля 1936 г. Статья П. Н. Милокова «Русские “либералы” и заем 1906 г.» (ПН. 1936. 5 марта. № 5460. С. 2) появилась сразу вслед за маклаковской публикацией. Таким образом, инцидент был как будто исчерпан, а кн. Пав. Д. Долгоруков — «реабилитирован».

² Имеется в виду Франко-русский комитет для противодействия займу, образованный в 1906 г. в Париже русскими эмигрантами и некоторыми французскими левыми политическими и общественными деятелями.

³ *bona fides* (лат.) — юридический термин, соответствующий русскому понятию *добросовестность* и означающий убеждение лица, что данное его правовое отношение правомерно.

105. Маклаков — Рудневу *Б. м. Не ранее марта 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович!
Я сделал все, что мог, и добился большего, на что рассчитывал; но это только 500 ф. Концерт дал на 9 т[ысяч] меньше, чем в прошлом году, и Рахмани[но]в сам заявил, что в первую голову хочет удовлетворить индивидуальные просьбы,

о помощи личной нужде; а на организации то, что *останется*... Словом, больше я не мог; всем *уменьшил*.

Что касается до Милокова, то я незлобив. Милоков признал свою ошибку, т. е. что в течении 3 лет он поносил меня и Долгоруку[ова] без всяких оснований (по слухам), что он имел, но не удосуж[ился], когда было надо, просмотреть данную ему самим Долгору[ковым] записку, что он врал про «дезавуирован[ие] нас», ибо оно было анонимно... И, проделав это три года, он как будто нас «прощает» — Вы, оказывается, не делали того, в чем я Вас обвинял. Порядочные люди в таких случаях выражают «сожаление», но все так привыкли к [нрзб] Милокова лгать, что довольно того, что он «сознался». Вот что делает с человеком журналистика и политика. И выходит, что, может быть, я должен был извиняться перед ним за то, что о его лжи говорил недостаточно «почтительно». Все это грустно. Возведя напраслину на покойника, кот[орый] своевременно письменно сказал ему, что было, перед покойником и его братом надо было уж если не извиниться, то хотя бы выразить сожаление в ошибке. И так[?], я строже Вас.

Вас. Мак[лаков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Датируется по содержанию (см. п. 104). Ср. также недатированное письмо Руднева к Рахманинову с благодарностью за получение пятисот франков.

106. Маклаков — Рудневу Б. м. 7 апреля 1936.

7 Ап.

Дорогой Вадим Викторович!

Вы меня вчера своими вопросами захватили врасплох, и отвечаю сейчас подумавши.

О Милокове не стоит говорить: он — сам дезавуирован, ибо у него своя голова.

Если дело шло бы только об одном *первом томе*, с воспоминаниями о старине¹ — то я не делаю разницу между Кусковой² и Керенским; он же того времени и не знает.

Но если речь о «всей книге», о всех 3-х томах, пр[ичем] объединенных *одной* политической мыслью, — то статью А. Ф. Керенского я предпочел бы *всем*³. Они — противники, по справедливости, и на все смотрят широко. Мне просто для себя его мнение интересно. Только у меня болезненное отвращение к рекламе, и я никого ни о чем не буду просить, Вы *сами* ко мне обратились: потому я *Вам* (только Вам) и отвечаю.

Я вчера после Вас получил письмо от Хатисова⁴ комплиментарное; он пишет, что прочел все 3 тома. А мне не прислали. Вы бы могли написать ему в «Илл[юстрированную] Россию» — и потребовать книги для отзыва.

В. Мак[лаков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о книге Маклакова «Власть и общественность на закате старой России» (Париж: Иллюстрированная Россия, 1936. Т. 1–3).

² Кускова (урожд. Есипова, в замуж. Прокопович) Екатерина Дмитриевна (1869–1958), политический деятель, публицистка. В 1890-е гг. — социал-демократка, одна из идеологов и лидеров «экономистов»; с начала 1900-х гг. участвовала в «освобожденческом» движении; на I съезде партии кадетов в октябре 1905 г. была заочно избрана в ЦК, но войти в партию отказалась; выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. Увлекалась кооперативным движением. Входила в женскую масонскую ложу. В период Первой мировой войны — на «оборонческих» позициях; после Февральской революции поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. В годы Гражданской войны — «нинистка» (ни Ленин, ни Колчак). В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим (Всероспомгола). После разгона комитета арестована и вместе с мужем, С. Н. Прокоповичем, приговорена к расстрелу, от которого ее спасло заступничество Г. Гувера и Ф. Нансена. Сослана на Север, затем в 1922 г. выслана вместе с мужем за границу. Жила в Берлине, затем в Праге, после оккупации Чехословакии Германией переехала в Женеву. В 1920-е гг. выступала против планов свержения большевизма вооруженным путем, считала возможным «изживание» его мирным путем в условиях НЭПа. Маклаков многие годы состоял с ней в переписке.

³ Речь о рецензии на книжное издание воспоминаний Маклакова. Отзыв А. Ф. Керенского («Незадача русского либерализма») был опубликован в СЗ (1937. № 63. С. 383–390).

⁴ Хатисов Александр Иванович (1874–1945), врач, общественно-политический деятель. Член армянской революционной партии Дашнакцутюн, затем член партии кадетов. Тифлисский городской голова в 1910–1917 гг., с 1914 г. председатель Кавказского комитета Союза городов. С февраля 1917 г. вновь член партии Дашнакцутюн, в 1919–1920 гг. премьер-министр Республики Армения. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Масон. Сотрудник «Иллюстрированной России».

107. Руднев — Маклакову

Б. м. 15 апреля 1936 г.

15.IV.1936

Дорогой Василий Алексеевич,

возвращаю Вам рукопись «Открытое письмо А. Ф. Керенскому», которую, вместе с письмом к Вам В. Н. Коковцева, передал мне от Вас В. М. Зензинов¹.

Думаю, нет особой надобности подробно мотивировать отказ напечатать такое «Открытое письмо» в «Совр[еменных] записках». Трудно вообще сочувствовать подобному выступлению И. И. Манухина² в печати с обвинениями, весьма тяжелыми, во многом неоправданными и в то же время голословными, против Керенского. Тем менее оснований предоставить для этого место на страницах журнала, к редакции которого А. Ф. Керенский, как известно, политически близок.

Пред[анный] Вам

В. Руднев

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Вверху письма пометка рукой Руднева: «Переписка Кок[овцев] — Мак[лаков]». Имеется также переписанный набело черновой вариант этого письма (РАЛ. MS. 1500/6).

К письму приложены копии письма Коковцева Маклакову (РАЛ. MS. 1500/5) и открытого письма Манухина Керенскому³ (РАЛ. MS. 1500/8), сделанные рукой Руднева:

«Париж, 6 апреля 1936 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Я побеспокоил Вас моим разговором относительно возможности поместить открытое письмо доктора Манухина в «Совр[еменных] зап[исках]» только потому, что у меня нет никаких отношений с этим журналом, как нет и уверенности в том, что мое посредничество может показаться «Совр[еменным] зап[искам]» мало понятным, и потому, вместо пользы, может принести автору открытого письма только вред.

Посылаю Вам это письмо для Вашего личного ознакомления. Оно не подписано, но будет подписано безотлагательно автором, как только он узнает, что напечатание его возможно. Кроме того, он сопроводит его обращение[м] к «С[овременным] з[апискам]» — если это окажется желательным — добавлением, что письмо было предназначено для напечатания в «Посл[едних] нов[остях]», где было помещено и содержание доклада Керенского, принято П. Н. Милюковым, а четыре дня спустя возвращено автору, что оно напечатано не будет.

Во всяком случае, я прошу Вас извинить меня за то, что обратился к Вам по делу, прямого отношения ко мне не имеющему.

Искренне Вам преданный

Гр. В. Коковцев»

«Откр[ытое] письмо А. Ф. К[еренско]му

М[илостивый] г[осударь] Алекс[андр] Фед[орович],

к теме Ваших докладов о судьбе цар[ской] семьи присоединилось обвин[ение] Вами сановников до-рев[олюционного] периода в том, что они не проявили активн[ости] и не защищ[али] царя. Вы говорите, что Вр[еменное] пр[авительство] «из соображ[ений] прост[ого] человеколюбия охраняло не только царя, но и вс[ех] сановников» (см. «П[оследние] н[овости]» № 5442).

Большинство из эт[их] сан[овников] уже умерло. Но свидетели этого состояния, в кот[ором] они находились в бытность Вашу мин[истром] юст[иции] Вр[еменного] пр[авительства], — остались. В их число вхожу и я. Постараюсь сказать свое слово в их защ[иту]. При этом оговорюсь сразу: я находился тогда не в их рядах, — а в Ваших. Мое показан[ие], ст[ало] быть, совершенно объективно.

Я знаю все, о чем пишу, пот[ому] что в пол[овине] апреля 1919 г. я принял на себя безвозм[ездно] обязанность врача Труб[ецкого] баст[иона], где находились в то вр[емя] 39 сан[овников] (министров и др[угих] предст[авителей] свергнут[ого] реж[има]). Причиной, побуд[ившей] меня избр[ать] чуждую науке и моей преды[дущей] деятельности обязанность, как я раньше уже писал в «П[оследних] н[овостях]» (см. № 1763⁴), было мое отвращ[ение] к бессм[ысленному] насилию над побежденными и к мести за пол[итические] убеждения.

Всем изв[естно], что в нач[але] фев[ральской] рев[олюции] какие-то случ[айные] люди самочинно хватали лиц, причастных к цар[скому] реж[иму], и свозили их в Гос[ударственную] Д[уму]. Полож[ение] создавалось для них такое, что б[ывший] мин[истр] Пром[ышленности] сам пришел туда спасаться⁵.

Добрым делом Г[осударственной] Д[умы] была защита «поверженных врагов» от дикой расправы. Это, одн[ако], показыв[ает], что уже с перв[ых] дн[ей] рев[олюции] сан[овни-]ки не были в безопасн[ости].

Что же произошло потом? Случ[айно] арестованные были отр[авлены] в Тр[убецкой] б[астион] Петр[опавловской] крепости. Это — самый ужасный заст[енок], существовавший в России. Нормально он охранялся гарнизоном крепости, а с Ваш[его] согласия к охране была добавл[ена] спец[иальная] команда солд[ат], выборн[ая] от разн[ых] полков, расквартиров[анных] в Петербурге.

С эт[их] пор узники уже наход[ились] в вед[омстве] М[инистерства] Юст[иции], т. е. в Вашем. Отнош[ение] к ним круто измен[илось] — с ними стали обращаться как с пленниками и как с преступн[иками]. Вместо защиты их, Вы произвели еще неск[олько] нов[ых] арестов и пред[али] всех узн[иков] in cog[ор]е суду. Мало эт[ого], но Ваш

поруч[енец], Кузьмин⁶, выработ[ал] для арест[ованных] спец[иальный] пище[вой] режим, кот[орого] там не было ни до В[ас], ни после Вас (по кр[айней] мере, когда там сид[ели] члены Вр[еменного] пр[авительства]). Он состоял из чашки бурды, ломт[ика] хлеба и неск[ольких] ложек сух[ой] гречн[евой] каши...

Создан[ная] с Ваш[его] согл[асия] спец[иальная] охранная команда восприняла св[оя] роль как “око народа”, кот[орое] обязано зорко набл[юдать] за “врагами”. Солд[аты] стали сурово обращ[аться] с заключ[енными]. Эта сур[овость] перешла в жестокость: они подсып[али] в кашу бит[ое] стекло, всяч[ески] изощрялись, чтобы «бурда» была несъедобна... Т. о., пища свелась к куску хлеба и воде...

Свид[ания] с родств[енниками] были обставл[ены] с той же жест[окостью]: посет[итель] садился за стол, прот[ив] него – заключенный, а по бокам сид[ело] слушающее их начальство. Когда маленьк[ий] сын Виссарионова⁷, увидав отца, бросился ему на шею, свид[ание] б[ыло] прервано, и Вис[сарионов] надолго б[ыл] лишен встреч с родственниками...

Не буду описыв[ать] дальн[ейшего] периода, когда Вы совс[ем] об узн[иках] позабыли и предост[авили] их всец[ело] своевольн[ой] солдатчине. Накаленная газ[етной] агитацией и беш[еной] пропаг[андой] б[ольшевик]ов, она вела себя по отнош[ению] к заключ[енным] так, что они со дн[я] на д[ень] ждали кровав[ого] самос[уда]... Вся зад[ача] лиц, помогавших заключ[енным], сводилась в эт[от] период к тому, чтобы удерж[ать] солд[ат] от дик[ой] распр[авы] и всякими сложн[ыми] и оч[ень] трудн[ыми] путями понемногу вызвол[ять] арестов[анных] из Труб[ецкого] застенка. К сож[алению], до конца ощущ[ествление] этого не удалось...

О как[ом] гуман[ном] попечении о беззаш[итных] сан[овниках] во вр[емена] Ваш[ей] власти можно после эт[ого] говор[ить]? И можно ли упрекать в том, что они не прояв[или] активности, не спасли царя, когда они или б[ыли] арестованы, или наход[ились] под бдит[ельным] надзором рев[олюционных] властей?

Можно ли предполаг[ать] недост[аток] муж[ества] и благородства в людях, не зная, проявили ли они его или не прояв[или] в сам[ые] грязн[ые], сам[ые] отч[аянные] минуты?

Я свид[етельст]вую, что среди заключ[енных] были лица, из кот[орых] одни отлич[ались] больш[ою] стойкостью, друг[ие] – особым, прямо скажу, редким благо[родством]. Приведу хотя бы два примера.

Вы, вер[оятно], не забыли, что посадили в карц[ер] Степ[ана] Петр[овича] Белецкого⁸ за то, что он отказ[ался] выдать В[ам] агентов тайн[ой] полиции. Надо знать, что карц[ер] в Труб[ецком] б[астионе] – абсолютно темн[ая] каморка, в кот[орой] ни лечь, ни встать. С. П. Бел[ецкий] сидел там 3 сут[ок], получал по куску хл[еба] и по кружке вод[ы] в день. Вы пришли к нему на четвертые сутки... Вы крич[али] на него, угрожали, требуя выд[ать] имена агентов... Вы снова посадили С. П. Б[елецкого] в карц[ер], сказав, что его до т[ех] пор не выпустят, пока он их не выдаст. Вы его в карц[ере] забыли... В это вр[емя] я пришел в Т[рубецкой] б[астион], – С. П. Б[елецкий] сидел в карц[ере] уже неделю... Мне удалось настоять через Чр[езвычайную] Сл[едственную] Ком[иссию] на его освобожд[ении]. Не могу без содрог[ания] вспомнить эт[ого] несчастн[ого] человек[а]... Солд[аты] волокли его из карц[ера] в камеру под руки. От слабости он едва держ[ался] на ногах. Слепл[енный] светом, он не мог откр[ыть] глаз. Но сотруди[нков] тайн[ой] пол[иции] он Вам так и не выдал.

Перейду ко втор[ому] примеру.

Забытый Вами в Т[рубецком] б[астионе] Ник[олай] Алексеев[ич] Макл[аков]⁹ был незадолго до окт[ябрьского] перев[орота] вывезен в больницу, где он находился под надзором приставлен[ного] к нему кар[аула]. После Окт[ябрьской] рев[олюции] случайно удалось освобод[ить] его от охр[аны]. Др[уг], зав[едовавший] больницей, позв[олил] ему гулять по неск[ольку] часов в день, но взял с него честн[ое] слово, что он не использ[ует] своб[оды] для побега. Я знал, что др[уг] ничем особ[енно] не рисков[ал], если бы

Н.А. М[аклаков] скрылся. Об эт[ом] Н.А. [Маклакова] предупреждали. Ему предлагали беж[ать], и для эт[ого] все было пригот[овлено]. Но он, отдавая себе ясн[ый] отч[ет], какая ему грозит опасн[ость], если он останется у б[ольшевик]ов, говорил: «Как? Нарушить данное мною слово? Не могу... Если др[уг] освободит меня от него, тогда друг[ое] дело». Др[уг] не освободил, а Н.А. [Маклаков] слова не нарушил... Он был схвачен б[ольшевика]ми, отвезен в Москву — и расстрелян.

Взакл[ючение] скажу, что некоторые действия лиц, стоявших во главе рев[олюционной] власти, могли быть, под влиян[ием] рев[олюционных] обстоя[тельств], неосмотрительными, ошибочн[ыми], даже невольно жестокими. Дело совести кажд[ого] разобраться, в чем он повинен. Я говорю не об этом, а о том, чтобы не исказить действит[ельность], не обвинять в бездейств[ии] тех, кто физически был лишен свободы действий, и не оправдывать негуманные св[ои] поступки, унижая теперь уже... безответных».

¹ О В. М. Зензинове см. публикацию в т. 3 наст. изд.

² Манухин Иван Иванович (1882–1958), известный врач, доктор медицины; мемуарист. Был лечащим врачом А. М. Горького, многих других видных деятелей эпохи, в том числе лидеров большевиков. В 1917 г. — врач при Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства; после Октябрьского переворота продолжал выполнять функции врача при заключенных в Петропавловской крепости как представитель Политического Красного Креста, способствовал освобождению многих политзаключенных. С 1920 г. в эмиграции. См. его «Воспоминания о 1917–18 гг.» (НЖ. 1958. № 54. С. 97–116).

³ Письма И. И. Манухина и В. Н. Коковцова были реакцией на доклады А. Ф. Керенского о гибели царской семьи и предшествующих ей обстоятельствах, вызвавших широкий резонанс в эмигрантских кругах. 26 февраля 1936 г. Керенский выступил в Salle du Musée Sociale в Париже с докладом «Трагедия царской семьи (революция, царь и монархисты)», 7 марта там же он прочел доклад на тему «Гибель царской семьи (переговоры с Англией, отъезд в Тобольск, Екатеринбург)». Интерес к докладам Керенского был настолько высок, что он их повторил 17 марта 1936 г. (Хроника. Т. 3. С. 168, 174). Изложение докладов Керенского и отклики на них см.: ПН. 1936. 28 февр.; 10 и 19 марта; Возрождение. 1936. 28 февр.; 9 и 19 марта; Новая Россия. 1936. № 1.

⁴ См.: *Манухин И. И.* Как это было // ПН. 1926. 19 янв. № 1763. С. 2. Это одна из статей, опубликованных под общим заглавием «Памяти А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина 6 (19) января 1918 года».

⁵ Имеется в виду князь Всеволод Николаевич Шаховской (1874–1954), министр торговли и промышленности в 1915–1917 гг. По другим данным, Шаховской явился в Государственную думу не добровольно, а был туда «доставлен».

⁶ Кузьмин Андрей (? — не ранее 1920), прапорщик, в 1905 — начале 1906 г. один из лидеров Красноярской республики. С 1906 г. в эмиграции в Париже. Вернулся в Россию, в 1913 г. приговорен к смертной казни, замененной 12-летней каторгой. Защищал Кузьмина на суде А. Ф. Керенский. В апреле 1917 г. приехал в Петроград, был назначен помощником командующего Петроградским военным округом, получил чин капитана. Руководил в июле 1917 г. захватом дворца Кшесинской, в котором находилась штаб-квартира большевиков. Был близок к Керенскому; сопровождал его 25 октября 1917 г. в поездке в штаб генерала П. Н. Краснова, на войска которого рассчитывал опереться Керенский. Как будто был задержан в 1920 г. на станции Маньчжурия при попытке взорвать мост. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁷ Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867–1918), вице-директор Департамента полиции. Окончил Московский университет; с 1889 г. служил по судебному ведомству; с 1906 г. прокурор Ярославского окружного суда; с января 1908 г. — чиновник особых поручений при министре внутренних дел и исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции; с 1913 г. — член Совета Главного управления по делам печати; с 1915 г. — член Совета министра внутренних дел.

⁸ Белецкий Степан Петрович (1872–1918), тайный советник (1914), в 1909–1912 гг. — вице-директор, в 1912–1914 гг. — директор Департамента полиции; отстранен от должности в связи с обвинениями в денежной и служебной нечистоплотности (присвоение казенных средств, злоупотребление провокацией — в частности, способствовал избранию прокуратора Р. В. Малиновского депутатом IV Государственной Думы); назначен сенатором (1914). Сблизился с Г. Е. Распутиным, стал пользоваться доверием императрицы Александры Федоровны; в сентябре 1915 г. назначен товарищем министра внутренних дел; стремясь избавиться от компрометирующей его связи с Распутиным, разработывал совместно с министром внутренних дел А. Н. Хвостовым план его устранения; уволен после огласки этих планов (публикация в газете «Биржевые ведомости») в феврале 1916 г. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость; дал обширные показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства; освобожден большевиками, но затем вновь арестован и расстрелян в порядке красного террора.

⁹ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), брат В. А. Маклакова; гофмейстер (1913), черниговский губернатор в 1909–1912 гг., управляющий Министерством внутренних дел с 1912 г., министр внутренних дел в 1913–1915 гг., член Государственного Совета с 1915 г. Проводил реакционную политику. Расстрелян большевиками.

108. Маклаков — Рудневу *Paris. 22 апреля 1936 г.*

22 Ап.

Дорогой Вадим Викторович!

«Илл[юстрированная] Рос[сия]» — хамит не только с Вами, но и со мной; я до сих пор не получил 2-го и 3-го тома. На мой вопрос о рецензиях они мне ответили, что когда 2-й и 3-й том выйдут, то они мне пришлют, и я могу их сам рассылать.

Теперь вот что. Если Вы или Керенский согласит[есь], я могу сделать следующее: 1-й том у меня есть, и я могу его Вам прислать. А второй и 3-й в *сверстанных гранках*. Они не прокорректированы, и там много того, что было после исправлено. Но *общее содержание* осталось, и опытный глаз его разберет сквозь ошибки. Это я Вам могу дать *немедленно*, если Вы хотите поместить рецензию в 62 кн[иге]. Если нет, то можно подождать; «И[ллюстрированная] Р[оссия]» клянется, что к концу месяца все будет. Так ответьте мне поскорее.

Предан[ный] Вам

В. Маклаков

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Датируется по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

109. Маклаков — Рудневу *Б. м. 25 апреля 1936 г. [?]*

25 Ап.

Дорогой Вадим Викторович!

После многочисленных ругательств «И[ллюстрированная] Р[оссия]» прислала мне один экземпляр из тех двух, что у меня были: они кое-что переделали,

перемарали, не знаю, что они колдовали, но тем не менее он вполне удобен для работы. Я мог бы его Вам прислать, когда захотите.

Но вот в чем дело. На этой неделе *в середине* (значит, в начале следующей) они пришлют мне (так обещают) авторск[кий] экземпляр. Керенский подарил мне одну свою книгу; а долг платежом красен, я подарю ему свою¹. Вам, может быть, и не понадобится очень экземпляр для рецензии, для журнала, или Вы его все-таки захотите. *Этот*, к слову сказать, я обещаю вернуть по миновании надобности. Так[им] обр[азом], что Вы по этому поводу скажете. А адреса Керенского, кроме журнала, я не знаю, и придется прислать *туда*.

Что Вы мне все-таки скажете, когда Вы приедете из Виши[?]? Что Вы предпочтете?

В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Год установлен предположительно.

¹ В Отделе фондов Русского зарубежья Российской государственной библиотеки в Москве хранится экземпляр «Власти и общественности» с дарственной надписью Маклакова Керенскому. Вряд ли можно сомневаться, что он «перекочевал» в РГБ, через Германию, из Тургеневской библиотеки в Париже.

110. Маклаков — Рудневу

Paris. 30 апреля 1936 г.

30 Апр.

Дорогой Вадим Викторович!

Как жалко, что Вы читаете только по печатному. Я сегодня не могу написать письмо на машинке.

Дело в том, что я, может быть, совсем не буду иметь экземпляров *для раздачи* кому бы то ни было. Я поругался с Гордоном¹ и вчера послал ему запрещение выпускать книгу в продажу и давать о ней публикации. Может быть, я не имел права этого делать, и они станут делать это помимо меня, а я тогда выступлю в газетах с предупреждением покупателей. Очевидно, ни на какие экземпляры я тогда рассчитывать не смогу. А может быть, они подчинятся моему требованию, и тогда уладится. Я не пишу о сущности спора — раз Вы его не разберете.

Но пока я могу сделать Вам *одно*: послать три тома, *но с просьбой по миновании надобности мне их вернуть*. Это будет мой единственный экземпляр, к[о]т[орый] я им не возвращу. Он помаран, там многое вычеркнуто карандашом, но на это не обращайтесь внимания. Если же дело кончится не скандалом, а по-хорошему, тогда я, кроме Керенского, подарю и Вам («С[овременным] зап[искам]») экземпляр, как моим крестным родителям.

Керенского вчера не было, но куда Вам послать — три тома: в «Совр[еменные] записки», [gue] Daviel, или в «Новую Россию»² — или к Вам на квартиру.

Ответьте поскорее.

Ваш В. Маклаков

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Гордон Борис Абрамович (1881–1952), купец 1-й гильдии, по образованию инженер-технолог, директор-распорядитель и директор правления крупных табачных фирм «Лаферм» и товарищества на паях «Колобов и Бобров», член правления Петроградского экспортно-импортного акционерного общества, был также директором Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), владельцем и директором табачной фирмы В. Асмолова, директором печатного дела «А. М. Гордон с сыном», владельцем газеты «Приазовский край». Впоследствии, будучи в эмиграции в Париже, выкупил у М. П. Миронова еженедельник «Иллюстрированная Россия» и стал издавать его с книжными приложениями, в том числе сочинениями русских классиков. В 1942 г., спасаясь от нацистов, перебрался в США. Умер и похоронен в Нью-Йорке. См.: *Зеллер В.* Памяти Б. А. Гордона // РМ. 1952. 14 мая.

² «Новая Россия», двухнедельный журнал, выходивший в Париже в 1936–1940 гг. под редакцией А. Ф. Керенского.

111. Маклаков — Рудневу

Paris. 3 мая 1936 г.

3 мая

Дорогой Вадим Викторович!

Посылаю книжки (3) на Ваше имя — в David. Это — тот единственный экземпляр, кот[орый] у меня есть и, кажется, будет. Я разругался с Гордоном, так как он не сдержал два раза данного слова; кое-что он еще может исправить. Но если он не исправит, то я боюсь, что юридически я не имею права ему помешать пустить издание в продажу, но я тогда сделаю такой скандал, после кот[орого], конечно, от него никаких книг не получу, да и не смогу требовать, и потому никому раздавать не смогу, и эти три моих оставляю себе, как единственный след моей работы. Но это все еще в будущем; я ответа от Гордона не получил. Если дело уладится, то «С[овременные] з[аписки]» — получают от меня экземпляр, независимо от экземпляра А. Ф. [Керенского].

Но сейчас я не могу ничего ни посылать, ни писать Керенскому. Мне все-таки претит *просить* кого бы то ни было писать рецензию. Такие просьбы всегда близки к назойливости, т. к. в них трудно отказывать, как мне было трудно отказать даже Нольде¹. Когда Вы мне назвали трех лиц, вернее двух — ибо один из них очевидно недоразумение, то ~~мне~~ я лишь [могу] Вам высказать свое удовольствие, если это будет А. Ф. [Керенский], — но просить его лишь об этом ни при каких условиях не согласился бы. Потому посылаю Вам 3 книжки. Как бы ни было у меня с Гордоном, даже если издание в продажу не поступит, они подписчикам будут разосланы, и, следовательно, о них писать можно.

В первом томе есть *исправление*: это один из поводов моей ссоры с Гордоном. Но все пометки карандашом сделаны после[?] напечатания книжки в «И[ллюстрированной] Р[оссии]» — и они значения не имеют.

Предан[ный] Вам

В. Маклак[ов]

Письмо было заготовлено, но я получил Ваше второе и копию письма Керенскому; это же для сведения.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

¹ Нольде Борис Эммануилович, бар. (1876–1948), юрист, специалист в области международного права; член партии кадетов. Занимал посты директора ряда отделов, начальника 2-го Департамента МИДа, советника министра иностранных дел (С.Д. Сазонова). Преподавал в Александровском лицее, на Высших женских курсах и в Политехническом институте. Один из авторов манифеста вел. кн. Михаила Александровича об отречении от престола и передаче власти Временному правительству до созыва Учредительного собрания. После Февральской революции – товарищ министра иностранных дел (при П.Н. Милькове). В 1918 г. – сторонник германской ориентации. С лета 1919 г. – в эмиграции. Осенью 1919 г. участвовал в переговорах с правительством Финляндии от имени правительства А.В. Колчака, стремясь склонить финнов к участию в походе на Петроград в обмен на признание ее независимости. Однако Колчак отказался признать суверенитет Финляндии. С 1920 г. – член Парижской группы кадетов. член Парижского комитета партии кадетов, Русского национального комитета, Российского общества Красного Креста; член Банковского комитета в качестве приглашенного лица; принимал активное участие в деятельности Российского общества Лиги народов. Преподавал в Русском юридическом институте при Парижском юридическом факультете. Рецензия В.А. Маклакова на книгу Б.Э. Нольде «L'alliance franco-russe. Les origines du système diplomatique d'avant-guerre» (Paris, 1936) («По поводу книги Б. Нольде») опубликована в СЗ (1937. № 63. С. 373–382).

112. Руднев – Маклакову *Paris. 28 января 1937 г.*

Дорогой Василий Алексеевич!

Рукопись получил в *субботу*, – а в понедельник уже роковое 1-е февраля. Так что уже пустить ее по старому тарифу в набор не удалось. Но тут Вы ни при чем, – такова уж судьба, гильотина 20% прибавки должна была раньше или позднее опуститься на «С[овременные] з[аписки]».

Смутило меня, и очень, другое: необычайный *размер* заметки о книге Нольде. В ней по приблизительному подсчету оказалось *около 44.000 знаков!*, т. е. значительно больше, чем даже в обычной статье большого отдела, и *вдвое* больше, чем обычный размер такого рода заметок в отд[еле] «Культура и жизнь» (ок[оло] 20.000 зн[аков])...

Это само по себе досадное обстоятельство весьма нарушающее трудно с трудом достигнутое достигаемое в «С[овременных] з[аписках]» равновесие, частей, =
В данной же книжке

в данной книжке *особенно* нежела[тельно]

С этим досадн[ым] обстоятельством, вообще нарушающим с величайшим трудом достигаемое в «С[овременных] з[аписках]» равновесие частей и *установленный тон* соблюдение установленного тона журналом, – еще можно было бы как-то примириться, если б дело шло об *обычной* книжке «С[овременных] з[аписок]» и об *единичном* исключении среди других заметок. Но в данной книжке *оно особенно*

как ~~вносит~~ такой размер заметки о книге ~~особенно досадн[о]~~ невозможен, по двум, думаю, и для Вас убедительным, основаниям:

1) За отсутствием средств, единственный способ ~~ответить на~~ реагировать на ~~20% увеличение расхо[дов]~~ типогр[афских] расходов —

1) В этой книжке Эту книжку приходится, к сожалению, резко уменьшить в объеме, *сразу на 5 печ[атных] листов (80 стр.!)*, — это единственный, за отсутствием средств, способ справиться с 20% скачком типографских цен.

2) В этой же книжке должен пройти еще ряд отзывов — заметок о ~~последних~~ ~~книг[ах]~~, которые, ввиду значения разбираемых книг, выйдут по размерам из обычных рецензий и будут перенесены в «Культуру и жизнь», это: Керенского о Маклакове, Вишняка о Милюкове, Алданова о Гессене, Бердяева о Мочульском¹. ~~Каждого из автор[ов]~~ Поместить ~~Совершенно очевидно~~ Совершенно очевидно, что при этих 2-х условиях я должен особенно просить авторов держаться хотя бы прежних, до сокращения объ[ема] книги, норм.

Усердная поэтому к Вам просьба, — пересмотреть с этой точки зрения Вашу заметку (у Вас, конечно, есть копия). Когда Вы мне говорили, что заметка Ваша будет 15 страниц в Вашей машиноп[иси], — т. е. ок[оло] 25.000 зн[аков], то это и был желательн[ый] максимум.

Согласен с Вами, что сокращения лучше делать за счет 2-й части, трактующей собст[венно] тему книги Ноль[де] о *фр[анцузско]-русск[их]* отнош[ениях], и за счет ~~ввод[ных]~~ первых 16 страниц, где Нольде ~~рассказ[ывает]~~ истор[ию] посвященных предварительной истории русско-*фран[цузских]* отнош[ений].

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Датируется по содержанию. Письмо на бланке журнала «Современные записки». Помета рукой Руднева: «Макл[акову]».

¹ В № 63 СЗ рецензии В. А. Маклакова («По поводу книги Б. Нольде». С. 373–382), А. Ф. Керенского («Незадача русского либерализма». С. 383–389) были напечатаны в разделе «Культура и жизнь», остальные упомянутые в письме тексты вошли в раздел «Критика и библиография». См.: *Вишняк М. В.* [Рец. на кн.:] Milioukov P. N. La politique extérieure des Soviets. 2-e éd. Paris, 1936 // СЗ. 1937. № 63. С. 424–427; *Алданов М. А.* [Рец. на кн.:] Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет. Берлин: Петрополис, 1937 // Там же. С. 427–431; *Бердяев Н. А.* Владимир Соловьев и мы: [Рец. на кн.:] Мочульский К. В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. Париж: YMCA-Press, 1936 // Там же. С. 368–373.

113. Фондаминский — Маклакову

Paris. 3 июля 1937 г.

3 VII 1937.

Милый Василий Алексеевич,
не удивляйтесь, что мой ответ опаздывает: у нас редакция коллективная и собирается не часто. Редакция «Р[усских] з[аписок]»¹ охотно согласилась на Вашу статью — ответ Милюкову, но поставила одно условие: чтобы Милюкову была предоставлена возможность ответить в том же номере. Я не очень возражал, хотя и знал,

что Вы предпочли бы, чтобы этого не было. Не возражал, ибо не считал это условие несправедливым, а, главное, потому, что понимал, что переубедить моих со-редакторов невозможно. Разговор с Милоковым привел к тому же заключению: П. Н. [Милоков] охотно согласился написать ответную статью, но под тем же условием. Не знаю, придаете ли Вы этому к[акое-]л[ибо] значение, но уверен, что Вы, как обычно, подыметесь над этими условностями. Итак, жду Вашей статьи (хотелось бы, не больше листа — 16 стр.), к[о]т[о]р[ая] пойдет в 3-м номере «Р[усских] з[аписок]». Статья Ваша нужна к 1–5 августа, т. е. у Вас есть целый месяц. Очень радуюсь, что Вы появитесь на страницах «Р[усских] з[аписок]» и рассчитываю на Ваше дальнейшее сотрудничество. Я уверен, что «Р[усским] з[апискам]» предстоит сыграть большую роль в эмиграции. Жду подтверждения Вашего согласия, ибо 3-й номер уже составляется.

Искренне любящий Вас

И. Фондаминский

P.S. Очень прошу Вас, если Вы еще не читали, прочесть мою статью об А[лександр]е I в № 62 «С[овременных] з[аписок]»².

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал / При ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева (Париж; Шанхай, 1937–1939. № 1–20/21). С четвертого номера (1938) единоличным редактором журнала стал П. Н. Милоков, местом издания — Париж.

² Имеется в виду очередная статья Фондаминского из цикла «Пути России» (СЗ. 1937. № 62. С. 284–327).

114. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 7 июля 1937 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 7 июля 1937 г.

Милый Илья Исидорович,

я отлично понимаю, что Милоков для Вашего журнала близкий человек, и с этим не могу не считаться. Я не стал бы предлагать Вам статьи, которая для Вас неприемлема; да, наконец, за Вами цензура и Вы знаете по опыту, насколько я уступчив.

Но Вам этого оказалось недостаточно. Вы мне ставите «условие». Я думаю, что даже об нем мы бы могли сговориться. Но как Вы без моего ведома и согласия могли говорить о моей статье с Милоковым? Я обращался к Вам, как к друзьям, и, во всяком случае, как к независимому журналу. Припомните, что об этом я Вас даже спрашивал. А Вы пошли беседовать с Милоковым, и он Вам поставил «условие». Разве я Вам давал право передавать наши разговоры Милокову. Воля Ваша — это уже некоторое абю де конфианс¹. Было проще мне отказать, а мою просьбу и Ваш ответ оставить между нами, а не выносить на всеобщее сведение.

Условие об одновременном ответе Вы нашли справедливым. Этот аргумент совсем не был нужен; Вы хозяева. Но в Ваших устах он непонятен. Милоков писал про меня обидную и злостную неправду, зная, что мне просто негде ему возразить.

А когда через несколько месяцев я получил возможность самозащиты, он требует, чтобы ему дали возможность ответить мне одновременно. Ведь своих ошибок он не признает и в своем ответе он взвел бы на меня новые небылицы, как это он в течение нескольких лет делал с интригой против займа. А я опять несколько месяцев должен был бы дожидаться возможности на них возражать. По отношению к нему Ваше условие есть очень большая предупредительность; но почему Вы ее называете справедливостью?

Но, конечно, дело не в этом; что мне убудет, если он немедленно мне возразит? Все равно и без Вашей услуги у него есть газета, где он хозяин. И Ваше условие для меня неприемлемо *не потому*. У статьи Милюкова был особый характер². Она не политический спор, она оскорбительная личная выходка; он старался убедить, что я человек беспринципный, сторонник политики Александра III, ненавистник Освободительного Движения, который, очевидно, обманом пролез в кадетскую партию, а теперь сводит с ней личные счеты. Что он сам понимал, что это неправда, видно из того, что для таких выводов он цитаты из моей книги передергивал. Курьезно, что, очевидно, «ложью» он это не считает. Эти приемы как раз то, в чем он вообще видит «политику». Его неправда могла быть мне лично обидна, но, как видите, я секундантам ему не послал. Ведь мы все отлично знаем, что у Милюкова нет в политике моральных принципов и что он всегда со всеми был таков. Было [бы] непоследовательно вдруг за одного себя на него обидеться. Конечно, в общем я мог на все это дело плюнуть, без особенных затруднений; пусть он говорит, а другие думают, что им угодно. Меня остановило только то, что это могло показаться признанием. И я подумал, что если с той характеристикой, которую он мне дает, Вы несогласны, то во имя справедливости, тут уже настоящей, Вы имеете полное право без его позволения дать мне — бывшему Вашему сотруднику — возможность сказать за себя слово защиты. На мою сторону в этом споре Вы этим не стали бы; и Вы могли даже, как делали это не раз, от моих доводов отмежеваться; но зато Вы бы остались *нейтральны*. Но когда Вы ставите мне Ваше условие, то Вы уже не нейтральны; Вы на его стороне. Отправившись к нему за позволением, Вы это показали *ему*; а если бы Вы напечатали мою статью под Вашим условием, то Вы это показали бы *всем*. Ведь именно так газеты позволяют *чужим* возражать на своих страницах *своим* близким сотрудникам. Понимаю, что Милюков ближе по взглядам Вашему журналу, чем я. Но в вопросе, где, говоря высоким слогом, затронута не политика, а честь и доброе имя, афиширование предпочтительности ему является уже для меня оскорбительным. Я не знаю, кто Ваши соредакторы по «Р[усским] з[апискам]»; возможно, что они в этом вопросе с Милюковым согласны. Тогда все понятно, но тогда и незачем печатать мою статью, хотя бы с его позволения. Но как Вы могли мне предлагать, чтобы в этом спектакле, устроенном заведомо с его соизволения, я стал бы участвовать?

Мне вовсе не хочется с Вами ссориться из-за этого, да я на Вас и не в претензии; прошу меня извинить, если я сказал для Вас что-либо резкое; но генеральство, а равно и преклонение перед ним, мне всегда было отвратно; а теперь мне грустно видеть, что с людьми делает «политика» и на чем покоится *власть* Милюкова. И думать, что так строится свободная демократия.

Всего Вам хорошего; как говорится, извините за причиненное Вам беспокойство.
И. И. Фондаминскому

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ abus de confiance (франц.) — злоупотребление доверием.

² Речь идет о статье: *Милоков П. Н.* В. А. Маклаков между общественностью и властью // ПН. 1937. 28 и 30 мая.

115. Фондаминский — Маклакову

Paris. 8 июля 1937 г.

8 VII 1937

Милый Василий Алексеевич,
искренне уважаемый и искренне любимый,

все титулы, которыми я Вас наделяю, не условность: за годы наших свиданий по четвергам я успел Вас узнать, понять, высоко оценить и полюбить. А на теперешнюю Вашу жизнь и деятельность я смотрю как на образец мужества и достоинства и удивляюсь им. Простите мою откровенность — она от сердца. Хочу думать, что и Вы ко мне пригляделись — потому поверите тому, что я пишу. А поверив, согласитесь, что я прав и тотчас пришлете согласие на статью.

1. Редакция не обратила никакого внимания на личные выпады П. Н. [Милокова] против Вас. Да и я, ссылаясь на наш разговор с Вами, твердо заявил, что дело идет не об ответе на личные выпады, а об *принципиальном* возмражении. Только об этом и шла речь в редакции: надо ли продолжить принципиальный спор о прошлом русского освободительного движения, в его *либеральной* ветви.

2. Редакция не разделяет Вашей позиции в этом вопросе и ближе стоит к взглядам П. Н., хотя и его взгляды не совпадают с ее собственными. Между тем выходит так, что на страницах журнала защищаются взгляды, наиболее ей далекие (не только Ваши статьи, к[о]т[о]р[ы]е тянулись много лет, но даже статья Керенского), а взгляды, более ей близкие, защищаются (частично) на стр[аницах] «П[оследних] н[овостей]». Политическая позиция журнала этим выражается неправильно. Условие редакции, чтобы рядом с Вашей статьей была и статья П. Н., объясняется не «предупредительностью» к П. Н., а желанием показать, что мы предоставляем страницы журнала для *двух течений либеральной мысли*, а не становимся невольны на сторону одного течения.

3. У нас и в мысли не было просить у П. Н. «разрешение» на напечатание Вашей статьи. Мы никогда не позволили бы это по отношению к Вам, ни еще меньше по отношению к самим себе. Несмотря на уважение к П. Н., у нас большая партийная и журнальная гордость. Мы обратились к П. Н. с просьбой дать ответ на Вашу статью, ибо хотели иметь статью *обоих направлений* и в одном и том же номере. Если бы П. Н. дал отрицательный ответ, мы бы, по всей вероятности, отказались бы и от Вашей статьи или вынуждены были бы дать редакционный ответ, чего нам не хотелось (не с нами спор).

4. Что, прежде чем говорить с П. Н., мы не поговорили с Вами — *вина моя*. Редакция постановила: напечатать одновременно Вашу статью и статью П. Н. Исполнить постановление должен был я, как секретарь редакции. Каюсь, я видел трудности только в разговоре с П. Н.: захочет ли он еще раз писать на эту тему и зачем он будет писать у нас, а не у себя. И, действительно, у П. Н. были сомнения, надо ли ему принимать участие в новом журнале, пока физиономия его не выяснилась. И если он согласился, то только потому, что его приглашают «на гастроль» — от постоянного участия в журнале он пока воздерживается. Трудностей у Вас я не предвидел. Ведь, в самом деле, Вы мне сказали, что хотите написать статью, а мы имели право дать место статье Милокова, даже не предупредив Вас об этом (так обычно делается). Единственное осложнение — ответ в том же номере. Но, как я писал Вам, я был убежден, что Вы выше этого. Все же Ваши возражения мне и в голову не пришли, ибо, как Вы теперь знаете, они и не вытекали из фактического положения.

Словом: если есть к[акая-]л[ибо] вина перед Вами, то только *моя*. Если бы я переговорил раньше с Вами, все Ваши подозрения сразу отпали бы и Вы дали бы согласие без колебания. Вот почему прошу Вас извинить меня, не обижаться на меня и не обидеть меня отказом и переменить свое решение. Ваше участие в журнале необходимо, у журнала очень большое будущее, и я не раз буду просить Вас писать для журнала (я играю в журнале активную роль). Я глубоко убежден, что мы начинаем очень большое дело и не надо, чтобы оно начиналось на обидном недоразумении. Жду от Вас скорого и положительного ответа.

Искренне любящий Вас

И. Фондаминский

P. S. Если у Вас, вопреки моему ожиданию, останутся еще к[акие-]н[ибудь] сомнения, Вы должны *вызвать меня к себе*. Умоляю ответ написать на машинке.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

116. Маклаков — Фондаминскому *Paris. 10 июля 1937 г.*

В. А. Маклаков

Париж, 10 июля 1937 г.

Милый Илья Исидорович, если я не повторяю Вам всех тех титулов, которыми Вы меня наградили, то только чтобы не быть подражателем; мои отношения к Вам Вы чувствуете и понимаете: потому мне и легко с Вами говорить о самых щекотливых вопросах. Ваше письмо рассеяло во мне мое прежнее обидное чувство; но безотносительно к окончательным выводам скажу, что меня далеко не во всем убедило. Все дело в том, что у нас совершенно различные отправные точки зрения.

Вы пишете, что редакция не обратила никакого внимания на личные выпады Милокова против меня; для нее вопрос только в продолжении принципиального спора. А у меня как раз наоборот; я не вздумал бы отвечать Милокову, не будь его личных выпадов.

Это не значит, что принципиальный вопрос меня не интересует. Вы сами не раз мне говорили, что мои воспоминания были бы много интересней для публики, если бы я рассказывал интересные эпизоды, а не посвятил их этому принципиальному вопросу. Потому меня очень интересовало и все то, что по этому вопросу писалось, и по поводу моей книги, и просто на эту тему. Я всегда особенно интересовался взглядами своих противников, и никакая критика, даже жестокая, меня нисколько не обижала; часто даже я с ней соглашался. Но отвечать на нее я не стал бы; у меня было такое ощущение: я свое дело сделал и все написал, пускай теперь говорят другие, а я буду внимательно слушать; со стороны ведь многое и виднее.

Если я сделал исключение для Милюкова и захотел ему отвечать, то именно потому, что он задел меня лично в тоне достаточно неприличном, а по существу заведомо лживом. Конечно, отвечать в этих условиях трудно, говорить о себе довольно противно, да мне и несвойственно. Наконец, это просто читателю неинтересно. Потому моим первым движением было просто плюнуть на это; но потом я переменил свое мнение. Я видел, что он затронул несколько тем политического характера, на которые можно принципиально и ответить; но, отвечая на них, я попутно мог возразить и на личные нападки. Это могло быть даже интересно, так как по моему убеждению манера Милюковских статей очень выпукло ставит те его свойства, которые объясняют неудачу его кадетского лидерства.

Таким образом, Вы видите, насколько наши позиции были различны. Может быть, мы бы могли сговориться. Но если Вы потребовали от меня, чтобы об личных выпадах я не сказал бы ни единого слова, то я просто не считал бы возможным писать; в этом случае это было бы просто признание согласия с тем, что он говорил; все дело было бы в форме, в манере, и тут я бы поверил в Ваш литературный вкус и в Вашу объективность. Но мне кажется, что Вы на это смотрите иначе. Как Вы не обратили никакого внимания на его личные выпады, так Вы хотели бы, чтобы и я так поступил; Вы два раза сказали, что считали меня Выше этого.

Мне трудно с Вами в этом согласиться; я не думаю, чтобы это было признаком моей высоты, если бы я продолжал разговаривать с человеком как будто ни в чем не бывало, который только что меня оскорбил. Понятно, для личной обидчивости есть грань. Я бы не пожелал уподобиться Грузенбергу¹. Да и вообще здесь нет общей нормы; ~~весь этот~~ но это вопрос факта, который зависит и от того, что сказано, и от того, кто сказал, и от того, с какой целью это было сказано. Представьте себе, что в былое время кто-нибудь написал бы про человека Вашей партии, что он агент охранного отделения; конечно, если бы такое обвинение исходило от Ваших врагов, на него можно было бы наплевать, как и я не стал бы возражать «Царскому вестнику»², если бы он написал, что я карточный шулер. Милюков не на таком положении; было бы неискренно, если бы я сказал, какое мне дело до того, что про меня думает Милюков; и когда он публично заподозривает мою политическую честность, то мне трудно не обращать на это никакого внимания. А наконец и самая цель этого утверждения! Ведь он ее изложил откровенно; он не желает мне возражать по существу, ибо уверен, что он меня уже уничтожил в своих прежних статьях; он избрал более удобный путь; показать, какой я мерзавец, и этим раз навсегда от моих возражений отделаться. Я не думаю, что я бы унизил себя, если

бы на это хотел возразить. И опять скажу: можно было вовсе об его статьях не говорить, но, возражая им по существу, я не мог этого обидного обвинения не заметить и на него не ответить.

Но я пойду несколько дальше. Редакция, как Вы говорите, на личные выпады не обратила никакого внимания. Конечно, я ее ни в чем не осуждаю; однако не могу отделаться от мысли, что такое безразличное отношение к лжи и клевете есть все-таки признак некоторого неблагополучия в наших политических нравах. Хорошо, если бы еще оно было всеобщим, если бы было принято считать, что можно безнаказанно все говорить про других, что это никого не касается. Но ведь это не так; когда Любимов, который вовсе не герой моего романа, и меня тоже лично оскорбил, написал нечто обидное для Милюкова, то журналисты не только не оставили этого без внимания, но по требованию Милюкова Любимова из профессионального союза выгнали³. А уже тут легко было сказать, что это их не касается. Потому невольно приходишь к заключению, что здесь дело не столько в политических нравах, сколько в личностях, что позволено одному, то другому не позволено. Если бы на личные выпады и оскорбления общественное мнение как-то реагировало, то тогда бы эти выпады себе и не позволяли, боялись бы безмолвного осуждения; а ведь тут выходит иначе. Я себе представляю такую иллюстрацию: генерал на улице бьет по морде солдата, а все проходящие не обращают на это никакого внимания; не думаю, чтобы это было признаком здоровья общественной атмосферы. Все это я говорю совсем не в порядке обвинения, а только самозащиты, т. е. объясняю, почему я не думаю, чтобы было мне правильной поступить, как Вы будто бы мне советуете; просто написать статью об общих вопросах и выпустить ее по взаимному согласию в одном номере с Милюковским возражением.

Меня несколько изумило и заинтересовало другое Ваше утверждение. Вы говорите, что по существу Вы настолько далеки от моей точки зрения, что не могли бы дать мне ее высказать, не возразивши в том же номере. Это уже дело Ваше; но разве «Р[усские] з[аписки]» будет не то что «С[овременные] з[аписки]»; ведь «С[овременные] з[аписки]» были органом беспартийным и терпимым. Конечно, беспартийность не была безразличием; был известный фронт, за который нельзя было выходить; но я и не выходил, чему лучшее доказательство то, что статьи, на которые возражает Милюков, у Вас же печатались; Вы их помещали иногда с оговорками, помещали контрстатьи, и это было только интересно; но для «С[овременных] з[аписок]» не казалось, что я стою вне пределов русской ответственности. Остается предположить, что либо журнал Ваш будет более нетерпимым и узким и тогда едва ли он сыграет ту большую роль, которую я Вам искренно желаю; или же можно предположить и другое; Милюков, как римский папа, отлучил меня от общества верующих, объявил еретиком и меня можно пустить в журнал только с предосторожностью. Как видите, и в том и в другом случае мое участие в Вашем журнале может уже показаться аномалией.

Меня смутило еще то, что Вы предполагаете включить Милюкова в число постоянных сотрудников. Я сам не желал бы, чтобы Вы с ним ссорились и взяли позицию против него; в очень многом и я остаюсь с ним согласен; но если взгляды, а главное, манеры Милюкова будут сколько-нибудь давить на направление Вашего

журнала, то я опять-таки добра от этого не ожидаю. Вы с ним не смогли бы сделать того, что сделали без него.

Я Вам ответил длинным письмом и, как Вы меня просили, на машинке; но письмо в сущности ни к чему. Я статьи Вам не дам и по совершенно другой причине: покуда Вы колебались, кое-что в моих планах изменилось, я уезжаю [в] воскресенье 18-го; отъезд мой ускорен, и потому у меня много неотложных дел для окончания. В этих условиях написать и дать переписать статью я не смогу. Если бы даже Вы меня во всем убедили, я бы этого уже не смог. Я скажу Вам по секрету, что я уезжаю специально лечить свои уши; если я их не поправлю, то я скоро превращусь в инвалида, которым быть не хочу; в жизни человека, который не может работать, я не вижу ни «достоинства, ни мужества», о котором Вы пишете. О том, что моя статья не появится, я не жалею; было бы гораздо больнее, если бы я ее написал, а по каким-нибудь основаниям Вы ее забраковали; а я боюсь, что при Вашем подходе Вы ее все равно бы забраковали. Между мной и Милоковым все-таки есть нечто, по крайней мере, в данное время, что не дает возможности совместного дружеского выступления.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

¹ Об О. О. Грузенберге см. публикацию в т. 3 наст. изд. Грузенберг был, наряду с Маклаковым, одним из защитников Менделя Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве, на знаменитом процессе в Киеве в 1913 г. В эмиграции Маклаков и Грузенберг состояли много лет в переписке, но рассорились, как считал Маклаков, по вине Грузенберга. Грузенберг, по его мнению, был человеком самовлюбленным и нетерпимым к критике.

² «Царский вестник» — еженедельная, православно-монархическая газета, орган «народного движения за восстановление Престола Православного Царя-Самодержца». Выходила в Белграде с 1928 по 1940 г. Редактор-издатель Н. П. Рклицкий.

³ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976), журналист. Сын крупного чиновника, сенатора Д. Н. Любимова. В эмиграции с 1919 г. в Берлине, с 1926 г. в Париже. Сотрудничал в «Возрождении», печатался как под своим именем, так и под псевдонимом Амадис. Член редакции «Возрождения». Публиковался также в «Иллюстрированной России» и некоторых других эмигрантских изданиях. Придерживался правых взглядов, был воинствующим антисемитом, в 1930-е гг. публиковал пронацистские статьи. В 1937 г. исключен из Союза русских писателей и журналистов в Париже за оскорбление Союза в лице его председателя. Приведем выразительный фрагмент статьи Любимова более позднего времени, посвященной 80-летию юбилею Милокова: «Борьба национал-социалистической Германии с еврейством привела к тому, что “Последние новости” раз и навсегда признали своим главным врагом Хитлера и примкнули полностью к тому лагерю, который идет на союз с большевицкой властью для борьбы с национал-социализмом» (*Любимов Л.* Дстойное увенчание. Как чествуют П. Милокова // *Возрождение*. 1939. 24 февр.). Любопытна (отчасти — характерна) дальнейшая эволюция Любимова. Во время оккупации Парижа в период Второй мировой войны он сотрудничал с нацистами. После освобождения Парижа быстро «сменил вехи», вступил в Союз советских патриотов, стал одним из руководителей Союза советских граждан. В 1947 г. был выслан из Франции, репатриировался в СССР. В Советском Союзе печатался в периодике, опубликовал ряд популярных книг по истории искусства, мемуары «На чужбине» (М., 1963).

117. Фондаминский — Маклакову
Paris. 14 июля 1937 г.

14 VII 1937.

Дорогой Василий Алексеевич,
получил Ваши оба письма и отвечаю несколькими словами, хотя Вы, вероятно, и не ждете ответа.

1. Нам и в голову не приходило запретить Вам отвечать П. Н. [Милюкову] на личные нападки. Я только сообщил редакции *с Ваших слов*, что статья будет *и принципиального* характера. Вопрос в редакции шел о том, как нам быть в этом принципиальном споре между двумя течениями либеральной мысли.

2. Вы нисколько не выпадаете из нашего журнального фронта (ведь я Вам пишу, что буду обращаться к Вам за сотрудничеством). Мы и раньше давали возражения на Ваши статьи или П. Н. [Милюкова] или редакционные. Хотели сделать это и в настоящем случае. Это, однако, относится и [к] «С[овременным] з[апискам]» и к «Р[усским] з[апискам]».

3. И Вы, и П. Н. [Милюков] считаетесь постоянными сотрудниками «С[овременных] з[аписок]». Надеюсь, что будете постоянными сотрудниками и «Р[усских] з[аписок]». Но П. Н. [Милюков] предпочитает раньше ознакомиться с журналом.

Уверен, что Вы сами согласитесь, что все Ваши подозрения оказались неосновательными. Но Вы сами сознаетесь, что 1) Ваше раздражение на П. Н. [Милюкова] еще не прошло; 2) что Вы заняты другим. Значит, не надо настаивать. Буду скоро просить Вас о к[акой-]н[ибудь] другой статье.

Что Вам делать, если придется сократить «общественную» работу? Писать, писать! У Вас громадный писательский талант — Вам грех говорить, что Вы не хотите превратиться в «инвалида, к[о]т[о]р[ый] не может работать».

Любящий Вас

И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

118. Фондаминский — Маклакову
Paris. 21 июля 1937 г.

Дорогой Василий Алексеевич,
в Люшоне скучно, у Вас есть время работать, для нас с Вами — так складывается жизнь, — работа — самое сладостное времяпрепровождение. Очень прошу Вас, не откладывая, сесть за работу и писать «послесловие». Только прошу Вас известить меня, что Вы работаете и когда думаете работу закончить. Надо это нам знать, ибо мы хотим напечатать Вашу статью в 3-м номере «Р[усских] з[аписок]» и сохраняем для Вас место. Статья нужна к концу августа — успеете?

«Р[усские] з[аписки]» уже вышли и на днях будут Вам посланы. № 2 тоже уже отослан в набор.

Шлю Вам самый сердечный и дружеский привет.

Ваш И. Фондаминский

21 VII 1937

130 av[enue] de Versailles, Paris XVI

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

119. Маклаков — Рудневу

Paris. 27 мая 1938 г.

27 М[ая]

Дорогой В[адим] В[икторович]!

Я получил вчера номер «С[овременных] з[аписок]», на кот[оро]м адрес написан Вашей рукой; но несколько дней тому назад я их уже получил, не знаю, от кого. Если это *книжный магазин*, то я ему верну Ваш номер; но, м. б., Вы по ошибке прислали мне два раза ту же книжку; тогда я верну лишний экземпляр Вам.

Искренне пред[анный]

В. М.

Как интересны письма Герцена¹.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по содержанию.

¹ «Письма А. И. Герцена к дочери» с предисловием и комментариями В. В. Руднева печатались в СЗ (1938. № 66–67; 1939. № 68).

120. Маклаков — Рудневу

Paris. 31 мая 1938 г.

31 М[ая]

Дорогой В[адим] В[икторович]!

Охотно верю, что для большой публики письма Герцена неинтересн[ы]; там *много* неинтересного. Зато есть *перлы*, как жемчужины в навозе. *Да* для Герцена интересен и самый «навоз» не в *осудительном* смысле. Что *мне* было очень интересно читать.

Вы не правы, что Вы просите, предлагая мне рецензию о Грузенберге¹. Он бы Вас за это проклял. В книге (кот[орую] я читал, хотя и не имею) — есть интересные места, и вот я *ее* прочел с интересом. Все это правда. Но о Грузенберге можно писать только тем тоном, каким в СССР пишут о Сталине; иначе он обижается и заваривает[?] личные неприятности. Я так писать не умею, да и не хочу. А ему нужно *это*, это особый род литературы.

Вас. Маклаков

Но я рад увидеть из Вашего предложения, что Вы еще не упраздняетесь. Но искренне не понимаю Вашего сожительства с «Рус[скими] запис[ками]», т. е. на каких *основах* Вы сосуществуете. Но это, м. б., праздное любопытство.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по содержанию.

¹ Речь в письме Руднева идет о рецензии на мемуарную книгу О. О. Грузенберга «Вчера» (Париж, 1938). Маклаков многие годы состоял с Грузенбергом в переписке, однако очень недолго любил своего коллегу и корреспондента, считая его (не без оснований) человеком самовлюбленным и с непомерным самомнением. В конечном счете они разругались и прекратили отношения. Через несколько лет корреспонденты помирились, но прежней, даже весьма относительной доверительности уже не было. Неудивительно, что Маклаков отказался писать рецензию на воспоминания Грузенберга. В конечном счете рецензию на книгу Грузенберга для СЗ написал Д. М. Одинец (1939. № 68. С. 486–487).

121. Маклаков — Рудневу

Paris. 10 июля 1938 г.

10 Juil.

Дорогой Вадим Викторович!

Не знаю, Вашей ли любезности я был обязан, что получал «Русские записки», или они посылали мне по своей инициативе. Но в июле я их не получал. Может быть, если посылали Вы, мой текущий счет у Вас исчерпан, а если посылали *они*, то просто прекратили эту любезность.

Как бы то ни было, я бы хотел еще месяца три их получать. Не знаю, есть ли для них, как были для «Современных записок», льготные тарифы?

Если [бы] они были, то не могу ли через Ваше посредство ими воспользоваться? Пишу все это в предположении, что у Вас еще есть мои деньги. Если нет, то я их пришлю куда надо. Только научите меня, что делать.

Преданн[ый] Вам

В. Маклаков

5, rue Régny.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по содержанию.

122. Маклаков — Рудневу

Paris. 31 июля 1938 г.

31.VII

Дорогой Вадим Викторович!

Я получил книжку «Русские записки», и если этим Вам обязан, то большое спасибо. Сейчас я уезжаю и хотел просить Вас не отказать мне в такой любезности и до *августа*, хотя бы в мой кредит. Меня заинтересовали воспомин[ания] Милокова¹, хотя бы потому, что он в первый раз признает *свою ошибку*. Правда, он собирается доказать, что и эта ошибка вышла на пользу, но, по крайней мере, в чем-то он сам говорит о своей ошибке. Это и ново, и открывает интересное поле для исследований.

Так вот очень одолжите, если можете мне.

Мой адрес до сентября будет:

Hotel des Thermes et Richelieu, Luchan (Haute Garonne)

Преданный Вам

В. Маклаков

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по содержанию.

¹ См.: *Миллюков П. Н.* Роковые годы // РЗ. 1938. № 4–12; 1939. № 13–21.

123. Маклаков — Рудневу

Б. м. 5 июня 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Я не могу больше сокращать рецензию о книжке Фенина¹. По-моему, и так от нее ничего не осталось. Но Фенин, к[о]т[орому] я ее посылал, умоляет меня ее поскорее напечатать.

Потому шлю ее Вам. Если она Вам не годится или если нужны еще сокращения, то будьте добры, не откажитесь ее мне *вернуть*. Копию я отослал Фенину, и у меня больше ничего не осталось.

Предан[ный] Вам

В. Маклаков

5 Ию.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о рецензии на книгу: *Фенин А. И.* Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.). Прага: Русский институт, 1938. Фенин Александр Иванович (1865–1944), горный инженер, в период Гражданской войны управляющий ведомством торговли и промышленности Особого совещания при генерале А. И. Деникине. В эмиграции в Чехословакии, преподавал в Горной академии в Пршибраме. Рецензия опубликована в СЗ (1939. № 69. С. 413–415).

124. Маклаков — Вишняку

Б. м. Б. д. Не позднее 1939 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Я получил письмо и чек (banque¹) на имя Миллюкова. Очевидно, Вы спутали конверты. 10 лет назад [?] из-за этого вышла старая трагикомедия². В данном случае поправить беду было легче, и я переслал и чек, и письмо на его адрес. О чем Вас и извещаю.

Предан[ный] Вам В. Маклаков

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77).

¹ кроссированный чек (франц.).

² Речь идет о случае, когда личное письмо Маклакова Миллюкову от 2 марта 1929 г., объясняющее, почему он не считает для себя возможным принять участие в праздновании 70-летнего юбилея Миллюкова, попало в руки сотрудников «Возрождения» и было опубликовано. Подробнее об этой скандальной истории см.: *Будницкий О. В.* Миллюков и Маклаков: к истории взаимоотношений // П. Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 378–380.

125. Фондаминский — Маклакову

Paris. До 23 января 1940 г.

Суббота

Дорогой Василий Алексеевич,
мы Вас очень просим докончить перевод — все равно Вы наш перевод не примете, будете его заново переделывать, и это будет двойная работа. Не знаю, надо ли Вам распространять его среди французов, но *по-русски он должен быть напечатан. Этого требуют интересы России*, и потому здесь колебаться нельзя.

Нам очень важно иметь перевод к середине будущей недели, и я очень прошу Вас больше не откладывать этого дела. Даю Вам слово, что я действую не как журналист, а как русский патриот. Все ждут появления Вашей записки с нетерпением¹.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). Датируется по содержанию следующего письма.

¹ Речь идет о записке в связи с советско-финской войной 1939–1940 гг. Маклаков опасался отождествления западными политиками России и Советского Союза, утверждал, что широко распространившиеся, в особенности после нападения СССР на Финляндию, мнения об исконности «русского империализма» беспочвенны.

126. Фондаминский — Маклакову

Paris. 23 января 1940 г.

23 I 1940

Дорогой Василий Алексеевич,
я надеюсь, что Вы уже получили «Новую Россию» и убедились, что примечание к Вашей записке сделано правильно¹. Мне казалось, что после Вашей подробной инструкции, которую мы точно выполнили, посылать Вам корректуру уже не надо — мы и так задержали выход номера.

Сегодня выяснил, что книга Ваша набирается и скоро выйдет. Согласитесь, что Вашей *литературной* славой вы отчасти будете обязаны мне — сами бы Вы, по своей скромности, ничего не опубликовали.

Шлю сердечный привет и искренне радуюсь, что Ваша записка увидела свет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). На бланке с надписью: «Русские поэты». Издательство «Современные записки». Адрес: С. Ю. Прегель-Брейнер, 19, rue Marbeau, Paris XVIe».

¹ Записка, точнее, заключительная часть записки Маклакова была напечатана анонимно в «Новой России» под заглавием «Меморандум по русскому вопросу» (Новая Россия. 1940. 20 янв. № 76–77. С. 2–5). В кратком предисловии от редакции говорилось: «Печатаемый ниже документ является переводом с французского языка заключительной части записки, составленной известным русским политическим и общественным деятелем демократического направления для осведомления французских политических кругов с положением русского

вопроса в настоящий момент» (Там же. С. 2). Несмотря на то что записка была опубликована без подписи, по стилю и по традиционным историческим отсылкам трудно было не узнать Маклакова.

127. Фондаминский — Маклакову
Paris. 12 марта 1940 г.

12 III 1940

Дорогой Василий Алексеевич,

Ваша книга *вся* набрана и на днях будет доставлена Вам для корректуры¹. Выйдет она этой весной. Торопить издателя нельзя — выпуск книги в настоящее время — подвиг.

Я думал, что Вы уже узнали меня и пришли к заключению, что на мое слово можно положиться. Очевидно, я еще не заслужил Вашего доверия. Я не унываю: еще несколько лет и Вы начнете мне доверять.

Шлю сердечный привет. Искренно любящий Вас

И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12). На бланке с надписью: «“Русские поэты”. Издательство “Современные записки”. Адрес: С. Ю. Прегель-Брейнер, 19, rue Marbeau, Paris XVI».

¹ Очевидно, речь идет о книге Маклакова «Первая Государственная Дума (Воспоминания современника)». Книга — в литературе, как правило, приводятся выходные данные Париж, 1939 — поступила в продажу после окончания Второй мировой войны.

128. Фондаминский — Маклакову
Paris. Б. д.

Суббота

Дорогой Василий Алексеевич,

я попаду к Вам сегодня не в 6 ч[асов], а только в 6½, а м[ожет] б[ыть] и в 7. Если Вы будете еще свободны, побеседуем, если нет, я оставлю корректуру, а приду к Вам на будущей неделе. Не сердитесь на меня — стараюсь изо всех сил провести «духовную мобилизацию» для победы над Гитлером и Сталиным.

Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Maklakov papers. Box 6. F. 12).

129. Маклаков — Рудневу
Paris. 10 февраля. Б. г.

10 Фе[в]р[аля]

Дорогой Вадим Викторович!

Я поторопился Вам отослать новую рукопись; не могли ли бы Вы вернуть ее мне

до понедельника. Обязуюсь ее вернуть; мне хочется сделать несколько почти корректурных поправок, чтобы не делать их в *корректуре*. Но сокращая беспощадно, я в некоторых местах скрыл смысл, и это требует некоторых изменений.
Вас. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Письмо на бланке: «57, rue de l'Abbé-Groult – Paris XVe».

130. Маклаков — Рудневу

Б. м. 24 июня. Б. г.

24/VI

Дорогой Вадим Викторович!
Нет ли какого недоразумения? Ведь Вы должны были уже вернуться, а я от Вас ничего не имею. Или Вы, получив мое принципиальное согласие, сами изменили текст в смысле, в кот[ором] Вы указали?

Этого бы я не хотел; хотя все Ваши замечания принимаю, но

- 1) хотел бы сам исправить,
- 2) я, пользуясь этим, кое-что переделал, не в смысле одних *выражений* — и поэтому могу *заменить* старые страницы новыми исправленными; это страницы 6, 16, 17, 18 и, главное, последняя 24.

Поэтому прошу Вас не отдавать статью в набор — а уведомить меня, что Вы намерены делать. Я предпочел бы, чтобы Вы мне вернули рукопись, отметив на полях, что надо исправить, — и я верну ее на следующий день. Или — если не хотите, то сообщите мне *это*, и я пришлю Вам новые страницы и напишу, *как* исправить остальные.
Вас. Маклаков

Прошу Вас мне ответить не откладывая.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

131. Маклаков — Рудневу

Б. м. 4 сентября. Б. г.

4 Се[н]т[ября]

Дорогой Вадим Викторович!
Ваше письмо блуждало за мной по Савойе, и я получил его накануне отъезда в Париж. Сегод[ня] несколько раз звонил в Земгор, но никто не отвечал. Но Вы не ошиблись в моей готовности быть пойманным на слове. Выбросил 15 строк, отмеченных красным карандашом. Если понадобится еще, могу и еще. «Грандиозн[ый] скандал» послужил на пользу.

Предан[ный] В[ам]

В. Маклак[ов]

Выброшено на стр. 21, 22, 23, 26, 27.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

132. Маклаков — Рудневу

Б. м. 9 сентября. Б. г.

9 Се[н]т.

Дорогой В[адим] В[икторович]!

Я узнал от Родзянка¹, что Вы у него были. Но что ж[е] Вы ко мне не зашли, как хотели? Впрочем, поскольку я узнал про Ваше дело, я едва ли мог бы Вам помочь. Я вхож в Министерство, *rue de Grenelle*, но на *rue Vaugirard* «обижаться» хочу в обход их адреса, пугать прямо *rue de Grenelle*. А в *rue Vaugirard* вхож Родзянко, а не я, и он обещал туда пойти, как только вернется *начальник*.

Можно еще через [нрзб]-сына; на него мы лучше напустим Рубинштейна, к[о-]т[орый] приезжает завтра.

Предан[ный] Вам

В. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Очевидно, Николай Михайлович Родзянко (1888–1941), сын последнего председателя Государственной Думы М. В. Родзянко. В период Первой мировой войны руководил передовым отрядом Красного Креста, организованным Государственной Думой. Участник Белого движения. В эмиграции во Франции, занимался организацией юридической защиты русских беженцев.

133. Маклаков — Вишняку

Paris. 2 ноября. Б. г.

2 Ноябрь[я]

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Я получил книгу «Современные записки»; на этот раз она не [со]провождалась никаким письмом. Догадываюсь, что ввиду отсутствия средств Вы, вероятно, прекратили гонорары сотрудникам. Но хотелось бы знать, не прекратили ли Вы по той же причине и выдачи отписок? Или это будет? Пожалуйста, не откажитесь мне это сказать.

Предан[ный] Вам

Вас. Маклак[ов]

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé-Groult – Paris XVe».

134. Маклаков — Рудневу

Paris. 18 ноября. Б. г.

18 ноя.

Дорогой Вадим Викторович!

Я совершенно с Вами согласен. О принципиальной позиции не стоит писать. При свидании скажу Вам, как я ее понимаю. Но сейчас дело не в этом. Резкостей я

совсем не хочу: то, что режет посторонний глаз, я охотно смягчу. Даже если это только глаз Вишняка. Я только благодарен Вам, что Вы мне эти места указали. Я и сам смягчал все то, что написал сначала, и может быть потому, в смягченном виде, моя статья мне показалась приемлемой. Но все-таки обычно интересней обман.

Если у Вишняка есть какие-либо «единоличные» мозоли, укажите их мне. Я их готов исправить, если возможно. Повторяю, что не только для «Современных записок», но и лично для *себя* резкостей не хочу. Но только захватите с собой рукопись. Я к свиданию приготовлю вариант.

В. Макл[аков]

«Нечестность мысли», вернее «организованная нечестность мысли» — не мое выражение¹, но оно мне очень нравится. Готов ее вовсе выпустить. Но не согласен с Вами, что это выражение нельзя применить к Милокову. Напротив, Милоков типичный образчик этой «нечестности мысли», что французы называют *esprit faux*², кот[орый] нельзя путать с личной «нечестностью». Милоков честный и порядочный человек; этого я не оспариваю. Но в нем есть именно «нечестность мысли». Но это «академический спор».

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Письмо на бланке с адресом: «57, rue de l'Abbé Groult — Paris XVe».

¹ Ср. п. 61.

² *esprit faux* (франц.) — нечестный ум.

135. Маклаков — Рудневу

Paris. Б. д.

Дорогой Вадим Викторович!

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, к[о]т[орое] я посылал Вам на квартиру по старому адресу, чтобы не опоздать. В адресе я не был уверен, и потому письмо могло не дойти.

Во всяком случае, я ответа не получал, да сейчас его и не нужно. Он все равно запоздал.

Но мне нужно бы Вас повидать по другому вопросу, связанному с тем же делом. Потелефоньте [так], когда бы это можно сделать.

Вас. Макл[аков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

136. Маклаков — Рудневу

Paris. Б. д.

Дорогой Вадим Викторович!

Рахманинов даст концерт на этот раз пополам: половина пойдет ему, а половина —

на благотворительность. Я его видел только *случайно*, у общих [?] знакомых, где говорить было невозможно. Но я уже подготовил его дочерей и с ним буду говорить непременно.

Моя очередная статья *готова*, и я ее не посылаю только потому, что, может быть, ее сумею еще сократить. Но мне очень хотелось бы с Вами поговорить об одном проекте, с к[о]т[орым] ко мне обращают[ся] и на кот[орый] я не хочу дать согласия без Вас; но с другой стороны, в ответе мне нужно яснее видеть [?] вперед.

Вас. Макла[ков]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке: «Office Central des réfugiés russes en France. 57, rue de l'Abbé-Groult, Paris (XVe)».

137. Маклаков — Рудневу

Б. м. Б. д.

Дорогой В[адим] В[икторович]!

Посылаю Вам копию письма к Вам, к[о]т[орая] сохранилась; не знаю, *толи* это, о чем Вы говорили; не сохранилось и Ваше письмо, на к[о]т[орое] я отвечаю. Моя частная переписка не в большом порядке и сохранности.

Вас. Макла[ков]

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).